
ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени И. В. Сталина. На сборке шагающего экскаватора. Монтаж токоприемника.

Фото М. Озерского.

На первой странице обложки: Каменщику Николаю Корнеевичу Дворникову присвоено звание «Лучший каменщик города Москвы». Он строил гостиницу «Москва», жилые дома на улицах Горького, Левитана, Песчаной. Ныне работает на строительстве десятиэтажного дома на улице Чайковского. Свой многолетний опыт он передает молодежи. **На снимке:** Н. К. Дворников (слева) и молодой каменщик Д. Афонин ведут наружную кирпичную кладку стен.

Фото Е. Умнова и А. Узляна.

ОГОНЁК № 13 (1346) 29 МАРТА 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВО ИМЯ ПРОЦВЕТАНИЯ РОДИНЫ

Вся Советская страна представляет собой в эти дни величественную картину всенародного трудового подъема.

«Наша священная обязанность состоит в том, чтобы обеспечить дальнейший расцвет социалистической Родины». Эти слова товарища Г. М. Маленкова, сказанные на траурном митинге 9 марта, призвали к неустанному труду на заводах и фабриках, угольных шахтах и нефтяных промыслах, в колхозах и совхозах. Советские люди горячо одобрили решения Четвертой сессии Верховного Совета СССР. В ответ на решения сессии последовали новые социалистические обязательства, обеспечивающие дальнейший расцвет промышленности и сельского хозяйства.

С каждым днем ширится соревнование донецких и кузнецких шахтеров.

Горняки шахты «Черная Гора» в Кузбассе обещают дать в нынешнем году сверх плана 18 тысяч тонн угля. В Донбассе горняки шахты № 40 «Кураховка» на своих сменных собраниях пересмотрели обязательства и пришли к выводу: они могут дать сверх плана 30 тысяч тонн. В первые же дни тысячи сверхплановых тонн угля были выданы на-гора. Рабочие этой шахты достигли самой высокой производительности труда по всему комбинату «Артемуголь».

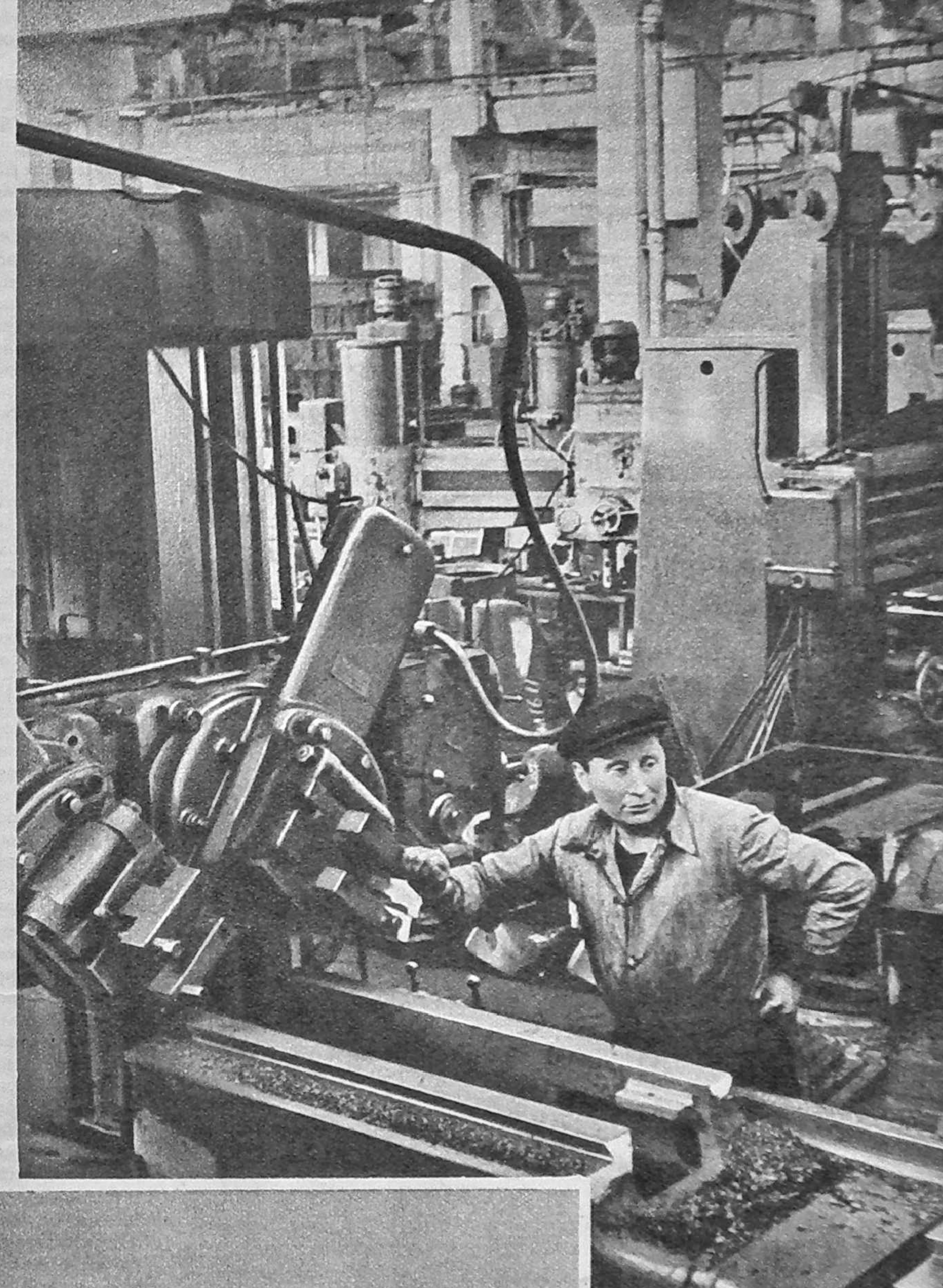
Патриотическими делами отвечают на призыв партии и правительства строители гидростанций на Волге. Огромный размах приняли работы в пойме Волги на сталинградской стройке. Сверхмощный земснаряд № 1005 намывает последние тысячи кубометров в верхнюю перемычку. До 1 апреля строительный район Волго-Ахтубинской поймы должен быть огражден! Успешно проходит намыв перемычки и в Жигулях. Здесь действует земснаряд № 1004, намывающий тысячу и больше кубометров грунта в час на высоту до 80 метров.

Все новое и новое оборудование для великих сталинских строек поступает с заводов.

— Вырастим и соберем не менее 120 пудов зерна с гектара на всей площади, — обязываются колхозники Аксайского района, Ростовской области.

— Будем еще настойчивее укреплять колхозный строй, совершенствовать социалистическое земледелие, — заявляют члены сельхозартели имени Чапаева, Режевского района, Свердловской области. Они обязываются встретить во всеоружии весенний сев и провести его в сжатые сроки.

Труженики Советской страны верны своей священной обязанности — обеспечить дальнейший расцвет социалистической Родины.

Рабочие Московского завода шлифовальных станков изо дня в день повышают производительность труда. На снимке (вверху): строгальщик Ф. М. Якубов, выполняющий свыше двух норм.

Фото О. Кнорринга.

На стройке Куйбышевской ГЭС. Слева: мощный земснаряд № 1004 намывает перемычку.

Фото А. Гостева.

ВПЕРЕД К КОММУНИЗМУ!

Всенародным одобрением встретили трудящиеся нашей великой Родины решения Четвертой сессии Верховного Совета СССР. Со всех концов необъятной советской земли несутся вести о новом мощном подъеме политической активности рабочих, колхозников, интеллигенции, о новых патриотических трудовых подвигах, овеянных бессмертным именем Сталина. Несокрушимы единство и сплоченность народа вокруг Центрального Комитета партии и советского правительства.

Решения, единодушно принятые высшим органом государственной власти нашей страны, направлены на обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью нашей социалистической державы. Вся дружная многонациональная семья советских народов от всего сердца приветствует и поддерживает выработанную партией и правительством внутреннюю и внешнюю политику, отвечающую коренным интересам нашего народа. Советские люди полны уверенности в том, что правительство СССР, возглавляемое верными учениками и соратниками великого Сталина, успешно поведет наш народ к построению коммунистического общества.

Решения сессии исходят из того, что сила нашего руководства — в его коллективности, сплоченности, монолитности. Принятые Верховным Советом законы создают еще более благоприятные условия для успешного решения великих исторических задач, стоящих перед нашей страной.

Принятый Верховным Советом СССР закон о преобразовании министерств ведет к дальнейшему совершенствованию руководства государственной деятельностью, развитием хозяйства и культуры в стране. Преобразование министерств путем объединения родственных отраслей народного хозяйства, культуры и управления отвечает давно назревшим потребностям коммунистического строительства. Еще при жизни товарища Сталина длительное время в партии и в правительстве вынашивались организационные меры перестройки руководства государственной и хозяйственной деятельностью. Теперь, в связи с тяжелой утратой, которую понесла страна, лишь ускорено их проведение в жизнь. Советский народ полностью одобряет эти меры, вытекающие из решений, принятых Пленумом Центрального Комитета партии, Советом Министров СССР и Президиумом Верховного Совета СССР, и ныне приобретшие силу закона.

В решениях Четвертой сессии Верховного Совета СССР нашли свое отражение великие победы советского народа, одержанные им на пути к построению коммунизма в нашей стране.

Взглянем на нашу Родину сегодня. Какой огромный исторический путь прошли советские народы, ведомые Лениным и Сталиным, сплачиваемые и направляемые Коммунистической партией! Повсеместно, в любой географической точке советской земли, во всех областях жизни, в производстве и строительстве, в быту трудящихся и культуре всей страны, произошли такие глубокие и благодатные перемены, точно прошли целые столетия. Между тем весь этот небывалый в истории человечества процесс преобразования, роста и обновления жизни в интересах трудящихся занял при власти Советов, под руководством партии Ленина — Сталина, всего лишь немногим более трети века. Всеми своими историческими завоеваниями, непрерывным, из года в год, ростом материального благосостояния, расцветом своих духовных сил и талантов, всем своим счастьем народы нашей Родины обязаны партии коммунистов, ее титанической, самоотверженной работе, ее стальному единству, ее мудрой, испытанной ленинско-сталинской политике.

Руководимая Сталиным, партия очистилась от правых, «левых» и прочих капитулянтов, предателей, агентов империализма, пытавшихся повернуть партию и народ на гибельный путь капиталистической реставрации. Враги народа были выброшены, как мусор, на свалку истории, и партия, монолитная в своем идейном и организационном единстве, повела народ вперед, преодолевая все трудности и препятствия на пути к социализму.

Советский народ, построивший социалистическое общество и ныне созидающий коммунизм, стал признанным авангардом всего прогрессивного человечества. Знамя мира и социализма высоко поднялось над трудящимися угнетенными людьми всей планеты — над рабочими, из которых выжимают пот и кровь хищные капиталистические монополии, над крестьянами-бедняками, изнывающими под помещичьим ярмом, над народами колоний, закованными в цепи рабства. Страна победившего социализма воплощает надежды всего передового, что есть на земле, всего свободолюбивого и честного. В итоге победы Советского Союза над фашизмом во второй мировой войне изменилась вся международная обстановка. Вокруг нашей социалистической Родины сплотился могучий лагерь мира, демократии и социализма, объединенная общими интересами семья свободных народов, насчитывающая 800 миллионов тружеников.

Наша Родина в могучем расцвете своих сил. Во всем величии открыты перед нами перспективы перехода от социализма к коммунизму. «У нас,— говорил товарищ Маленков на траурном митинге 9 марта,— есть все необходимое для построения полного коммунистического общества.

С твердой верой в свои неисчерпаемые силы и возможности советский народ творит великое дело строительства коммунизма. В мире нет таких сил, которые могли бы остановить поступательное движение советского общества к коммунизму!».

В нашей стране нет недостатка в природных богатствах. Они безграничны. Ничто не стесняет могучего роста и поступательного развития социалистических производительных сил. Неисчерпаемы возможности развития в нашей стране науки и техники, роста культуры труда, массового изобретательства и новаторства. Неусыпными заботами партии Ленина — Сталина в стране выращены многочисленные кадры, вооруженные техническими знаниями, готовые не покладая рук отдавать свой труд и талант на благо Родины. Наш народ обладает такой бесценной моральной силой, как животворный советский патриотизм, рождающий ежедневно и ежечасно трудовые подвиги миллионов рабочих, колхозников, интеллигентов. Наш советский строй является самым прочным и непоколебимым в мире, ибо в основе его лежит тесное, нерушимое единение партии, правительства, советского народа.

Своего могущества, богатства, славы, мирового авторитета наша Родина достигла потому, что партия, правительство и народ у нас всегда едины. Воздвигая гигантские электростанции на Волге, Аму-Дарье, на Днепре, на реках Сибири, опоясывая поля лесными полосами, прорывая каналы в пустынях, советские люди знают, что это направлено на благо народных масс, что богатство Родины — это богатство народа, что в этом источник благосостояния каждого гражданина Советского Союза. Законом для нашего советского правительства, подтвержденным с трибуны сессии Верховного Совета товарищем Маленковым, является служение интересам народа, забота о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей, о дальнейшем расцвете нашей социалистической Родины.

Народы нашей страны твердо знают, что надежным щитом, оберегающим от козней врагов великое мирное строительство на советской земле, является испытанная советская политика сохранения и упрочения мира, политика дружбы и сотрудничества, полностью отвечающая первейшим жизненным интересам всех народов. Вот почему с огромным удовлетворением встретили трудящиеся нашей страны подтверждение на сессии Верховного Совета этой политики, неотъемлемой частью которой является обеспечение обороны и безопасности нашего Советского государства.

Глубокий отклик в сердце советского человека, как и всякого трудящегося человека на всей земле, встретили слова товарища Маленкова: «В настоящее время нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, в том числе и наших отношений с Соединенными Штатами Америки. Государства, заинтересованные в сохранении мира, могут быть уверены как в настоящем, так и в будущем, в прочной мирной политике Советского Союза».

Все прогрессивное человечество видит в этом заявлении советского правительства новое свидетельство того, что проводимая Советским Союзом политика мира, которая зиждется на уважении прав всех народов, больших и малых,— эта политика является твердой и неизменной. Вместе с тем все свободолюбивые люди мира знают, что наше Советское государство, строго придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других стран, никогда не терпело и не потерпит чьего бы то ни было вмешательства в свои дела. Бдительность всегда была и остается верным оружием советского народа. Могучие Вооруженные Силы Советского Союза зорко стоят на страже мира и безопасности нашей страны. Над их укреплением неустанно трудятся партия, правительство, весь народ.

В трудные дни, когда наша страна переживает скорбь тяжелой утраты — уход из жизни Великого Сталина,— с невиданной силой проявляются безграничное доверие, любовь и поддержка советского народа своей родной Коммунистической партии. Народ видит в партии могучую, незыблемую и верную опору дела строительства коммунистического общества. И он отвечает делами на призыв Центрального Комитета Коммунистической партии и советского правительства — проявлять единство и сплоченность, твердость и бдительность, удвоить свою энергию по строительству коммунизма в нашей стране.

Трудиться, как завещал Великий Сталин! Этот клич облетел нашу Родину из края в край. И слова эти не расходятся с делом. Напряженным творческим трудом воздвигает памятник в веках Сталину советский народ.

Решения Четвертой сессии Верховного Совета СССР отразили непоколебимую уверенность советских людей в своих силах, уверенность в том, что неудержимо будет расти мощь нашей социалистической державы.

За десятилетия неустанного труда по руководству внутренней и внешней политикой государства, в постоянных заботах об обороноспособности страны сложилась когорта выдающихся деятелей партии, преданных делу народа, верных соратников бессмертного Сталина. В их надежные руки советский народ передал управление государственной машиной великой и непобедимой социалистической державы. Люди нашей страны могут спокойно трудиться, уверенно возводить светлое здание коммунизма. Коммунистическая партия и советское правительство, сильные доверием и единодушной поддержкой всего народа, ведут наше государство по ленинско-сталинскому пути. Знамя Ленина — Сталина находится в верных руках!

Ярко горят над советской землей неугасимые звезды Кремля. В тесном единении партии, правительства и советского народа наша Родина идет и придет к торжеству великого дела коммунизма!

ВДОХНОВЛЕННЫЕ СТАЛИНСКИМ СЛОВОМ

На севере обширной кубанской равнины, вдоль причудливо извивающейся степной речушки со странным названием Челбас, раскинулись угодья каневских колхозов. Там, где раньше безраздельно господствовали «черные бури» и суховеи, теперь лежат поля, изрезанные квадратами лесополос, да пруды в балках. Там, где четверть века назад только мечтали о цветущих яблонях и грушах, широко раскинулись сады и виноградники. Высятся металлические ветряки на скотных дворах. На выпасах бродят отары тонкорунных овец.

Каневский район, Краснодарского края! Вспоминается год 1930-й, когда о каневчанах узнала вся страна. В июне того года в печати появилось их письмо товарищу И. В. Сталину. Триста колхозников-ударников, поставивших свои подписи под письмом, сообщали дорогому отцу и учителю:

«Наш Каневский район, Кубанского округа, — первый ударный район во всем Союзе. Звание ударного района нами завоевано в ожесточенных боях против кулачества... Кулак прилагал все силы, чтобы сорвать колхозный сев, но просчитался... Посевная площадь по сравнению с прошлым годом увеличена на 33 процента, по техническим — на 57 процентов. Мы освоили часть свободной земли. Пусть правые уклонисты подумают над этими цифрами, может быть, они поумнеют, перестанут говорить об упадке сельского хозяйства».

Колхозники заверили товарища И. В. Сталина: Каневский район и в дальнейшем будет стоять в первых рядах борцов за социалистическое строительство.

Через несколько дней в газетах был опубликован ответ товарища И. В. Сталина каневским колхозникам:

«Братский привет колхозникам и колхозницам Каневского района. Желаю успеха в борьбе за укрепление колхозов и за дальнейшее их развертывание с охватом всех бедняцко-середняцких хозяйств. Поздравляю с победой над кулачеством.

И. СТАЛИН».

Да, это была большая победа! В свое время кулаки держали в своих руках 40 процентов посевной площади, всю торговлю и промышленность в Каневской и окружающих ее станицах. Коллективизация осуществлялась здесь в ожесточенной борьбе с кулачеством. И когда в 1930 году молодые колхозы района успешно закончили весенний сев, хлеборобы решили рассказать о своей первой победе над кулачеством товарищу Сталину.

Прошло почти четверть века. Как выглядит сейчас Каневский район и какова судьба людей, подписавших письмо товарищу Сталину?

О Кубани говорят: это житница Советского Союза. Каневский район по праву можно назвать житницей Кубани.

Здесь более чем на 100 тысяч гектаров раскинулись поля, на которых возделываются, кроме зерновых, такие важные технические культуры, как хлопчатник, клещевина, конопля.

За годы колхозного строя урожай основной продовольственной культуры — озимой пшеницы — повысился в три раза. Невиданные урожаи снимаются и по другим культурам. От одной конопли колхозы получают ежегодно по 2—3 миллиона рублей каждый.

Все 10 колхозов района стали миллионерами. Их общий доход — 30 миллионов рублей.

В письме товарищу Сталину каневчане с радостью сообщали о создании первой животноводческой фермы, насчитывавшей 150 коров. А теперь на колхозных фермах свыше 50 тысяч голов скота, 125 тысяч птиц. Да и фермы стали другими. О таких и не мечтали в тридцатые годы: тут и электродойка, и автопоение, и электрострижка овец, и механизированные кормушки.

Далеко вперед шагнули агрономическая и зоотехническая культура, механизация. Вот красноречивые сопоставления.

В 1930 году Каневская МТС, обслуживавшая весь район, располагала 16 тракторами, 16 плугами, 16 сноповязалками и 4 сеялками. В МТС работало 30 трактористов. Весенний сев длился полтора — два месяца.

Сейчас в районе пять машинно-тракторных станций. На полях колхозов и совхозов работает 650 тракторов, 125 комбайнов и свыше 5 тысяч различных сельскохозяйственных машин и прицепных орудий. На 100 гектаров пашни теперь приходится 18 лошадиных сил против четверти лошадиной силы в 1930 году. Производство зерновых полностью механизировано. Завершается механизация и других культур. Труд каждого четвертого хлебороба связан с машиной. Весенний сев колосовых теперь занимает не более 4—6 дней.

Среди 300 человек, подписавших письмо товарищу Сталину, был первый каневский тракторист Иван Иванович Зайко. Ныне Иван Иванович — директор Каневской МТС. Агрономом Стародеревянковской МТС работает Алексей Кириллович Сорока. И его подпись стоит под письмом к товарищу Сталину — в ту пору он был рядовым полеводом. От рядовой колхозницы до агротехника — вот путь Валентины Федоровны Павловой. Она заведует лучшим на Кубани Домом сельскохозяйственной культуры в колхозе имени Калинина. Заместитель председателя правления этого колхоза Петр Дмитриевич Алексенко так же, как и Павлова, подписывал письмо товарищу Сталину.

Росло хозяйство района, росли его люди — это их трудом создавались богатства артелей, это они добивались, как того пожелал им Иосиф Виссарионович Сталин, «успеха в борьбе за укрепление колхозов и за дальнейшее их развертывание...»

Сорт клещевины, выращиваемый ныне во многих районах Краснодарского края, создан земляком каневчан, кандидатом сельскохозяйственных наук, лауреатом Сталинской премии Василием Емельяновичем Зинченко.

В районе 50 агрономов, 60 зоотехников и ветеринарных врачей, 20 инженеров и техников. Людей, имеющих специальное среднее и высшее образование, здесь более тысячи.

Многие каневчане, стоявшие у колыбели первых колхозов, сейчас находятся далеко от родных станиц, на разных участках социалистической стройки. Один из активных деятелей коллективизации, вожак сельских комсомольцев Тимофей Тимофеевич Хрюкин, стал дважды Героем Советского Союза, генерал-полковником авиации.

Весть о кончине Иосифа Виссарионовича Сталина глубокой печалью легла на сердца кубанских хлеборобов. В скорбном молчании стояли они в станице у скульптуры товарища Сталина. На траурном митинге казаки и казачки поклялись еще теснее сплотиться вокруг партии и правительства, крепить союз с рабочим классом, довести до конца дело Ленина — Сталина.

— Весенний сев нынешнего года мы проведем по-сталински, — говорит агроном А. К. Сорока. — Каневчане соберут такой обильный урожай, какого никогда еще не давала кубанская земля.

В. ДАРМОДЕХИН

В колхозе имени Калинина, в Доме сельскохозяйственной культуры.
Фото А. Галаганова.

Новая техника пришла в МТС.

Совет рационализаторов колхоза имени Кирова.

На Кубанской земле

Павел КРАВЧЕНКО

Фото И. Тункеля.

Старый Тарас был человеком словоохотливым, но себе на уме. Сначала повел себя так, будто хотел только расспросить приезжего человека, а потом понемногу рассказал про всю колхозную рационализацию, которой явно гордился.

— Вы, товарищ, тоже делегатом сюда приехали? По механизации? Так. Я и смотрю: под полушубком у вас комбинезон... Где такие полушубки делают? В Мордовии? Издалека, значит, приехали. К нам теперь многие учиться приезжают. Из-под Москвы, из-под Рязани, из других областей... Такая слава про нашу кубанскую механизацию пошла...

Вы у кузнеца Тимофея Терентьевича Козырева не были? Нет, не в МТС, в колхозе имени Сталина...

Ему, Тимофею Терентьевичу, как и мне, за семьдесят... Не были? А ведь с него все и началось у нас, во всем Ленинградском районе. Приладил он что-то там в сортировке — она и стала побольше зерна перерабатывать. Ну, кто же бы раньше внимание на это обратил? Больше — и пускай себе больше... А вышло совсем по-другому, как никто и не загадывал.

Услыхал про козыревскую сортировку секретарь райкома Быханов, собрал всех специалистов и механиков, посадил на грузовик — и к Козыреву. Ходит вокруг его сортировки, руки потирает: учитесь, говорит, добрые люди, как к технике относиться надо. Долго они расспрашивали старика, разглядывали, кто серьезно, а кто так, из уважения: человек старый, зачем его обижать? Когда уже, говорят, обратно ехали, некоторые все-таки роптать стали. Что вы, говорят, Виктор Дмитриевич! Ну, какое тут дело особенное: кузнец решета по-другому переставил? Стоило нас из-за этого от работы на весь день отрывать? А Виктор Дмитриевич Быханов только усмехается, говорит: нам с вами, коли ничего не смыслить, целый век киснуть. Мы с вами, говорит, товарищи специалисты, еще не раз Козыреву поклонимся. Этот кузнец нам почин дал. И когда мы его почин поддержим, огромные дела в наших колхозах начнутся!

Собирает Виктор Дмитриевич в райкоме плотников, кузнецов и механиков изо всех колхозов. Специалистов тоже усадил. А Козырева — на почетное место. Старик, говорят, оробел от непривычки к такому почету. Сидит, руки у него трясутся, но рассказывает: вот так и вот так переделал я сортировку свою... Ну, потом они тут спорить начали. Долго спорили, шуму, понятно, много было, и по домам разошлись. Говорят, многим кузнецам досада в голову запала, все раздумывали, примеривали... Ну, были и другие — те ничего не поняли, только хвастались, что в самом райкоме партии заседали... Всякие люди бывают!

А не задерживаю я вас, товарищ механизатор? Нет? Хорошо. Как раз в том 1950 году перебрался я жить недалеко от хаты Давиденко Андрея Павловича. Вы, наверно, слыхали. Он партийным секретарем сейчас в колхозе имени Кирова работает, а тогда еще укрупнения не было, так плотничал он в маленьком колхозе имени 17-го партсъезда. Ну, и там он тоже партийным секретарем был. Член партии не первый день, человек справедливый, и плотник хороший — вот его везде и выбирают секретарем.

После того большого собрания в райкоме приглядываюсь я к Андрею Павловичу. Повеселел он. Правда, у него и раньше такой характер был, что на месте ему не усидит. А тут, смотрю, только мотоцикла ему не хватает... То к механику Сорокову побежит, что-то доказывает, прямо куры со двора шарахаются! То с кузнецом Недилько Матвеем Тимофеевичем в кузнице шушукается, а тот только глаза щурит да головой качает: у него, Матвея Тимофеевича, хоть руки и золотые, но уж очень положительного мнения о себе человек. Не любит, чтоб так сразу с каждым соглашаться... То уже, смотрю, в правлении с председателем что-то на счетах по очереди стучат. А то у себя в плотницкой какие-то модели склеивает... Скажу я вам, товарищ механизатор, беспокойное это дело — партийное секретарство!

Что же вы думаете? Засели они втроем: механик Сороков, кузнец Недилько и Давиденко Андрей Павлович. То в кузнице, то в плотницкой мастерской. Сортировку новую изобретают, чтобы получше козыревской была. Сначала Сороков у них старшим был, Недилько — исполнителем, а Андрей Павлович — так, будто только по своей плотницкой работе им помогает. Но, надо вам сказать, у них тогда, конечно, главная голова Андрей Павлович был... Не напрасно его секретарем парторганизации выбирали... Он и Матвея Недилько раздразнил. Недилько не каждого бы, конечно, послушался, но надо вам сказать, что если бы Андрей Павлович в апреле 1942 года под Кущевкой не вытянул Матвея Недильку из засыпанного окопа да не принес его, контуженного, на пункт, то и по это время лежал бы там Матвей Тимофеевич.

Ну, это я в сторону отклонился. Конечно, дело не только в том, что Недилько обязан был партийному секретарю. Понимал он уже давно, конечно, что и всей партии он за многое обязан. С соображением все-таки человек. Да его к тому времени и самого стало разбирать после истории с Козыревым. Но его еще долго разбирало бы, а Давиденко поторопил.

И вот начал спорить Недилько с Сороковым: и площадка не такая и с колесами не так. Один говорит: надо в четыре метра, другой — в два с половиной. Ну, Давиденко помирил их: остановились на трех. Поставили они на эту раму две спаренные веялки. Транспортеры корцовые сами изготовили. Бункер на восемь тонн. Целый агрегат на колесах получился. Большой, нескладный. Как корабль у Петра Первого.

Ну, конечно, иные старики смеяться приходили на это сооружение. Говорят: сідало для курей поделали, колхозное железо да лес на пустое извели. Недилько — он нетерпеливый — гонять этих зрителей от сортировки стал. Скажет им такое слово, они и отходят в сторону... Побаивались Матвея Тимофеевича.

Секретарь парторганизации А. П. Давиденко многое кузнецу М. Т. Недилько подсказал.

Летом повезли это сооружение на хутор, на полевой стан. Едет агрегат по дороге, переваливается со стороны на сторону, как утка с пруда, дороги ему не хватает... Собаки, понятно, рады — гавкают, надрываются. Ребятишки со стороны поспешают на раму подцепиться. Народу как на цирк собралось. Недилько прямо зубами скрипит, а Андрей Павлович — тот ничего, идет в стороне, смеется.

И надо сказать, вышло куда лучше, чем у Козырева. С первых же дней до ста тонн зерна за сутки стало это сооружение перерабатывать. Раньше бы для этого надо шесть — семь веялок поставить да человек сорок девчат к ним, а тут пять человек работают, и быстрее получается. Подойдет грузовик под бункер, за одну минуту в кузов зерна доверху насыплется — грузчикам делать нечего. Хотя, правда, часто и на ток из бункера высыпали зерно: данникам машин не хватит, чтоб одна за другой под бункер подходить... Одним словом, именины получились. Секретарь райкома Виктор Дмитриевич приехал, наверх поднялся, в бункер заглядывал. Там корцы так зерно бросали, что ему даже глаза запорошило. Ничего, отряхнулся, слез оттуда, поздравил механизаторов, все посмеивался, а потом в другие колхозы поехал. Из других колхозов тогда кузнецы и механики приезжать стали, под самую раму лазили, все высматривали. И кузнец Баляба из колхоза Буденного приехал. Тоже долго смотрел. Видимо, Виктор Дмитриевич их сильно задел, ну и у каждого, безусловно, самолюбие за свой колхоз. Даже побелеет иной, как наглядится на эту рационализацию.

Тут как раз укрупнение подоспело. Договорились пять колхозов в один свести. Назвали колхоз имени Кирова. Двенадцать тысяч гектаров получилось, вон куда махнули! Одних полеводческих бригад семь! Андрей Павлович Давиденко и забегал тогда... Забегаешь! Всю перспективу менять надо. Уселся опять за чертежи. Ну, и Недилько уже в полную свою силу вошел. Ходит по-хозяйски, на председателя кричит, с механиками из МТС спорит. Первый агрегат ему уже не нравится. Новые ладит, помощников себе требует.

За зиму на 1951 год переделали они свою сортировку. Раму наполовину укоротили, транспортеры немного переставили, и машина стала куда красивее, поворотливее. Потом еще два таких же агрегата сделали... Целый парк получился.

Ох, и скандалов сколько было на уборке! Раньше, когда агрегатов не было, вертели себе вручную веялки и хлопот будто не знали. Только и хлопот, что чересчур много народу к этим веялкам требовалось... А тут каждая бригада норовит к себе агрегат увезти. Бригад семь, а агрегатов три... Конечно, и бригадира понять надо: каждому интересно и зерно поскорее пересортировать и чтобы людей на другой работе использовать... В одной бригаде агрегат днем работает, а на ночь его к себе другая бригада перевозит. Утром те снова прибегают: «Давайте наш агрегат!» «Откуда он ваш, если у нас работает?» До серьезных ссор доходило. Их Алексей Данилович Кардаш мирил. Тогда он еще заместителем председателя колхоза был. Правду надо сказать, везде Алексей Данилович поспевал, даром что из себя полный такой, но повсюду за день побывает.

А с самим председателем, надо сказать, не повезло колхозу. Выбрали такого Брусенцева, а он какой-то чудной оказался. Тут уборка, а он только в девять утра дома ставни раскроет, в правление зайдет, за столом посидит, к полудню только в машину сядет — и поехал в поле, из-за стекла машины на работу дивится. Увидит, где люди у самой дороги работают, и шоферу кричит: «Объезжай другой дорогой!» Спокойный характер имел, знал, что женщины накинутся: давай того, давай другого. Не любил, значит, человек беспокойства... Вы, может, думаете: привирает старый Тарас, не бывает таких председателей. А вот был же! На двери кабинета табличку кнопками пришпилил: «Прием посетителей-колхозников от одиннадцати до часу». Слышите? По-се-ти-те-лей! А посетители на уборке рук не покладают... Заглянешь, случаем, в дверь, а он сидит, в шахматы играет... Тьфу! Зимних вечеров ему мало для шахмат.

Ну, правда, после уборки квартальное собрание состоялось. Досталось тут Брусенцеву на орехи. Так досталось, что другой бы со стыда сгорел. А он хоть бы что. Недоступным для критики себя считал. Все войско не в ногу, он один в ногу. Если, говорит, вы хотите, чтобы Брусенцев у вас остался председателем, то прошу голосовать за это, а если не хотите, то вот вам печать — и шарк печатью об стол! Удивились, понятно, колхозники. Какое голосование, когда собрание не отчетно-выборное, а квартальное? А у Брусенцева, как в том парламенте, вотум доверия, значит.

Ну, тут ему колхозники показали вотум. Старики, и те оторопели сначала. Потом разобрались, один за другим вскакивают, кричат ему. Ты что, кричат, печатью по столу играешься? Какой на той печати герб высечен? Ишь, чем разбрасываться стал! Печать, может, для колхоза, как знамя для полка, а ты, значит, насмешки делать стал? Шахматист! Крик поднялся, шум сильный. Мы, говорят, тебе дали печать, мы у тебя ее и отберем. И что вы думаете? Так всем собранием и сняли Брусенцева, а выбрали Кардаша Алексея Даниловича. Ему и печать вручили...

И правда, сразу дело веселее пошло. Все-таки уважение большое от народа Кардашу было оказано. Он дела колхозные подправил и сразу тоже за механизацию взялся. У Брусенцева ведь до нее руки не доходили, больше самотеком дело шло... Андрею Павловичу Давиденко и всей парторганизации сразу полегче работать стало.

В том году правительство решение вынесло: провести в нашем крае комплексную механизацию. Гораздо больше машин у нас появилось: государство прислало... Правда, к этому решению сами колхозники уже готовы были. Каждый понимал, что раз урожаи высокие, то и машин везде больше надо. Иначе не управишься. А Давиденко ходит и поясняет: конечно, говорит, если кто, может, думает, что раз полегче станет, то галушки сами в рот скакать начнут, тот ничего не понимает в комплексной механизации. Теперь, говорит, каждый колхозник должен уметь и в механизмах разбираться и больше соображать в культуре земледелия, а иначе отстать ему придется. Раньше нагрузка на руки и плечи, а теперь больше на соображение... Учиться надо!

Нужно сказать, начали учиться. А Матвей Тимофеевич Недилько прямо совсем как инженер у нас стал. Уже мало ему готовые веялки спаривать да переоборудовать. Говорит, недостаточные те веялки, плохо их на заводе делают. Снова посоветовался с Давиденко и давай уже не парные, а по одной крупной веялке конструировать. И, конечно, уже не под силу бы одним Недилько с Давиденко такую работу одолеть. К тому времени там целый коллектив вокруг мастерской образовался. В том, конечно, была заслуга и Кардаша, и Давиденко, и всей парторганизации.

Оно само собой и получилось, что создался при колхозе совет рационализаторов и изобретателей. Председателем Андрея Павловича Давиденко выбрали. Началась работа!.. Кузнец Марченко вспомнил старую специальность, литейщиком стал. И по шкивам он тоже специалистом оказался. Шестеренки сам делал. Моисеенко, механик, тот расчеты оборотов готовил, токарные работы производил. Андрющенко, плотник, подсказал, как грохота пристроить, чтобы полегче ходили. Головань, бригадир тракторной бригады, тоже хорошо помог. Да всех теперь и не пересчитаешь... Ну, а главную работу Недилько делал да выдумывал. Давиденке, тому и дела меньше стало.

К лету вышли из мастерской еще четыре совсем новые крупные сортировки своего производства. Теперь в каждой из семи бригад уже своя была!

И того мало показалось. Все-таки грузовики и подводы не могли поспевать под бункера сортировок. Приходилось зерно на ток ссыпать. С тока на машины грузить долго, да и людей Кардашу жалко было: время горячее, люди везде нужны. Тогда еще три автопогрузчика построили. Машина подойдет, автопогрузчик затарахтит, — смотришь, и полный уже кузов. Как на заводе! А Недилько ходит вокруг и нашу речку Сосыку последними словами чествует. Не нравится ему, что она такая мелкая, степная, в жаркую пору курица перейдет — ног не замочит. Нам, говорит, давно бы свою гидроэлектростанцию сладить, электричества не хватает, а что она, та Сосыка поганая! Только и пользы от нее, что камыш торчит да утки гагакают! Ну, он разве когда бывает довольный, Недилько? Нет, всегда шумит. Жадный он стал на механизацию. А Андрей Павлович нет, чтобы успокоить его, еще жару подбавляет: и что это оно, говорит, никак мы не можем свою машину для чеканки хлопка приспособить? И подвесной дороги в наших коровниках нет, женщинам маята лишняя! Ну, Недилько тогда еще больше распаляется.

— Скоро новые ремни для транспортеров будут? — допытывается М. Т. Недилько у председателя колхоза А. Д. Кардаша (справа).

А тут еще делегации отовсюду ездить начали. То из Павловки, то из Кущевской, то из Старо-Минской, а то и совсем из других краев. Недилько ходил с ними, все показывал, а Давиденко на письма из дальних областей отвечал, как механизированные тока строить надо. А потом Недилько уже и сердиться стал: приезжают, говорит, будто чудо какое рассматривать, а можно бы уже сколько дела сделать, если б не та Сосыка несчастная, чтоб она пропала! Только глаза мозолит!

Ну, сказать вам надо, к тому времени делегации уже не только в один колхоз Кирова приезжали, а по всем колхозам нашего Ленинградского района ездили. Райком партии много делу помог. В каждом колхозе свои механизаторы хоть и по-другому, а не хуже работали. И советы механизаторов такие же в каждом колхозе образовались. Такая механиза-

ция вокруг началась, что вы и сами, товарищ механизатор, небось, сейчас дивитесь. Оно, положим, сейчас ее еще больше стало, но и тогда, к лету, механизированные тока в каждом колхозе района уже были. А в колхозе Буденного кузнец Баляба Иван Иванович такой один ток соорудил, что и из министерства, говорят, смотреть приезжали: бетонированные ямы, бункер на сорок тонн, навес, проездной путь под бункером для машин. Сто шестьдесят тонн за день этот ток уже перерабатывал, и пять человек всего на нем работало... Ну, надо правду сказать, им все-таки легче было: земли у них поменьше и все под рукой, все зерно на один ток свозить можно, а в Кировском колхозе, видали, куда поля растянулись? Меньше чем семью токами еще пока не управишься! А секретарь райкома Виктор Дмитриевич ездит, похваливает, а потом и задаст загадку: а знаете, говорит, товарищи механизаторы, что по нашему краю в это лето начнет уже около двух тысяч механизированных токов работать? В других, говорит, районах тоже у людей, между прочим, головы на плечах имеются. Не пришлось бы, говорит, нам с вами самим на тот год ездить к кому-нибудь учиться механизации! Ну, человек хоть и улыбается, но серьезно говорит. Конечно, люди расстраиваются, за живое их такие слова берут, опять за чертежи садятся. Ни у кого ведь отставать нет желания!

Посеяли хорошо, весна в 1952 году была дружная, а тут как кувалдой по голове! В середине мая как ударят морозы, я и не запомню, когда у нас такое бывало. Не только Кардаш и Давиденко, все прямо с лица почернели в те дни. Да еще ветер как нарочно... Где подсолнух уже на палец вылез, так его приморозило, а ветер все начисто сбрил. И пшенице и ячменю досталось, а про хлопок говорить нечего... Сады как жалко было! То деревья, как невестинки, стояли, а то... И говорить не хочется... Сами понимаете: пять — семь градусов мороза! От винограда, конечно, воспоминание только осталось.

Ну, правда, из райкома партии люди опять пришли, прямо фронт образовался. Костры во всех садах еще с ночи зажгли. Навоз, солому к кострам возили. Большой фруктовый сад все-таки спасли: в гущине дым лучше держался. Ну, а те сады, что поменьше, вымерзли.

Вот и скажите, товарищ механизатор, что бы раньше при таком случае было? Голод — вот бы что было. Здесь себя механизация наша и проявила. На другой день после морозов Виктор Дмитриевич Быханов из райкома приехал, свежий такой, будто он каждую ночь спал за это время. Все люди, все трактора, все машины в поле вышли. Тесно на полях стало... Партийных людей повсюду раскрепили, чтобы, понятно, остальные голов не вешали. Быханов в другие колхозы уехал, а тут и пошло и пошло! Подсолнух перепахали и пересеяли. По озимой везде плеши после мороза образовались, по этим плешам тоже пересеяли. Землю, что на черный пар оставляли — ее много было,— тоже просом заняли. Не до пару было! И ячмень, и кукурузу, и яровую — все по плешам по всем подправили. Хлопок опять же подновили... Так поверите, за три дня со всем управились! Вот какую силу теперь механизация имеет. Как раз, спасибо, и дождик прошел. И что вы думаете? Урожая-то колхоз ведь больше, чем в пятьдесят первом году, получил... Интересно, а?..

Ну, то уже я вперед забежал.

Прополку и все, что положено, все во-время сделали. К уборке какие полевые станы отстроили! Чисто, культурно, дома отдыха прямо! Это секретарь Виктор Дмитриевич подсказал людям: что вы, говорит, под копнами отдыхать будете, что ли? Там даже и шахматы сгодились. Вот бы Брусенцеву раздолье было!

Ладно. Началась уборка. Вам известно, что на полях нашего колхоза Герой Социалистического Труда Дмитрий Иванович Гонтарь работает? Я вам про МТС мало говорил, а она богатую помощь рационализаторам оказывала. И советами и оборудованием всяким. Дмитрий Иванович очень много помог. Большое к нему уважение. Ну, так он к началу уборки на комбайне еще одну перестройку сделал. Вторую очистку приспособил. И прямо, без завоза на тока, с его комбайна на элеватор зерно можно отправлять было. Об этом раньше никто и подумать всерьез не мог! А уборка тяжелая была: хлеба полегли. Дмитрий Иванович приспособился, как полегший хлеб убирать, а за ним и другие комбайнеры на низком срезе косить стали... Чуть не на каждом десятом метре скоростями маневрировали. Ничего, хорошо убрали!

А картина какая была! Двадцать два комбайна в нашем одном колхозе работали! Про молотилки там, жатки, лобогрейки и думать забыли: это пройденный уже этап.

А на ток зайдешь — снова картина! И не поймешь, куда ты попал. Раньше на току человек сто работало: пыль стоит, шум, женщины кричат... Как на гусином базаре! А сейчас сортировка потихоньку постукивает, пять человек на току. Ничего работают, спокойно. Чистота. Иному скажи — не поверит! Автовесы рядом, зернопогрузчик... Убрались, понятно, до срока и государству зерно сдали до срока.

А еще до уборки другая проблема объявилась — солома. Столько тысяч гектаров — как быстро солому соберешь? То жгли эту солому, а теперь жалко стало. Зачем добру пропадать? Головань Сергей Никитич, бригадир тракторной бригады и член рационализаторского совета, давно уже к этому делу приглядывался, соображал. Упорный казак... Волокуши к волам и раньше придумывали, да это все же не то было. Думка с делом не сходилась. Как-то он и пожаловался секретарю райкома Виктору Дмитриевичу Быханову: вот, говорит, плохо получается. А Виктор Дмитриевич — у него такой тихий голос, будто сказку тебе читает,— так ведь, говорит, я не механизатор, дорогой товарищ Головань, мне, говорит, это очень трудно придумать. А вам, дорогой товарищ, между прочим, партия и правительство орден Ленина за механизацию на грудь прикрепили. Это очень большой орден — Ленина! И полагаю я, товарищ Головань, что, наверно, вы со своим характером придумаете что-нибудь!

Ну, его словно опалило, Голованя, с тех слов, прямо побледнел. Не знаю, спал он или не спал ночами, но только пришел вскоре после этого к директору МТС Янковскому и много троса потребовал. Янковский узнал, зачем ему трос нужен, нашел где-то. Очень смелая мысль у Голованя появилась: тремя тракторами солому собирать. Опробовали — здорово получается. Идут два трактора и с огромного участка волокушей на тросах солому — целую гору — тянут. Тонн десять за раз. А третий трактор другим, самым длинным тросом всю эту солому наверх затаскивает. На самый верх скирды, метров на двадцать. Как, прямо, высотное здание в поле растет! Отобрали у Голованя волокушу, Безуглому отдали. Там она нужнее была. Подскребли весь оставшийся трос. Головань вторую себе волокушу сделал. А Кардаш Алексей Данилович, председатель, и эту волокушу у него забрал на другой участок. Тогда и Головань, спокойный человек, а не выдержал. Накричал на Кардаша: троса ведь больше не было...

Кардаш говорит: «Достану я тебе еще трос». «Достанешь? Ну, спасибо!» Где его, этот трос, достать, и непонятно было, но Кардашу все верили: не из тех начальников, чтобы только на бумаге расписываться. Сказал — сделает. Прямо в поле трос привез. Опять Головань работать начал. Сегодня комбайн скосил, он сегодня за ним и солому тянет: после дождя уже не то будет, а после лущения и вовсе. Все постигивал. Солома, как чай: и к новому лету такая же свежая будет, как только что скошенная, аромат весь останется... Возит солому тракторами и поет: «Каким ты был, таким ты и остался». Это у него любимая песня... Виктор Дмитриевич приехал: «Ну, вот видите, Сергей Никитич! А я ведь и тогда знал, что кто другой, а вы-то обязательно сделаете! Спасибо вам огромное!» И сам смеется.

Знаете, слово, что во-время сказано, ох, и огромную силу имеет!

Осень прошла, зима началась. Совету рационализаторов еще больше работы добавилось. Головань Сергей Никитич машину для раскидывания удобрений усовершенствовал; эту машину в нашем совхозе «Звезда» изобрели, а он ее еще лучше подправил: сейчас за десять часов на сорока гектарах раскидывает... Теперь над механической чеканкой хлопка сидит, чтобы дисками и боковые побеги срезать. Ну, Недилько ему тоже не уступает: другого сорта чеканку делает, с ножами словно полумесяцы. Говорит: за один раз чтобы и культивировать и чеканить. И снова Недилько с Давиденкою спорят. Давиденко предлагает новую сортировку со второй очисткой сделать, а Недилько ему: «Никакой второй очистки! Хороший подбор из трех оцинкованных решет составить — это не хуже, а лучше будет. Или второй вентилятор установить...»

Слышите, товарищ механизатор, как в кузнице по железу молотками бьют? Опять корыта делают. Летом на пастбище коням воды мало — из ведер их поят. Вот Недилько и мастерит сейчас шкив с корцами, чтобы механизмы воду из колодца доставали. А недавно он опять хвалился, что кабы электричества больше, он бы электричеством скотину выпасать стал... Ну, это уже фантазия!..

Из райкома приезжали, рассказывали, будто в других колхозах в крае обгонять стали наших механизаторов... Неужели правда? Может, и правда. Народ сейчас сильно кверху потянулся, и людей не узнаешь...

Слышите? Слышите или нет? Это как раз Недилько и кричит. Опять недоволен. Снова, наверно, нашу речку Сосыку ругает...

Станица Ленинградская,
Краснодарского края.

Председатель А. Д. Кардаш (слева) пообещал С. Н. Голованю достать трос.

ПАЛЬМИРО ТОЛЬЯТТИ

26 марта исполнилось шестьдесят лет Пальмиро Тольятти — генеральному секретарю Итальянской коммунистической партии.

Тольятти — один из крупнейших деятелей международного коммунистического движения. Своей неутомимой борьбой за освобождение и лучшее будущее рабочего класса и всех трудящихся он завоевал любовь миллионов простых итальянцев, приобрел широкую известность далеко за пределами своей родины.

Пальмиро Тольятти — сын итальянского народа. Он родился в бедной семье генуэзского учителя, выходца из крестьян. Рано лишившись отца, он испытал нужду. Жажда знаний привела его в Туринский университет, где в 1911 году начинается его тесная дружба и совместная работа с другим выдающимся итальянским революционером — Антонио Грамши. Близкое общение с революционно настроенными рабочими Турина сыграло решающую роль в формировании молодого Пальмиро как революционера. Вся его последующая жизнь и деятельность неразрывно связаны с борьбой итальянского рабочего класса, с Коммунистической партией Италии, которую он вместе с Грамши создал и выпестовал.

Тольятти уже с восемнадцати лет принимает активное участие в политической жизни. После окончания империалистической войны он становится пламенным пропагандистом исторического опыта Октябрьской социалистической революции и учения Ленина — Сталина. В 1920 году Тольятти участвует в организации политических стачек на севере Италии, завершившихся занятием рабочими заводов; вместе с Грамши он руководит движением за создание советов на предприятиях. Обстановка в Италии в эти годы обострилась до крайности. Реакция перед лицом массовых выступлений трудящихся стремилась растоптать демократические свободы и установить в стране фашистский режим. Тольятти и Грамши организовали в 1919 году газету «Ордине нуово» и на ее страницах решительно развернули борьбу за создание коммунистической партии.

Итальянская коммунистическая партия родилась 21 января 1921 года, когда на съезде социалистической партии в Ливорно произошел раскол. Левое крыло съезда, возглавляемое Грамши и Тольятти, с пением «Интернационала» покинуло зал, где заседали капитулянты, и в тот же день на своем съезде провозгласило создание компартии.

В дни фашистских погромов Тольятти редактирует центральный орган партии — газету «Иль комунисто» — и в своих статьях призывает трудящихся к объединению, к борьбе против фашистской опасности. В день пресловутого фашистского «похода» на Рим, 28 октября 1922 года, фашисты окружили типографию газеты и открыли огонь, намереваясь убить Тольятти. Сотрудники типографии завязали горячую схватку с фашистами, проникшими внутрь помещения, и вынудили их отступить.

В результате предательства лидеров социалистической партии фашизм одержал победу. Но молодая компартия, насчитывавшая тогда всего несколько десятков тысяч членов, не пала духом. Тольятти указывал тогда, что партия рабочего класса не может занимать выжидательную позицию, а должна вести повседневную активную борьбу, установить теснейшую связь с широчайшими массами трудящихся и прежде всего с крестьянством. Вместе с Грамши он вел в первые годы существования партии непримиримую борьбу против бордигианства — детской болезни «левизны», причинявшей большой вред укреплению связей партии с массами.

После издания в ноябре 1926 года фашистских «чрезвычайных законов», на основании которых были запрещены все политические организации, кроме фашистских, и арестованы почти все депутаты-коммунисты во главе с Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти взял на себя всю тяжесть руководства партией. Под ударами фашизма развалились все старые буржуазно-демократические партии Италии. Одна коммунистическая партия, возглавляемая Тольятти, мужественно встретила «чрезвычайные законы» и продолжала борьбу, организованно уйдя в подполье.

В годы фашистской диктатуры товарищ Тольятти все свои силы отдает организации и развертыванию партийной работы в Италии. Он мобилизует партию на работу внутри фашистских массовых организаций и ведет борьбу против правых оппортунистов и капитулянтов в рядах партии. «От руководителей большевистской партии и в особенности от товарища Сталина,— вспоминает Пальмиро Тольятти,— руководство итальянской партии получило огромную, решающую помощь в организации борьбы против правого оппортунизма, в преодолении всех колебаний, которые препятствовали успешному завершению этой борьбы».

Нынешняя сила и влияние Итальянской компартии в стране — прямой результат той борьбы, которую под мудрым и твердым руководством Тольятти вела компартия на протяжении всех двадцати лет фашистской диктатуры.

Товарищ Тольятти — выдающийся деятель международного рабочего и коммунистического движения. Он принимал участие почти во всех конгрессах Коминтерна, а с 1926 года непосредственно участвовал в работе Исполкома Коминтерна в качестве одного из его секретарей. После нападения фашистской Италии на Абиссинию Тольятти на съезде итальянских антифашистов в Брюсселе заклеймил фашизм как врага итальянского и абиссинского народов. Когда вспыхнул фашистский мятеж и началась итало-германская интервенция в Испании, Тольятти приступил к созданию Интернациональных бригад из антифашистов, направлявшихся из всех стран мира на помощь борющемуся испанскому народу. Тольятти прибыл в Испанию и находился там в течение всего периода гражданской войны, до последних дней обороны Мадрида, в организации которой принимал личное участие.

Накануне второй мировой войны Пальмиро Тольятти из Франции руководит борьбой компартии и рабочего класса Италии против войны и фашизма. В период второй мировой войны по его инициативе в стране активизируют работу сотни коммунистических групп, в глубоком подполье восстанавливаются партийные организации, увеличивается выпуск газет и листовок. Тольятти обращается по радио к народу с призывом подняться против фашизма, порвать союз с гитлеровской Германией и выйти из войны. Непосредственным результатом деятельности компартии явились всеобщие стачки в марте—апреле 1943 года, подготовившие падение режима Муссолини.

В марте 1944 года Тольятти вернулся на родину. Это имело решающее значение для освобождения страны.

Все силы партии были направлены на борьбу за объединение и мобилизацию сил итальянского народа, на борьбу против гитлеровских захватчиков. Политика, которую решительно проводил Пальмиро Тольятти, дала свои результаты: в стране развернулось массовое национально-освободительное движение; под руководством коммунистов против гитлеровских войск сражалась многотысячная партизанская армия. Победоносное вооруженное восстание 25 апреля 1945 года создало условия для установления в Италии демократических порядков. За борьбу с фашизмом и гитлеровскими оккупантами Пальмиро Тольятти был награжден золотой Гарибальдийской медалью.

Дальновидная политика компартии привела к установлению республики и принятию республиканской конституции.

Англо-американские оккупационные власти, опираясь на свои войска в Италии, постарались воздвигнуть преграду на пути демократизации страны. По требованию американских империалистов весной 1947 года итальянский премьер де Гаспери, спровоцировав правительственный кризис, добился удаления коммунистов и социалистов из правительства.

Коммунистическая партия, возглавляемая Тольятти, усилила борьбу за мир, национальную независимость и демократию.

Не случайно поэтому стремление агентов американского империализма физически расправиться с Тольятти. Реакция рукой наемника пыталась убить любимого вождя партии и народа. Но покушение на его жизнь привело в движение всех трудящихся Италии. Семь миллионов человек прекратили работу в знак протеста против злодейского покушения. В течение трех дней всеобщая забастовка парализовала всю жизнь страны.

Итальянское католическое правительство, рассчитывая укрепить свои позиции, примкнуло к агрессивному Атлантическому пакту. Но это вызвало мощный подъем движения против поджигателей войны, расширило и укрепило в стране фронт борьбы за мир.

Пальмиро Тольятти неустанно ведет борьбу в защиту мира. Выдвинутый им на VII съезде компартии лозунг борьбы за «правительство мира» нашел широкий отклик, стал призывом, объединя-

Пальмиро Тольятти со своей приемной дочерью Маризой Малаголи (младшей сестрой одного из рабочих, убитых итальянскими полицейскими в Модене) направляется на пункт голосования в день муниципальных выборов.

Пальмиро Тольятти с одним из самых молодых итальянцев, пришедших приветствовать VII съезд компартии.

ющим все демократические силы страны.

Итальянские коммунисты горячо восприняли историческую речь великого Сталина на XIX съезде КПСС. Пальмиро Тольятти на пленуме ЦК Итальянской компартии заявил: «Мы должны поднять знамя независимости нашей страны и буржуазно-демократических свобод, показать всем, что сегодня мы являемся теми, кто защищает эту независимость и эту свободу, что мы не позволим выбросить за борт эти знамена и сделаем все, что в наших силах, чтобы вокруг них еще раз собрался весь итальянский народ».

Тольятти — итальянский патриот. Выражая волю своего народа, желающего жить в дружбе с Советским Союзом, Тольятти не раз заявлял, что «итальянский народ откажется сражаться в войне агрессивного американского империализма против Советского Союза и стран народной демократии, в войне против прогресса!»

Верный ученик Ленина — Сталина, Тольятти без устали борется за единство рабочего класса, за его прочный союз с крестьянством. Благодаря заботам Пальмиро Тольятти еще в 1934 году было достигнуто единство действий компартии с социалистической партией, руководимой Пьетро Ненни. Достигнуто профсоюзное единство в рядах Всеобщей итальянской конфедерации труда, объединяющей пять миллионов итальянских трудящихся.

Величайшей заслугой Пальмиро Тольятти является создание боевой коммунистической партии, на которую итальянский народ возлагает свои надежды, вокруг которой ныне объединяются все передовые демократические силы нации. Его заслуга в том, что он сумел вырастить партию из небольшой группы, какой она была тридцать два года назад, в великую закаленную армию борцов за народное счастье, насчитывающую теперь два с половиной миллиона человек.

Пальмиро Тольятти — выдающийся марксист, пламенный трибун и талантливый организатор. Он человек действия, непоколебимо верящий в творческие силы своего народа.

Г. ГОРШКОВ

ЛЮБОВЬ НАРОДА

В Италии есть заброшенные селения, оторванные от всего мира, без дорог, без света, без воды, без кладбищ — умерших там хоронят в море, завернув в простыню. Вот одно из них — Пунта делле Кастело, в Калабрии, на юге Италии. В нем живет несколько сот семейств батраков.

Загляните в любую лачугу этого селения, слабо озаренную светом лучины, — на стене, пропитанной сыростью, вы увидите бережно прикрепленный портрет верного ученика Сталина — Пальмиро Тольятти. Этот человек олицетворяет здесь надежду на лучшее будущее Италии.

В Италии есть серные шахты Сицилии. Люди работают там на глубине 500 метров под землей, продвигаясь по подземным ходам босиком, по щиколотку в зловонной воде, стекающей со стен, с потолка. Работать начинают там уже с двенадцати лет, и редко кто доживает до сорока, не в пример хозяевам шахт, живущим в довольстве: эти достигают и столетнего возраста. Спуститесь в такую шахту — там при свете шахтерской лампочки вы тоже увидите портрет товарища Тольятти. В нем — надежда этих тружеников, что наступит время, когда позорные, каторжные условия труда будут навсегда уничтожены.

В Италии есть большие, богатые, благоустроенные города. Но пройдите по их окраинам! Там все напоминает скорее доисторическую эпоху. Вот Тормаранчио, окраина Рима, столицы Италии. Загляните в одну из ее лачуг, где у женщин подчас нет даже жалкой тряпки, чтобы укрыть от холода ребенка, только что появившегося на свет; и здесь вы встретите портрет товарища Тольятти, ибо кто же, как не он, передаст протест этих обездоленных людей правителям, остановившим свои заботы о благоустройстве у границы городских окраин!

Италия! Немало итальянцев остаются неграмотными. Никто не удосужился научить их читать и писать: грамота была для них недоступной роскошью, иногда им внушали, что грамота — грех. И вот на склоне лет они научились неуверенной, старческой рукой выводить буквы, чтобы написать несколько слов привета товарищу Тольятти.

В Италии есть крупные заводы, оборудованные современной техникой. В Италии много рабочих, которые умеют управлять машинами. Но сколько на этих заводах гибнет таких рабочих, составляющих цвет и гордость итальянской нации, гибнет от «несчастных случаев», от изнеможения, вызванного чудовищной эксплуатацией, непосильным трудом! Войдите в любой из таких заводов севера Италии: несмотря на запрещение проносить в цех даже обыкновенную газету, вы увидите над станками портреты товарища Тольятти — в этом человеке вера рабочего класса в торжество социализма.

Итальянский народ уважает Пальмиро Тольятти за верность делу трудящихся, любит его.

Миллионы итальянцев проявили свою любовь к Тольятти в те дни, когда он при выходе из парламента был тяжело ранен подлой рукой наемного предателя. Вся трудовая Италия негодовала и выразила гневный мощный протест против гнусного злодеяния и против тех, кто вложил оружие в руку преступника.

Теплое чувство народа к Тольятти со всей силой проявилось еще раз после его выздоровления, в тот день в конце сентября 1948 года, когда он вернулся к работе. Волна радости охватила страну. Тысячи людей со всех концов Италии направлялись в Рим с песнями и знаменами, чтобы приветствовать вернувшегося на свой боевой пост вождя.

Итальянский народ не дает себя обманывать правителям, не знающим его тягот и страданий. Любовь итальянского народа к Тольятти согрета тем, что нет такого народного горя, которое Тольятти не знал бы и не разделял, нет такого вопроса простого человека, который он оставил бы без ответа.

В эти годы мне часто приходилось сопровождать Тольятти во время его поездок по Италии. Всюду: в городах, деревнях, маленьких селеньях — он встречался и разговаривал с людьми, как свой, близкий, обсуждал вместе с ними их нужды, вселял бодрость и надежду в сердце каждого.

Это было два года назад в деревне Кретоне, на самом крайнем юге Италии. К Тольятти, приехавшему на митинг, пришли три старика-крестьянина. Их сыновья были убиты полицией за попытку занять пустующие земли крупных помещиков. Тольятти долго говорил с ними. Прощаясь, они сказали, что были счастливы с ним познакомиться, и с трогательной задушевностью говорили ему о том, как уважают и любят Сталина.

В Кретоне до недавнего времени не было радио. Но имя Сталина дошло и до этой маленькой, заброшенной деревушки. Имя Сталина, вести о великой стране мира и социализма живут среди простых людей в каждом отдаленнейшем уголке Италии, и в этом тоже немалая заслуга Тольятти. Наш народ благодарен за это Тольятти, верному ученику бессмертного Сталина.

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Рим.

Апрель 1951 года. Пальмиро Тольятти направляется на заседание VII съезда Коммунистической партии Италии.

Генеральный секретарь ЦК Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

В ИВАНОВСКОМ ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ

Хозяева этого двухэтажного дома — дети. С утра до вечера не утихает их гомон. Комнаты Ивановского Дворца пионеров никогда не пустуют. Юные техники мастерят авиационные и морские модели, радиоприемники, занимаются в кружках: электротехническом, столярном, слесарном. Перечесть все кружки, в которых занимаются 1 160 школьников, невозможно. Здесь зарождаются таланты певцов и музыкантов, художников и шахматистов, мастеров художественной вышивки и лыжного спорта.

На снимке: участники кружка морского моделирования ученики 7-го класса Владимир Коновалов (слева) и Анатолий Антипов изготовляют модели брига «Меркурий» и судна древних новгородцев.

Фото М. Савина.

ЦВЕТЫ ИЗ ЛИНОВАННОЙ БУМАГИ

Рассказ

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

Рисунок О. Верейского.

Говорили, что Щуровский лес был последним на юге. За этим лесом, за мелководной рекой начиналась степь и тянулась до самого моря.

Над степью и зиму и лето висела мгла, и в эту мглу уходили железнодорожные пути, черные и маслянистые от мазута. По ним часто проносились, встряхивая землю, тяжеловесные пассажирские и товарные поезда.

Дед Кати Спиридон любил рассказывать, какие в этой степи «деялись колысь великие дела».

— А какие? — спрашивала Катя; была она в то время девочкой, худой и такой черной, что ее серые глаза светились на лице.

— Всякие,— отвечал Спиридон.— В той степи сам Ворошилов Климент Ефремович и Буденный Семен Михайлович сокрушали белых и гнали их в море. Тебя тогда еще и на свете не было. Как проходила тут красная конница, так пыль летела под самое солнце и горели-бушевали в той степи червонные прапоры-знамена.

— А что еще? — спрашивала Катя.

Дед раскуривал трубку от каганца и рассказывал, что в той степи лежит, между прочим, Донецкая земля. Там шахты, заводы, там плавят железо, да так сильно, что огонь пышет на десятки километров. А по-за Донецкой землей море бьет в берега и выбрасывает разные разности. Даже, бывает, выбросит пулеметную ленту, а то и пищаль времен запорожского войска.

Отец Кати служил путевым сторожем на железной дороге. Мать давно умерла. Жила Катя с отцом и дедом в дорожной будке, привыкла к поездам, но все-таки почти каждую ночь просыпалась, когда, вырвавшись из леса и прогрохотав по мосту, мимо будки проносился ночной скорый поезд на юг.

Отец выходил к этому поезду с фонарем, а иногда вместо него выходила Катя. Ей было немного страшно и весело стоять в трех шагах от жарких вагонов, неистово летевших в черную даль, и слушать потом, как гремит, перекликается стуком колес и затихает медленным гулом потревоженная поездом ночь.

Гул катился вслед за поездом к югу. Этот веселый гул ни на минуту не отставал от поезда. Когда поезд останавливался у последнего приморского вокзала, гул не мог сразу затихнуть и еще долго, оторвавшись от земли, перекатывался над спящим морем. Рыбаки просыпались на своих смоленых баркасах, подымали головы и говорили спросонок:

— Скорый из Москвы прибыл. Пора выбирать сети.

Так думала Катя. Вообще она думала обо всем немного не так, как было на самом деле. Но никто этого не замечал — ни отец, ни дед. Только учительница в сельской школе говорила, что из Кати выйдет, может быть, художница.

Но случилось все по-иному. После школы Катя поступила на курсы полеводов в своем районном городе, окончила их, отработала два года в степном колхозе, потом пошла учиться дальше — в сельскохозяйственный институт. Из института она вышла растениеводом, специалистом по южным культурам, и ее послали на работу в Крым.

Ехала она туда в том скором поезде, что всегда проходил мимо отцовской путевой будки поздней ночью.

Катя всю ночь не спала, а когда до будки осталось километров пять, открыла окно в коридоре и высунулась наружу. Поезд мчался через Щуровский лес. Ветер заносил в окно знакомый запах сосновой смолы-живицы и сырой воздух из лесных оврагов. Там сочились родники, а над ними густо и неподвижно стояли пахучие травы и высокие пустые хвощи.

Вот и будка! Катя увидела только слабый свет фонаря, темную отцовскую фигуру, крикнула, но отец, конечно, не расслышал ее голоса в лязге вагонов и буферов, и Катя заплакала от жалости к отцу, от сознания, что вот он проводил скорый поезд и не знает, что рядом, в трех шагах, была только что его дочь, его Катерина. И она ясно представила себе, как отец вернется сейчас в пустую будку (дед умер два года назад), сядет на лавку, закурит, задумается и скажет свои любимые шутливые слова: «Гей, хлопче, не журысь, туды-сюды повернысь!»

В сарайчике за стеной прокричит петух, за окошками начнет синеть-наливаться заря, и первый рейсовый самолет — вестник близкого утра — прочертит в бледнеющем небе белый след.

Из Крыма Катя послала отцу восторженное письмо о своей новой работе. Но она ничего не написала о том, что видела его ночью из вагона: не хотела расстраивать старика. Пусть уж лучше ничего не знает.

Отец ответил, что в августе возьмет отпуск, приедет на это время к Кате в Крым и будет помогать ей ухаживать за деревьями. Да, кстати, и посмотрит на море: какое оно, это море? Говорят, блискучее, синее и шумливое. А то он море только и знает по рассказам Спиридона, а Спиридон, оказывается, тоже моря сроду не видел, а больше придумывал. До чего был бойкий старик!

Но приехать отцу не пришлось. Летом началась война. Фашистские самолеты несколько раз бомбили мост около Щуровского леса, моста не разрушили, а путевую будку снесли.

В одну из бомбежек отца убило осколком. Похоронили его тут же, в полосе отчуждения, в сухих кустах акации.

Катя узнала об этом не скоро. Начало войны она провела в горах, на Яйле, работала в партизанском отряде сестрой. Партизаны скрывались в неприступных местах, в лесах, в пещерах, и только изредка с обрывов Яйлы Катя видела внизу туманное огромное море и старалась найти среди далекой береговой зелени широкий купол деревьев — тот ботанический сад, где она работала.

Иногда ей казалось, что она видит даже отдельные деревья и среди них вершины исполинских мамонтовых сосен-секвой.

Катя работала над секвойями. Эти удивительные деревья, достигавшие у себя на родине, в Калифорнии, роста в семьдесят—восемьдесят метров и жившие свыше двух тысяч лет, давно уже потеряли способность давать всхожие семена. Катя как раз и работала над тем, чтобы добиться от этих деревьев хороших семян.

Война остановила эту работу. После войны Катю назначили заведовать опытной станцией по растениеводству в одном из крымских городов, но работу над секвойей она не оставила.

В марте 1953 года Катя должна была поехать в Москву, в Институт лесоведения для доклада о работах над секвойей.

Март был сырой. Море тихо шумело в тумане. Только вблизи берега была видна неширокая полоса мутноватой зеленой воды и белел, набегая, прибой. К полудню туман всегда переходил в моросящий дождь. От дождевой воды тянуло теплом, и уже зеленели в горах старые буки. Где-то рядом за туманами скрывалась весна.

И вот в одно такое теплое и мглистое утро пришло по радио известие о болезни Сталина.

Катя быстро оделась и вышла на улицу: оставаться одной в доме было невозможно, мучительно. Тяжелый клубок подступал к горлу. Катя сдерживала слезы, но они все время жгли ей глаза.

Она торопливо шла к себе на опытную станцию и по лицам всех встречных, по лицам людей, толпившихся около громкоговорителей, понимала, что, очевидно, нет уже никакой надежды.

Все молчали. Молчал весь город. И внезапно все вокруг показалось Кате сном — шум моря в тумане, серые сады, весь этот южный белый город, давно примелькавшиеся ограды и кипарисы. Реальностью была только та комната в Москве, где еще билось последними ударами великое сердце. К нему тянулись сердца всех, и Катя, думая об этом, молила о чуде, о том, чтобы усилия всех человеческих сердец соединились и передались ему, этому большому усталому сердцу, и заставили его биться еще многие тысячи и тысячи дней.

По пути на опытную станцию Катя всегда проходила мимо школы. Сейчас было время перемены между уроками, но в школе стояла тишина. Дети собрались во дворе, сжавшись в тесную толпу, и как будто чего-то ждали. В молчании детей было столько недоумения перед несчастьем, что Катя заплакала, не скрываясь, не стыдясь слез.

«Что же это? Что это? Что?» — говорила она, стараясь понять, что́ происходит, и ничего не могла понять. Одно она знала ясно и твердо: она родилась, когда был уже Сталин, и вся ее жизнь прошла так, а не иначе лишь потому, что ее, эту жизнь, как и жизнь многих и многих миллионов, направляли его воля к счастью простых людей, его ум, его сердце, его настойчивая дружеская рука. «Если бы не он, — думала Катя, — то что было бы со мной? Кем бы я была!»

Сознание сиротства мучило ее все дни во время сборов в Москву, мучило и по пути в Симферополь.

Пришла уже весть о смерти.

Катя, как и все, поняла, что, несмотря на тяжесть и безнадежность болезни, она все время надеялась на счастливый исход и страстно ждала его все эти дни.

По всегда оживленному и знакомому до мелочей Симферопольскому шоссе машины шли сейчас молча, без гудков, не обгоняя друг друга.

Как тяжелый, глухой сон, висели над Чатыр-Дагом темные тучи и медленно опускались в каменистые долины. Безмолвствовало море, молчали горы, будто им передалось состояние людей. А может быть, в горах шумели ручьи и протяжно рокотало море, но люди просто не слышали этих звуков, поглощенные неизмеримой и еще невысказанной болью случившегося.

В поезде пассажиры тоже говорили мало, подолгу стояли у окон и смотрели на степь. Снег уже сошел. Весенний ветер шевелил на станциях траурные флаги.

Безмолвные толпы стояли около полотна дороги и смотрели вслед поездам, уходившим к Москве. Сотни людей шли по изъезженным дорогам к станциям. «Зачем?» — думала Катя. Просто чтобы быть вместе и быть хоть немного ближе к Москве.

Должно быть, у каждого из этих людей таилась слабая надежда каким-либо чудом попасть в Москву, чтобы в последний раз увидеть вождя и положить к подножью гроба хоть одну какую-нибудь степную веточку, а если веточки не было, то хоть взглянуть с прощальной благодарностью в спокойное, величавое лицо.

К полудню 9 марта поезд подходил к родным катиным местам, к Щуровскому лесу.

Катя с утра надела черное платье, гладко причесала светлые волосы. Она была сосредоточенна, спокойна.

Поезд мчался, покачиваясь, звеня сцеплениями и буферами. За окнами заваливались назад, как бы падали телеграфные столбы. Струны проводов то взлетали, то стремительно опускались. Грохотали мосты. Слабый солнечный свет вздрагивал на стенках вагона.

Пассажиры столпились у окон. Они напряженно смотрели в степь, как бы ожидая увидеть там, в седоватой мгле, все то, что происходило сейчас на Красной площади в Москве.

Вагоны качало от быстрого хода, и пассажиры крепко держались за ремни у окон.

Оглушительно зашипел воздух в тормозах. Вагоны рвануло. Поезд начал с тяжелым скрежетом сбавлять ход. Пыль взметнулась из-под колес и закрыла степь.

Шипенье стихло. Поезд, дрогнув, остановился. На мгновенье наступила глубокая тишина, но ее тотчас сменил мощный паровозный гудок.

Пыль снесло в сторону, и Катя, глянув за окно, вскрикнула и бросилась из вагона.

Поезд остановился на высокой насыпи невдалеке от бывшей отцовской сторожки. Все было знакомо здесь — и насыпь, и закругление, и мост впереди, и сухие кусты акации, где похоронили отца, и темный Щуровский лес за рекой.

Катя открыла тяжелую наружную дверь и соскочила на насыпь. Она увидела, как внизу вдоль насыпи гурьбой бежали к поезду деревенские дети, должно быть, школьники.

Вдруг все они остановились и торопливо сняли шапки, должно быть, вспомнили, что сейчас всякое движение должно замереть. И только один мальчик в полушубке с длинными рукавами не остановился, а карабкался на насыпь, глядя на Катю. Она увидела его глаза, смущенные тем, что он не остановился, как все дети, а только снял шапку, — молящие и застенчивые глаза, такие же серые и блестящие, какие были в детстве у нее самой, у Кати.

Мальчик вскарабкался на крутую насыпь, тяжело подбежал к Кате и молча протянул ей простой и маленький венок из бумажных цветов.

Катя все поняла. Она взяла венок и тут только заметила, что цветы сделаны из школьной линованной бумаги, должно быть, вырванной из ученических тетрадей, и раскрашены акварельными красками.

И впервые за эти тяжелые дни Катя улыбнулась и тотчас заплакала.

Мальчик стоял рядом, осторожно тянул Катю за рукав и все время повторял:

— Положьте у гроба... Будьте так ласковы, тетя, положьте от наших школьников! Тут на венке написано, от кого!

— Хорошо! Положу! — ответила Катя, не вытирая слез, пригладила светлые вихрастые волосы мальчика и хотела сказать ему, что она училась в той же самой школе, что и он, но не сказала: гудок, меняя тон, гремел, наполнял степь до краев своим траурным и торжественным голосом. Пар рвался мощной струей в бледное полуденное небо.

В голосе гудка Катя слышала скорбь, боль, силу. Он все рос, ширился, будто эхо доносило до него тысячи ответных гудков со всех путей, шахт, заводов, и медные голоса гудков слились, наконец, в один могучий призыв к уверенности, победе, славе.

Катя смотрела на мальчика. В широко открытых его глазах стояли, не проливаясь, слезы, и в них слабой синевой отблескивало высокое степное небо — небо ее родной великой страны.

Клятва уральцев

Иосиф Виссарионович Сталин был великим учителем для каждого советского человека. У него всегда учились жить, дерзать, творить и советские машиностроители.

Мне выпало большое счастье работать на Уралмашзаводе, созданном по инициативе товарища Сталина.

Иосиф Виссарионович придавал нашему заводу большое значение как важному звену Урало-Кузнецкого комбината, мощной индустриальной и оборонной базы на востоке страны. И мы, уралмашцы, всегда чувствовали на себе требовательный отеческий взгляд товарища Сталина.

Прежде всего мы обязаны товарищу Сталину тем, что наш родной Уралмаш стал гигантским предприятием, подлинным творцом передовой советской техники. Это он, товарищ Сталин, вдохновлял сотни конструкторов, тысячи рабочих и инженеров завода на создание первоклассных машин для строек коммунизма, для всех отраслей народного хозяйства. Это он учил нас смотреть вперед, в будущее, в решении каждой задачи предвосхищать непрерывное развитие техники.

Давно ли, кажется, мы построили первый трехкубовый электрический экскаватор, а сейчас мы строим четырнадцатикубовый шагающий экскаватор — гигантскую автоматизированную машину, заменяющую труд нескольких тысяч землекопов. Ко дню открытия XIX съезда Коммунистической партии наши конструкторы спроектировали шагающий экскаватор с ковшом емкостью в двадцать кубических метров.

Пятая сталинская пятилетка требует все больше различных машин. И коллектив Уралмаша дает их стране.

На машиностроительных заводах Советского Союза сейчас действуют автоматические линии и цехи-автоматы. Вступают в строй заводы-автоматы, которые работают почти без участия человеческих рук. Это подлинная техника коммунизма, о которой мечтал и которую создавал наш великий учитель товарищ Сталин.

В эти тяжелые, скорбные дни, как всегда, на помощь советским людям в постигшем их несчастье пришли Центральный Комитет Коммунистической партии и советское правительство. Они призвали нас мобилизовать все силы и творческую энергию на дело построения коммунизма. Священной клятвой быть верными этому делу ответили рабочие, инженеры Уралмаша.

Мы, советские люди, ученики товарища Сталина, по примеру своего великого учителя посвятим строительству светлого коммунистического общества свой разум, свое сердце, свою жизнь.

Б. САТОВСКИЙ,
конструктор Уралмашзавода

Бессмертье

Как щедро мог животворящий гений
Своей заботой землю окружить,
Чтоб ей цвести, чтоб людям лучше жить,
И видеть счастье новых поколений!

Как он учил бесстрашию людей
В таких боях, что в мире не бывало,
Как жизнь любил, как он любил детей,
Как о себе заботился он мало!

И всем народам близкий человек,
Он был для них любимей всех на свете.
Мы именем его назвали век,
И этот век — светлейший на планете.

Когда вершины жизни он достиг,
Мы видели: над ним не властны годы,
И сталинское слово, как родник
Чудесной силы, поит все народы.

Когда ж салюта грянул грустный гул,
Подняв лицо, увидела Отчизна:
Само бессмертье стало в караул,
Как часовой эпохи коммунизма.

Николай ТИХОНОВ

Новый кран для строек Москвы

Этот кран, изготовленный Куйбышевским механическим заводом Министерства строительства, показан на снимке во время его испытаний на заводской территории.

Совсем крохотными кажутся фигуры рабочих-монтажников на фоне стальных конструкций башни. Двухэтажные здания цехов выглядят низенькими, приземистыми.

На 47 метров над землей возвышается стальная башня нового крана. С поднятой стрелой кран имеет высоту 63 метра.

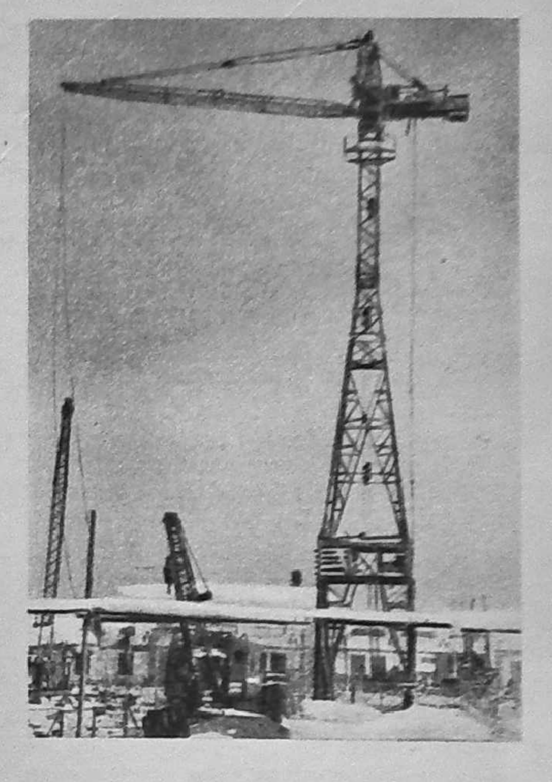
Новый башенный кран предназначен для строительства в Москве крупнопанельных жилых зданий высотой до 14 этажей.

Панели будут изготовляться Люберецким и Московским заводами железобетонных изделий. В 1953 году эти заводы вступят в строй.

С помощью нового крана железобетонная панель весом в 5 тонн поднимается и монтируется в каркасе здания за 5—6 минут.

Оснащенный 6 электромоторами, кран-гигант управляется одним человеком.

Для перевозки крана требуется 6 большегрузных железнодорожных платформ.

На снимке: новый кран во время заводских испытаний.

Фото Е. Сидорова.

Землетрясение в Турции

— Чем вызвано землетрясение, происшедшее недавно в Турции и охватившее всю Западную и часть Центральной Анатолии? — с таким вопросом корреспондент «Огонька» обратился в Геофизический институт Академии наук СССР.

Заведующий Центральной сейсмической станцией «Москва» профессор Е. Ф. Саваренский рассказал нашему корреспонденту:

— Сейсмографы станции «Москва» зарегистрировали землетрясение в Турции 18 марта в 22 часа 13 минут 23 секунды по московскому времени. Смещение почвы в Москве было около одного миллиметра. Судя по этому, а также по сведениям, полученным от других наших сейсмических станций, землетрясение надо считать одним из самых сильных в Турции за последнее десятилетие. Эпицентр землетрясения находится в Малой Азии, вблизи побережья Дарданелл.

Вся Анатолия — азиатская часть Турции — входит в зону наиболее подвижных участков земной коры. Эта зона простирается от Азорских островов в Атлантике до тихоокеанского побережья Азиатского материка, захватывая бассейн Средиземного моря, Малую Азию, территории Памира, Гималаев, Индии, Китая. Под влиянием физико-химических процессов в недрах нашей планеты на всем этом огромном пространстве уже много миллионов лет происходят непрерывные поднятия и опускания земной коры. В результате горные породы постепенно сминаются в складки, образуют возвышенности и хребты. Наряду с этим возникают разрывы горных пород. В местах разрывов происходят сильнейшие колебания почвы — землетрясения.

Полуостров Малая Азия — один из наиболее активных в этом отношении районов во всей западной части Азиатского материка. Вся Анатолия представляет собой возвышенность, изрезанную горными хребтами, наиболее крупными из которых являются Понтийские горы на севере и хребет Тавр на юге. В августе 1912 года землетрясение, охватившее Западную Анатолию, сопровождалось разрушением многих населенных пунктов. Тяжелая катастрофа постигла Турцию в декабре 1939 года, когда разразилось землетрясение в Центральной Анатолии. В области эпицентра смещения почвы достигали трех с половиной метров по горизонтали и одного метра по вертикали.

Наибольший ущерб от землетрясений терпит в первую очередь сельское население Анатолии. Жилища и хозяйственные постройки турецких крестьян недостаточно крепки, чтобы противостоять подземным толчкам. Многие деревни разрушаются до основания, десятки тысяч людей остаются без крова.

Западная Анатолия, в которой разразилось землетрясение 18 марта,— одна из наиболее развитых в экономическом отношении районов страны.

Судя по сообщениям газет о том, что сильно разрушены два города Западной Анатолии — Енидже и Генен,— можно представить себе серьезные последствия землетрясения для экономики всей страны.

Современная наука с каждым годом накапливает все новые и новые данные для того, чтобы иметь возможность предвидеть возникновение землетрясений, этих страшных стихийных бедствий. В Советском Союзе этой цели служит обширная сеть сейсмических, а также геофизических станций, расположенных в самых различных уголках страны. Систематически изучая процессы, происходящие в земной коре, советские геофизики и геологи разрабатывают подробные карты сейсмического районирования. На основе этих карт планируется строительство сейсмостойких сооружений в районах, подверженных землетрясениям. По проектам советских инженеров за последние годы воздвигнуто немало зданий особо прочной, надежной конструкции, рассчитанных на то, чтобы выдерживать самые сильные колебания почвы.

Для дворца науки

В новом здании МГУ. Уголок лаборатории геологического факультета.

Фото Е. Умнова.

Конструкторы и производственники немало потрудились над созданием мебели для нового здания МГУ. Эта мебель, удовлетворяя всем требованиям научной и учебной деятельности, вместе с тем украсит аудитории, лаборатории и кабинеты.

Вот один из шкафов. Его высота — почти четыре метра, глубина — полтора метра. В нем будут храниться сложные приборы. Он представляет собой, по существу, целую лабораторию. В шкафу можно производить любой химический опыт. Здесь оборудована вытяжка газов, подведены постоянный и переменный электротоки, горячая и холодная вода, сжатый воздух и газ. Смонтировано более 500 таких шкафов, изготовленных коллективом Шумерлинского комбината (Чувашская АССР). Другие шкафы различной конструкции и величины предназначены для хранения коллекций минералов, почв, насекомых, образцов металлов.

В аудиториях стоят круто поднимающиеся ряды дубовых скамей с пюпитрами и откидными сиденьями. Таких скамей изготовлено почти на 6 тысяч человек. В актовом зале стоят удобные дубовые кресла, обитые плюшем золотистого цвета.

Мебельщики изготовили 160 видов столов. Здесь и легкие чертежные столики, и массивные, с подъемным верхом,— на них будут установлены прессы для испытания материалов на прочность.

Во дворце науки, как известно, будет несколько библиотек. Для них изготовлена мебель более 20 видов. Это столы-тележки для перевозки книг, каталожные шкафы — в каждом из них более 250 выдвижных ящиков, очень удобной конструкции столы-бюро библиотекарей, витрины для книжных новинок, вращающиеся этажерки.

Каждому студенту и аспиранту предоставляется отдельная, хорошо меблированная комната. В ней имеются письменный и обеденный столы, комбинированная кровать-диван, вделанные в стену шкафы — книжный и для платья.

За короткий срок для нового здания МГУ создано в общей сложности 660 типов и размеров всевозможной мебели. Проектировщики выбирали материалы, стойкие против химических реактивов и высокой температуры, отвечающие требованиям санитарной техники. Выполнение заказов было поручено коллективам 25 предприятий.

Я. КИСЕЛЕВ

ДОМ ПИОНЕРОВ В СТАНИЦЕ

Едва закончатся уроки в школах станицы Ново-Рождественской, Тихорецкого района, Краснодарского края, как колхозные ребята спешат в свой Дом пионеров. Каждый из 350 школьников, регулярно посещающих его, находит здесь дело по своему вкусу.

Год назад коммунисты станицы решили создать детский клуб. Колхозники поддержали инициативу партийной организации. Были отпущены средства, сельсовет подыскал подходящее здание возле парка, выделил земельный участок для юных мичуринцев. Из Краснодара, Ростова и других городов выписали пианино, струнные инструменты, мебель, спортивный инвентарь, радиоприемники, фотоаппараты, настольные игры.

Все 11 комнат Дома пионеров уютно обставлены. Учителя станичной школы руководят кружками.

В. ГРИГОРЬЕВ

На Большом Чимгане

Четверо ташкентских юношей — Владимир Булин, Игорь Полумисков, Вячеслав Могильников и Николай Дементов — 9 марта 1953 года в час похорон Иосифа Виссарионовича Сталина взошли на горную вершину Большой Чимган высотою 3 276 метров над уровнем моря. Они возложили венок из цветов и ветвей можжевельника к подножию скульптурного портрета И. В. Сталина. Эта скульптура была установлена ташкентскими альпинистами на вершине в день открытия XIX съезда КПСС, на котором выступал Великий Сталин.

Через несколько дней восхождение повторила еще одна группа альпинистов, которую возглавляли Виталий Ноздрюхин и Эдуард Нагель.

В. РАЦЕК

Украинская выставка народного творчества

На украинской выставке народного творчества.
Фото Н. Козловского.

В Киеве открыта республиканская выставка народного творчества. В пяти больших залах городского Дома народного творчества выставлено около восьмисот работ — живопись, скульптура, графика, резьба по дереву, художественная вышивка, декоративная роспись. Участники выставки не профессионалы — это рабочие, служащие, члены их семей.

Внимание посетителей привлекают художественно выполненные портреты И. В. Сталина — работы учительницы из Сумской области Т. В. Левицкой, бухгалтера из Киева Л. И. Овар и домохозяйки О. И. Грицей из Станиславской области.

Работы, представленные на выставке, широко отражают созидательный труд советского народа. Маляр из Херсонской области Ю. Сагайдак выступает с серией портретов стахановцев-строителей Днепростроя, участвующих сейчас в сооружении Каховского гидроузла, и с рисунками, запечатлевшими труд и быт Каховки. Привлекает внимание тонкостью исполнения композиция резчика по дереву В. С. Демченко (Харьковская область) — «Великие стройки коммунизма». Резчики по дереву братья В. П. и И. П. Одреховские из города Львова избрали темой своих работ повседневный труд колхозной деревни.

Украинский народ, как и все народы Советского Союза, не желает войны и стремится к укреплению мира во всем мире. Эти устремления нашли отражение на выставке. Искусные резчики по дереву учитель В. М. Асталош из Закарпатья и столяр М. Ф. Коленов (Харьковская область) выполнили композиции на тему «Мир победит войну». Домохозяйка Я. Д. Бакакина посвятила этой теме художественную вышивку. Модельщик В. И. Щербина из Житомирской области представил скульптуру из фарфора «Корейская партизанка»; работница из Донбасса М. А. Нариманова создала художественные аппликации «На страже мира» и «Корейский солдат в засаде».

Республиканской выставке предшествовала немалая работа, проведенная домами народного творчества. Двадцать семь домов народного творчества объединяют ныне около семи тысяч самодеятельных художников, резчиков по дереву, вышивальщиц. На предприятиях, в домах культуры, рабочих клубах растут кружки, студии. Проводятся семинары по вопросам творчества. В конце прошлого года на Украине были организованы смотры народного творчества, на которых и отобраны лучшие работы для республиканской выставки.

А. АЛЕКСЕЕВ

Кадр из румынского кинофильма «Мечта сбылась». Митря Кокор знает: все теперь пойдет в Румынии по-другому.

«Мечта сбылась»

«Наша заветная мечта сбылась, земля, на которой всю жизнь трудились вы, ваши отцы и деды, будет навсегда принадлежать вам, подлинным ее хозяевам».

Румынский художественный кинофильм. Режиссеры — Мариэта Садова, Виктор Илиу. Оператор — Вильфрид Отт. Производство киностудии «Бухарест». Дублирован на русский язык киностудией «Союзмультфильм».

Эти слова Митри Кокора, обращенные к его односельчанам, говорят о новой жизни, пришедшей в румынскую деревню с освобождением страны от фашистского ига.

Митря Кокор, герой одноименного романа известного румынского писателя М. Садовяну, стал героем кинофильма «Мечта сбылась», созданного на основе этой популярнейшей в Румынии и за ее пределами книги. Это правдивая киноповесть о румынском батраке, который испытал рабское и полуголодное существование на помещичьей земле, побои и муштру в солдатской казарме. Насильно отправленный на фронт фашистскими хозяевами Румынии, Митря Кокор сдается в плен, чтобы вместе с советским народом бороться за освобождение своей родины. Когда Советская Армия-освободительница изгнала навсегда из Румынии фашистов, Митря Кокор по поручению партии едет в родное село провести раздел помещичьей земли между крестьянами.

Такова волнующая киноповесть о жизни Митри Кокора, ставшего творцом новых порядков. Роль этого подлинного представителя своего народа правдиво и убедительно играет в фильме Септимиу Север. Артисту удалось показать, как в забитом батраке пробуждается горячий интерес к Советской стране. И вот наступает время, когда по примеру советских братьев Митря Кокор своими руками строит новую, свободную Румынию.

Советские зрители достойно оценили показанные в прошлом году румынские фильмы «Жизнь побеждает» и «Июньские ночи». Фильм «Мечта сбылась» — новая творческая удача румынских киноработников, показывающая рост молодой румынской кинематографии.

И. КОНОНЕНКО

Замечательная смена

Еще совсем недавно зима была для легкоатлетов периодом отдыха. Спортсмены спокойно ждали солнечных дней, ограничиваясь лишь легкими тренировками. Теперь зимние соревнования на открытом воздухе и в закрытых помещениях вошли в традицию. С каждым годом они становятся интереснее. Многие результаты, достигнутые в закрытых помещениях, вплотную приближаются к всесоюзным рекордам, а некоторые даже превышают их.

Недавно на зимнем стадионе в Ленинграде были проведены очередные зимние соревнования по легкой атлетике. Они явились смотром спортивной молодежи. В каждом виде легкой атлетики молодые спортсмены, как равные, боролись с испытанными мастерами.

Неизвестная ранее спортсменка Нина Докторова вышла в финал забега на 100 метров, а Флора Казанцева улучшила всесоюзное достижение на эту дистанцию; Ирина Турова установила рекорд в беге на 60 метров.

Вряд ли кто из зрителей сомневался, что среди мужчин в соревнованиях победит один из сильнейших бегунов мира, Владимир Сухарев. Однако у него нашлись достойные противники. В беге на 60 метров Леонид Григорьев опередил Сухарева, а на 100 метров впереди рекордсмена финишировали Леонид Григорьев — с результатом 10,8 секунды — и Михаил Казанцев — 10,9 секунды.

Это явилось своего рода вступлением. Во всех видах состязаний молодежь смело вступала в борьбу с мастерами.

Известная легкоатлетка Александра Чудина проиграла в прыжках в длину молодой спортсменке Галине Сегень. Владимир Кузнецов имел лучший результат в метании копья, а Юрий Никулин — в метании молота. Ленинградская школьница Людмила Мочилина оказалась сильнейшей в прыжках в высоту. По прыжкам с шестом первенства добился также молодой спортсмен Владимир Гладченко. Высоким мастерством порадовали юные барьеристки Злата Лобынцева и Светлана Трофимова. Они всего одну десятую долю секунды проиграли призеру Олимпийских игр Голубничей.

Ленинградка Галина Фальковская установила новое всесоюзное достижение в беге на 800 метров (в закрытом помещении). Она показала высокий результат — 2 минуты 15,5 секунды.

В зимнем первенстве страны впервые участвовали колхозные спортсмены. Трудный экзамен они выдержали с честью. Комсомолец из села Зеленогорского, Горьковской области, Николай Новиков показал высокие результаты в беге на дистанции в 1 500 и 3 000 метров.

Следует отметить, что и наши ведущие легкоатлеты порадовали хорошей подготовкой. Особенно это относится к Галине Зыбиной, Юрию Литуеву, Леониду Щербакову, Нине Пономаревой (Ромашковой).

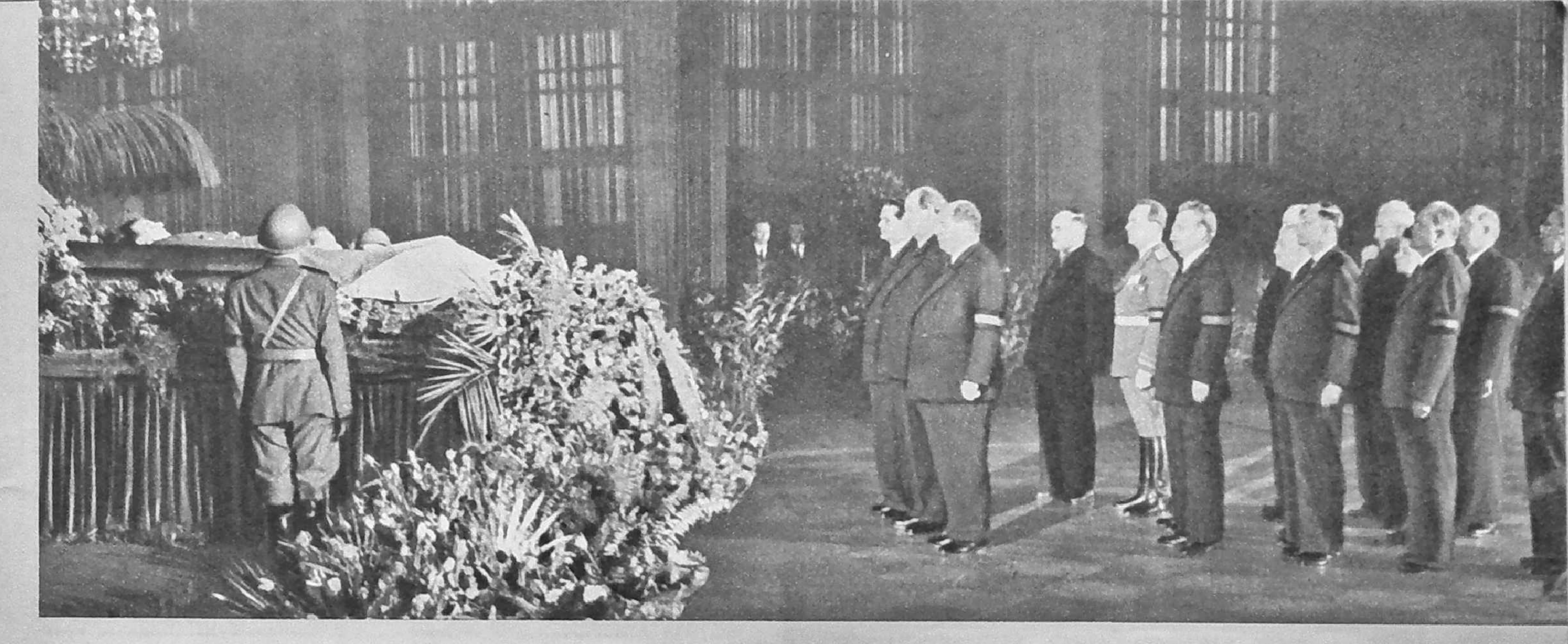
Всесоюзное зимнее первенство страны окончилось победой команды профсоюзов. Спортсмены добились больших успехов. Установлены десять новых достижений для закрытых помещений.

Это дает основание надеяться, что в нынешнем летнем сезоне наши легкоатлеты добьются новых спортивных побед, новых рекордов.

В. ФРОЛОВ

Момент забега на 1 500 метров на зимнем стадионе в Ленинграде.
Фото Н. Карасева.

Члены Президиума ЦК Коммунистической партии Чехословакии и члены Чехословацкого правительства у гроба Клемента Готвальда в Испанском зале Пражского Града (Кремля).

ПОХОРОНЫ КЛЕМЕНТА ГОТВАЛЬДА

Траурная процессия на мосту Швермы в Праге.

19 марта чехословацкий народ и вместе с ним трудящиеся всего мира провожали в последний путь одного из выдающихся деятелей международного рабочего движения, президента Чехословацкой Республики, председателя Коммунистической партии Чехословакии товарища Клемента Готвальда. В течение нескольких дней к Пражскому Кремлю шли тысячи рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, чтобы там, перед своим покойным вождем, дать клятву верности его заветам. Лучшие сыны чехословацкого народа, члены правительственных делегаций СССР, Китая и других стран лагеря мира и демократии несли почетный караул у гроба Клемента Готвальда.

На исторической Вацлавской площади Праги состоялся траурный митинг. Выступая на нем, ближайший соратник вождя чехословацкого народа Антонин Запотоцкий сказал: «Клянемся тебе, товарищ Готвальд, что никогда не предадим прочную и верную дружбу и союз с Советским Союзом, нашим освободителем, великой страной Ленина — Сталина, защитником мира и прогресса!»

По площадям и улицам Праги, заполненным десятками тысяч трудящихся, траурная процессия направилась к горе Витков, где в 19 часов 38 минут гроб с телом Клемента Готвальда был установлен в Памятнике-музее Национального освобождения.

ИЗБРАНИЕ АНТОНИНА ЗАПОТОЦКОГО ПРЕЗИДЕНТОМ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

21 марта собравшееся во Владиславском зале Пражского Кремля Национальное собрание избрало президентом Чехословацкой Республики верного соратника Клемента Готвальда, стойкого борца за дело рабочего класса Антонина Запотоцкого.

На снимке: президент Чехословацкой Республики Антонин Запотоцкий обходит почетный караул во дворе Пражского Кремля.

Фото Чехопресс.

Члены советской делегации посетили район «каменного леса».

В КУНЬМИНЕ ВСЕГДА ВЕСНА!

Из путевых заметок «По Северу и Югу Китая»

Борис ЧИРКОВ

Найдите на карте Юньнань — это на самом юге Китая. Бирма, Таиланд и Вьетнам граничат с Юньнанем с трех сторон. Здесь в горах и лесных дебрях бродят слоны и рыщут тигры. Где-то недалеко, на рубежах великого народного Китая, притаились остатки гоминдановского отребья и ищут случая исподтишка укусить молодую народную республику.

Куньмин — столица провинции Юньнань. Отсюда до Чунцина, столицы Юго-Западного Китая, нужно ехать семь дней на автобусе. От Чунцина по великой реке Янцзы пароход четыре дня идет до Ханькоу. Еще около полутора суток поездом — и вы будете в Пекине. Две недели отнимает эта дорога! Но уж если вы попали в Куньмин, вы не будете жалеть о тяготах путешествия. Это город вечной весны и цветов. Здесь, собственно, нет зимы и лета, здесь времена года больше зависят от того, пасмурный или солнечный сегодня день.

Нынче густая облачность закрыла небо. Встречающие нас куньминцы искренне жалеют об этом:

— Как жаль, что вы приехали в такую плохую погоду... Очень жаль!..

Время от времени наши гостеприимные хозяева озабоченно осматривают горизонт: нет ли признаков изменения погоды? И когда вечером вдруг между туч сверкнула звезда, сразу же добрые их лица осветились радостью:

— Солнце!..

И правда, утром все заиграло, заискрилось, и благодатное тепло охватило и тело и душу. Весна в декабрьский день!

Обрадовавшись солнцу, широко раскрыли лепестки громадные красные канны, белые магнолии и глицинии и причудливые «листья-цветы», как их здесь называют, украшающие концы ветвей высокого кустарника. Заблестели на солнце пруды и заливы Куньминского озера, на берегах которого в садах и владеньях прежних богатеев устроен теперь парк отдыха для трудящихся города. Его нарядные беседки и павильоны, его аллеи и полянки быстро заполнились гуляющими.

В нескольких километрах от Куньмина, над озером, возвышается Западная гора. С площадки, высеченной в ее скалах, открывается пейзаж, равного которому, пожалуй, не сыскать во всем мире.

Прямо перед вами на далеком горизонте синеют горы, внизу, под ногами, лежит прозрачная гладь Куньминского озера — моря, как его здесь зовут. Постепенно расширяясь, оно вытягивается вправо, но выдвинувшаяся вперед скала мешает увидеть его огромные водные просторы, раскинувшиеся на сто километров.

Влево, на зеленых полянках, лежит город. Дальний его край прикрыт синеватой дымкой, а ближе к берегу можно разглядеть отдельные дома с красными стенами и резко вздернутыми кверху углами крыш. Кусты и деревья парков и садов подходят к самой воде. В ней отражается длинная и узкая коса берега, выбежавшая далеко-далеко в озеро и чуть не разрезавшая пополам его ширину. У конца косы выстроились в ряд рыбачьи джонки, словно приклеенные к ровной поверхности озера. Какая тишина стоит в этот декабрьский «весенний» день! Один только маленький пароходик нарушает ее. Он торопливо бежит куда-то по своим делам, оставляя за собой легкую волну и постукивая мотором, шум которого долетает сюда, на высоту.

Долго не могут путники оторваться от чудесного пейзажа и наконец оглядываются вокруг себя, как бы ища того, по чьему замыслу высечены в этих отвесных скалах узенькие тропинки, вырублены площадки с маленькими часовнями. Но того, кто задумал и построил эти висячие галереи и молельни, уже давным-давно нет на свете, только изображение человека со сломанным резцом в руке служит ему памятником.

Более семисот лет тому назад, гласит легенда, один юноша горячо полюбил девушку, но она отдала свое сердце другому. Тогда безутешный влюбленный удалился на эту гору и со всей силой неразделенной и неугасавшей любви принялся за труд. Он хотел отсюда, сверху, показать людям красоту земли, на которой они живут. В продолжение сорока лет этот человек прорубал в отвесной гранитной скале тропинки, высекал в камнях часовни с изображениями богов. Он шел все выше и выше, к вершине горы, но на этом месте у него сломался резец, которым он работал. Художник потерял возможность творить, жизнь потеряла для него всякий смысл, и он бросился отсюда вниз, в озеро...

Спустившись по каменным лестницам на дорогу, которая ведет в город, путник пройдет мимо нескольких храмов. Пестрые, яркие колонны, украшенные резьбой крыши и стропила — все это создано талантливыми и опытными мастерами. И несмотря на то, что каждый из храмов насчитывает многие сотни лет, время не оставило на них своих разрушительных следов.

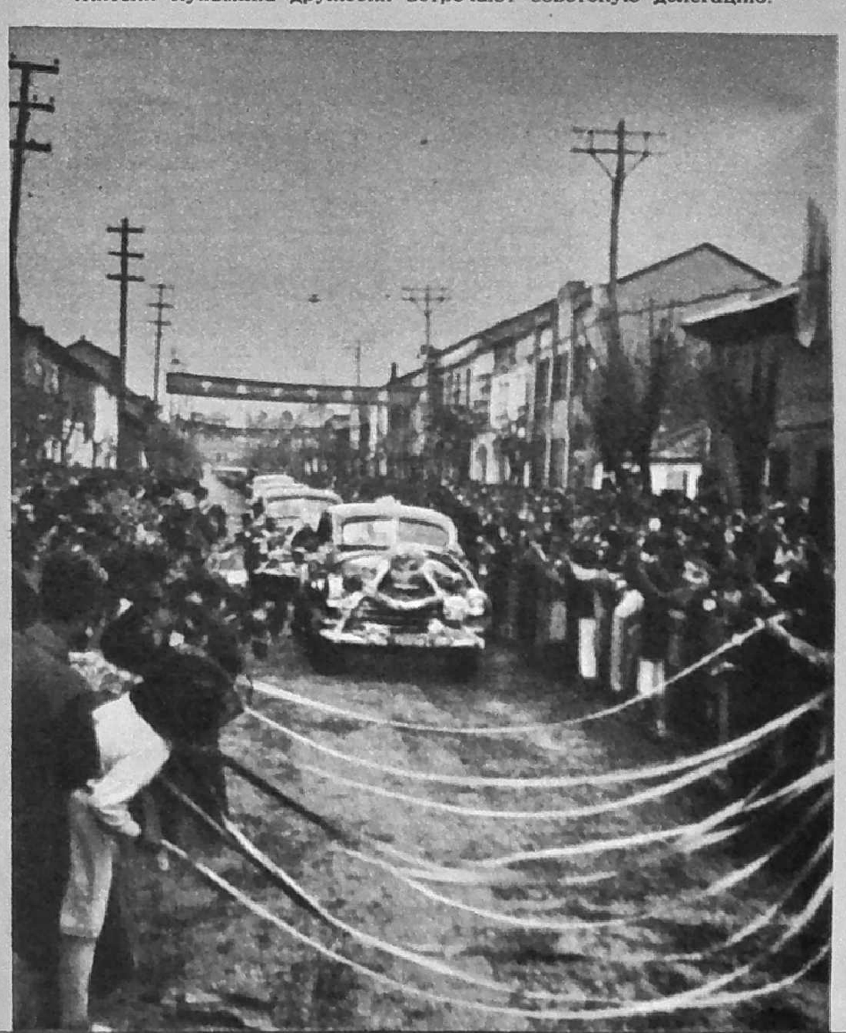
Вдоволь налюбовавшись этими произведениями искусства, мы движемся дальше, и снова природа, как бы соревнуясь с человеческим гением, показывает нам прелестнейшие уголки.

Пройдет немного времени — и здесь, на зеленых берегах и мысах, у вод тихого озера, будут сооружены здравницы, дома отдыха для строителей нового Китая. Скоро начнет строиться и железная дорога, которая приблизит этот чудесный район к центру страны.

В каких-нибудь тридцати километрах от города в горах есть «Горячий ключ», или «Первый источник в мире», как назвал его поэт Ян Шен-ан, четыреста лет назад высланный сюда за вольнодумство из своей родной Сычуани и в скитаниях по Юньнани забредший в эти места. В уютной долине, защищенной со всех сторон лесистыми горами, бьет из-под земли горячий минеральный источник большой силы. Построенная рядом с ним гостиница с десятком комфортабельных бассейнов использует пока лишь незначительную часть воды. Но можно с уверенностью сказать, что «Первый источник в мире» станет знаменитым курортом, который по красоте своего местоположения будет выше прославленных европейских здравниц и по лечебным достоинствам не отстанет от них.

...На юг от Куньмина, в сторону границы с Вьетнамом, на площади в несколько десятков квадратных километров стоит «камен-

Жители Куньмина дружески встречают советскую делегацию.

Слушатели Института национальностей, принадлежащие к народу асси, показали нам в Куньминском театре чудесный поэтический танец.

ный лес». Хаотическое нагромождение отвесных столбов, утесов, острых пиков, может быть, и трудно сравнить с лесом, но видно, что силы природы тут бушевали во всю свою мощь. Часами можно разглядывать эти диковинные камни.

Гуйсань, район «каменного леса», знаменит не только своеобразием своей природы, но и тем, что здесь была база партизанского движения. Когда мы пошли гулять по «лесу», девушка в военном костюме, забравшись на одну из скал, попросила и нас подняться к ней. Стоя на камне, она сняла и показала нам свою партизанскую медаль:

— Пусть эти места будут вам памятны, как и мне: здесь мы готовились к боям, здесь я заслужила эту награду...

Разнообразно население Юньнаньской провинции: десятки национальностей проживают в этом крае! Большая часть национальных меньшинств Китая живет именно в этих местах, в труднодоступных горах и лесах. Каждая национальность сохранила свои нравы, обычаи, костюмы, свой язык.

За короткие три года существования Китайской Народной Республики замечательные перемены произошли в положении и в жизни этих людей, которые еще недавно испытывали на себе особенно тяжелый гнет гоминдановского режима, поскольку феодалы и милитаристы считали их людьми «второго сорта». Живя в горах, на неудобных и неплодородных землях, мяо, асси, сани, йи и другие племена нуждались в одежде, у них не хватало соли, не было чая, металлических изделий. Но лишь очень редко, в исключительных случаях, появлялись они в городах, чтобы не попасть в лапы гоминдановцев, которые хватали рослых и здоровых горцев и насильно сдавали их в свою армию.

Заунывные песни и грустные легенды создавали эти народы, долго вспоминая о том, как их силой прогнали с плодородных полей и пастбищ в долинах. Вот одна из легенд. Она повествует о далеких временах, когда предки мяо должны были покинуть насиженные места и бежать, бросая все имущество. В дни бегства, как говорится в сказании, только одна находчивая и храбрая женщина, соорудив у себя на голове высокую прическу, спрятала в ней семена злаков, и этими семенами на местах нового поселения племя засеяло новые поля, и народ спасся от голодной смерти. И вот в память об этом подвиге своей спасительницы женщины мяо до сих пор высоко взбивают свои волосы. Они нашивают также на свои юбки полосы желтой материи — это в память о большой реке, на берегах которой жили когда-то их прадеды.

Три года назад и в горы Южного Китая пришла весна освобождения. Она пришла к обездоленным людям, и в горах Юньнани расцвели надежда и счастье. Установилась весна и в отношениях между всеми народами республики, теперь едиными и равноправными. Люди, столетиями прятавшиеся в горах и лесах, теперь охотно и свободно спускаются вниз, в города, чтобы учиться в школах и университетах, открытых специально для них. Из городов в отдаленные горные селения идут и идут теперь товары; туда везут ткани, чай, соль, сельскохозяйственный инвентарь.

С глубокой благодарностью произносят люди народа мяо имя того человека, которому обязаны этими счастливыми переменами в своей жизни.

— Мы знаем,— говорят они,— что председатель Мао очень занят важными делами. Но если у него найдется время и он приедет в наши края, мы на своих руках отнесем его к себе в горы и будем угощать всем, что у нас есть лучшего!..

Во время народной войны против гоминдановских тиранов люди мяо, рискуя жизнью, на глазах у противника переносили на себе военное снаряжение и продовольствие для бойцов Народно-освободительной армии. Безоружные храбрецы составляли отряды и с одними камнями в руках бросались на регулярные части противника, чтобы добыть себе винтовки. Так же мужественно вели себя и тибетцы, которые тоже живут в этих краях. Вооруженные одними саблями, пряча клинок в рукав халата и прикрывая рукавом голову, они пускались вскачь прямо на пулеметы, гибли в неравном бою, но некоторые герои все же прорывались и добывали винтовки и пулеметы врага...

...В этот прекрасный край, к этим чудесным людям приехала делегация советских работников искусства. Деревни и города были оповещены о нашем приезде; к празднику встречи стала готовиться чуть ли не вся провинция. Улицы, дома, телеграфные столбы, заборы были украшены плакатами и знаменами, цветущие деревья — разноцветными лампочками и фонариками. В районе «каменного леса» с гор стали спускаться люди, они шли из деревень, расположенных за пятьдесят — шестьдесят километров. Они грузили на лошадей продовольствие и топливо и отправлялись повидать людей из Советской страны. Среди других пришла за сорок километров шестидесятилетняя старуха, захватив с собою в узелке свою праздничную одежду. Прикрыв от дождя голову и плечи пучками травы, она упорно ждала гостей. Потом пришло известие, что советская делегация задерживается, но никто из собравшихся не расходился, а старуха сказала: «Если советские люди обещали, что приедут к нам, не может быть, чтобы они не сдержали слова».

Мы были первыми советскими людьми, которым посчастливилось принять заверения в любви и дружбе к Советскому Союзу и товарищу Сталину от населения этого замечательного уголка Китая.

В Куньмине едва только мы вышли из самолета, как народ с приветственными криками бросился через все поле. Нас окружили и чуть не сбили с ног, но сейчас же повели, скорее, понесли, к аэровокзалу. Пока мы отдыхали там, на поле образовалось не меньше десятка хороводов. Самый заметный из них составили бойцы Народно-освободительной армии, одетые в зеленоватые костюмы. Хоровод танцевал нашу русскую кадриль под звуки знакомой мелодии «Коробейников», которую старательно выдувал на своих блестящих инструментах военный оркестр.

Тротуары и мостовые были полны народу. Старики и маленькие ребятишки на руках у матерей — все кричали нам слова привета, аплодировали, махали букетами цветов, засыпали нас дождем конфетти. В воздухе летали странные создания, вроде маленьких драконов. Рассмотрев их повнимательнее, мы увидели, что это обыкновенные голуби, к ногам которых привязаны длинные цветные ленты, развевавшиеся во время полета.

Когда мы отправились осмотреть один из старинных храмов Куньмина, группа студентов человек в двести провожала нас, ни за что не желая расставаться с советскими гостями. Студенты вошли в храм, и его своды огласились громкими криками:

— Сталин, Сталин!..

Это было так необычно, что даже монахи, наблюдавшие за порядком в храме, поддались общему энтузиазму и ритмично похлопывали в ладоши.

Жители деревень и городов, через которые проходил наш полуторастакилометровый путь к «каменному лесу», выходили на шоссе встречать нас. Не только молодежь, но старики и старухи хлопали в ладоши; слезы радости катились по их морщинистым лицам...

Слушатели Института национальностей, принадлежащие к народу асси, показали нам в Куньминском театре чудесный поэтический танец. На сцене стояло большое, развесистое дерево, а на темноголубом заднике, изображавшем ночное небо, горела серебряным светом луна. Из-за дерева вышел юноша и заиграл на флейте протяжный лирический мотив. На зов его инструмента появилась группа девушек в национальных костюмах, плавно покачиваясь, начала тихий хоровод вокруг музыканта. И вдруг с противоположной стороны вылетела на сцену группа парней с большими, своеобразного вида гитарами в руках, и весь хоровод в новом, энергичном темпе начал горячую пляску. Юноши и девушки вели весенний любовный танец, пока не погас месяц.

Мы уезжали из Куньмина декабрьским утром, и студенты снова исполняли замечательный танец, на этот раз уже при ярком солнечном свете. Это было так же прелестно, как и вечером. Провожавшие нас люди пожимали нам руки и говорили:

— Мы знаем, что вы посланцы страны Сталина. Прежде мы только слышали о Советском Союзе, потом нам показывали советские фильмы, а теперь мы видели живых советских людей. Передайте спасибо советскому народу за то, что он дружит с нами!..

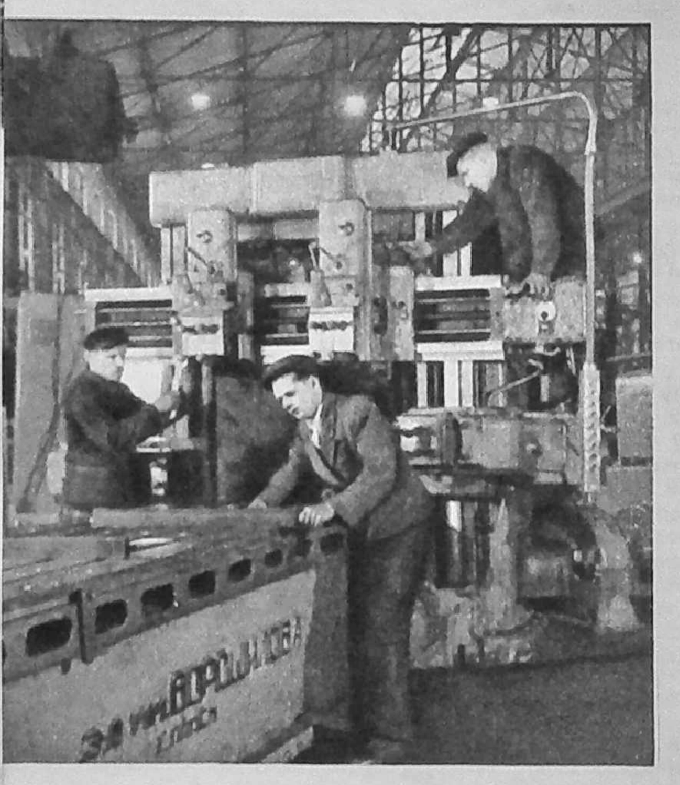

Эта сцена типична для многих западноевропейских городов, где жители ни на минуту не чувствуют себя в безопасности от хулиганских выходок расположившихся здесь американских солдат. Издевательски-наглым взглядом рассматривают представители «высшей американской культуры» проходящую мимо них женщину. Сколько открытого презрения и цинизма в глазах и позах этих янки, считающих себя хозяевами стран Западной Европы!

Снимок из итальянского журнала «Вие нуове».

Самосвал сходит с конвейера. Машину принимает начальник цеха сборки и испытания автомобилей П. Е. Шарандак (справа) и слесарь-сборщик А. И. Святенков.

Станкозавод имени К. Е. Ворошилова. Слева направо: слесари-сборщики К. В. Некало, Н. Н. Лимарев и И. А. Семицкий за сборкой продольно-строгального станка.

ЭТО СДЕЛАНО В МИНСКЕ

Совершим небольшую экскурсию по сегодняшнему индустриальному Минску...

Несколько слов об истории. Вернемся мысленно всего лишь на четыре десятка лет назад. Тогда мы окажемся свидетелями тех фактов, которые еще свежи в памяти старших из наших современников, таких, как семидесятилетний поэт Белоруссии Якуб Колас. Вот что, по его словам, представляла собой промышленность в дореволюционном Минске: «Кроме жидкого пива, тротуарных плиток и газированной воды «местная промышленность» того времени почти ничего не производила».

И действительно, пиво, свечи, ладан, воск, деготь, колесная мазь, тротуарные плитки да плохо обработанная кожа — вот и весь перечень промышленных товаров, которые выпускались в губернском Минске. Здесь даже мастерские по ремонту пролеток выглядели крупными предприятиями...

Новый, индустриальный Минск вырос за советские годы. Но пришла война, и от города остались одни развалины. Из трехсот тридцати двух предприятий сохранилось лишь девятнадцать. Общий ущерб, причиненный городу, исчислялся в шесть миллиардов рублей. Это было менее десяти лет назад. А ныне Минск поставляет промышленную продукцию во все края Советской страны.

...На Привокзальной площади, у двух огромных домов-близнецов, образующих своеобразные ворота в город, можно сесть на автобус, следующий по маршруту «Вокзал — автозавод». Через двадцать минут мы окажемся в районе, где сосредоточены предприятия автотракторной промышленности столицы Белоруссии.

В 1944 году здесь шумел лес, а три года спустя из огромных цехов завода вышли первые пять самосвалов. Завод-гигант постепенно набирал силы и начал выпускать самые крупные в стране, 25-тонные самосвалы.

Но и сегодня главное, чем занят коллектив,— это выпуск постоянно совершенствуемых шеститонных машин. Густым потоком сходят они с конвейера.

Тракторный завод. Белорусские тракторостроители уже давно наладили производство трелевочных тракторов «КТ-12». Сейчас завод занят подготовкой к выпуску колесного трактора, названного именем республики: «Беларусь». Опытные образцы машины можно увидеть в экспериментальном цехе.

Минский мотовелозавод. Это предприятие также возникло в послевоенное время. Поначалу здесь изготовляли только велосипеды. Сотни тысяч легких и прочных машин прославили минскую марку. Не так давно тут освоен выпуск и мотоциклов. В восемнадцать раз вырос выпуск продукции на этом предприятии по сравнению с 1947 годом!

Большой станкостроительный завод имени К. Е. Ворошилова существовал и до войны. Но если пройти по новым, оснащенным современной техникой цехам, выросшим за последние годы, станет ясно: предприятие следует считать новостройкой. Здесь и раньше выпускали продольно-строгальные станки. Но какими малютками кажутся они, когда глядишь на нынешние мощные станки, сконструированные с учетом последних достижений советской техники!

Мы вновь на предприятии, возникшем после войны. Его светлые корпуса высятся в северо-западной части города. Это Минский тонкосуконный комбинат. Вот браковочные машины отделочного цеха. Сколько бы тысяч метров ни выпускало предприятие, все они пробегут по склонам этих машин, освещенным мягким светом дневных ламп.

Бегут красные, синие, клетчатые, каймовые ткани самых различных цветов и рисунков. Тут яснее всего выявляются все достоинства и недостатки тканей. Готовая продукция проходит последний контроль.

По соседству с тонкосуконным комбинатом расположена обувная фабрика имени Л. М. Кагановича. В прошлом году она выпускала тридцать семь моделей различной детской, женской и мужской обуви. Недавно по конвейеру пошли зимние женские ботинки, отделанные мехом.

Минский радиозавод — одно из самых молодых предприятий города. Сейчас здесь выпускают радиолу «Минск», но в будущем марка минского предприятия будет стоять на приемниках первого класса и телевизорах.

Завод «Ударник». Еще два года назад его почти никто не знал за пределами республики, он выпускал весы. Теперь здесь создаются те высокопроизводительные канавокопатели конструкции профессора М. Е. Мацепуро, которые снискали себе заслуженную известность не только у белорусских мелиораторов, но и в Сибири, Грузии, на Сахалине и в Бурят-Монголии.

* * *

Эту экскурсию мы могли бы продолжить дальше. Выпуск валовой продукции промышленности Минска в минувшем году по сравнению с довоенным 1940 годом возрос в три с половиной раза!

В. ПОНОМАРЕВ

На складе готовой продукции мотовелозавода.

В экспериментальном цехе тракторного завода.

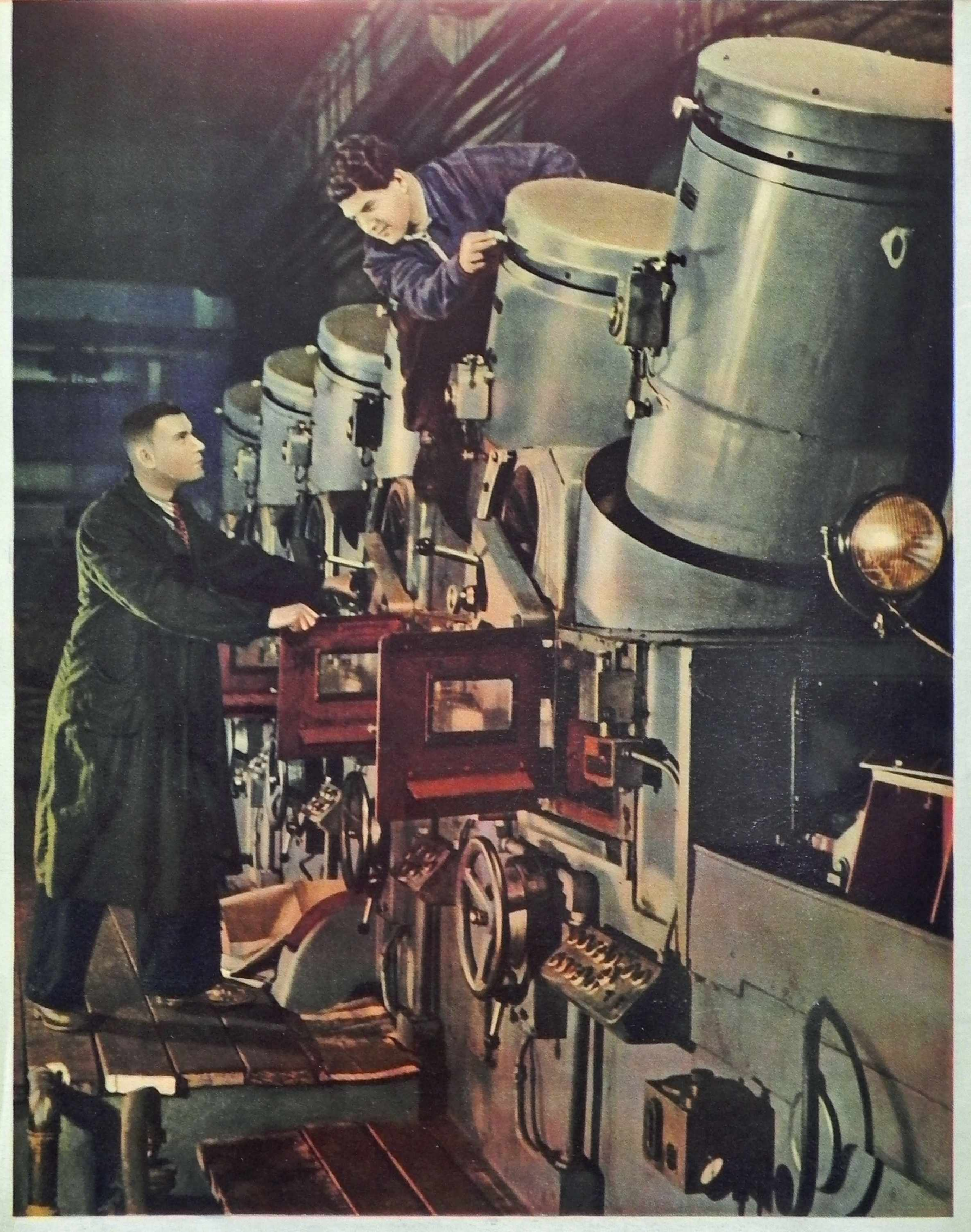
Фото М. Савина.

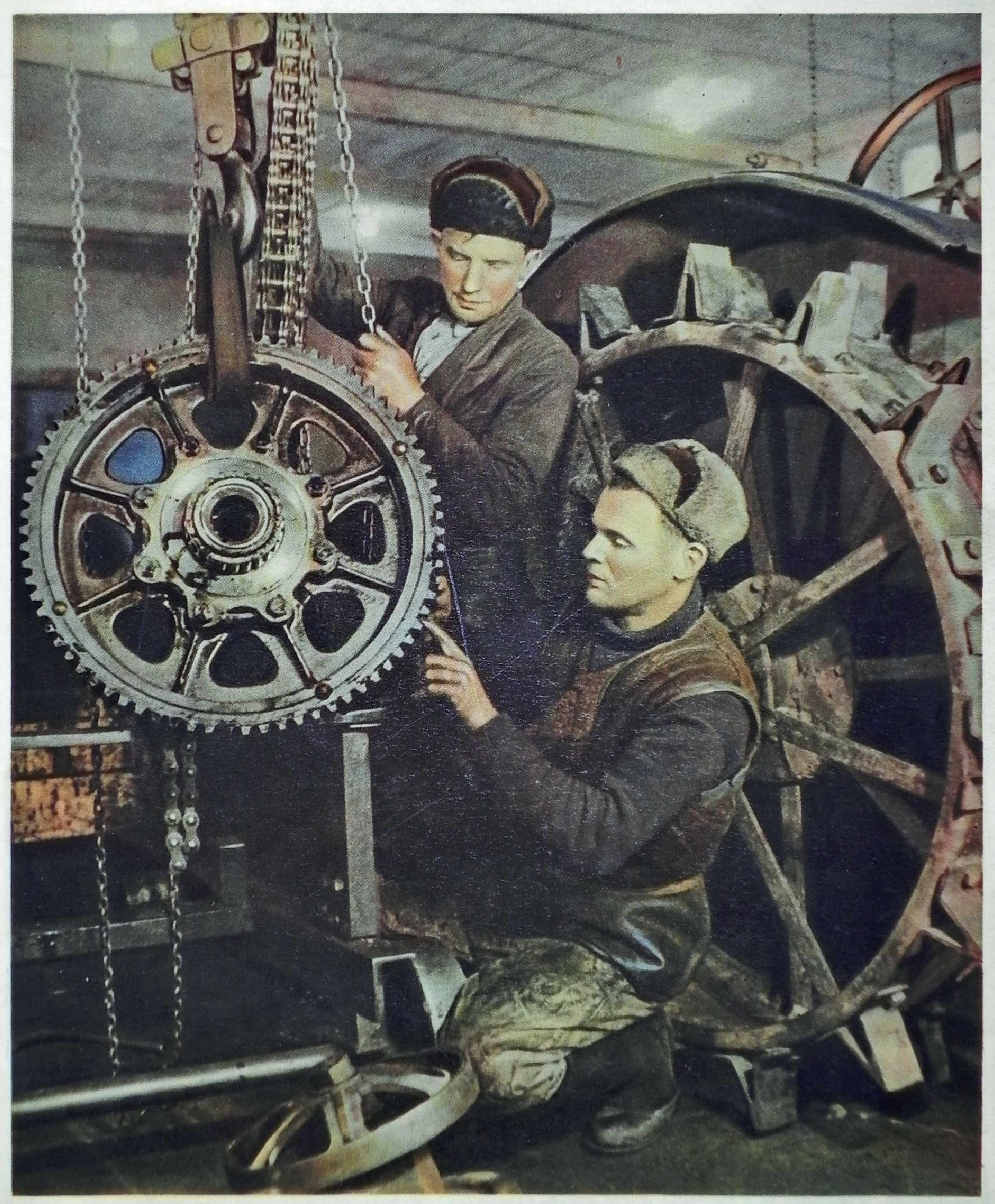
Фото М. Савина.

Минский тонкосуконный комбинат. Сменный мастер цеха Е. А. Строгова, ткачиха И. А. Вашкевич и прядильщица Н. И. Мазнева (слева направо) знакомятся с новыми образцами тканей. Внизу: одна из лучших стахановок Минской обувной фабрики имени Кагановича, В. Ф. Дашкевич, у карусельного пресса.

На Московском заводе шлифовальных станков производится наладка агрегата для комплексной шлифовки лемехов к тракторным плугам. **На снимке:** ведущий конструктор станка В. К. Радивилин (слева) и слесарь-наладчик П. П. Волков у станка.

Фото Дм. Бальтерманца.

Подготовка к весеннему севу. Раменская МТС, Московской области, заканчивает ремонт тракторного парка. Помощник бригадира тракторной бригады Б. Г. Климов (справа) и тракторист Л. А. Кузнецов за сборкой тракторов.

Фото О. Кнорринга.

Абсолютный чемпион СССР 1953 года по конькобежному спорту Римма Жукова.

Фото Л. Доренского.

В НОЧИ

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунок В. Климашина.

Прохоров перебрался через железнодорожное полотно, и струистые, словно отраженные в реке огоньки районного городка скрылись за горбиной насыпи. Непроглядная ночь охватила его. В темноте угадывалось огромное пустое пространство. Близился новый год, но снега все не было, только ветер с шорохом перекатывал по лысой, мерзлой земле снежную крупу.

Прохоров достал карманный фонарик с динамкой и, нажимая ладонью на рычажок, выдавил на дорогу тускложелтое пятно света. Пятно побежало по дороге, выхватывая из темноты то сухие прутья кустов, то колдобину, затянутую тонким ледком, то камень в ледяной рубашке, намертво припаянный к земле. Вскоре стужа завладела его телом.

Прохорову казалось, что всю жизнь идет он сквозь эту ночь, всю жизнь дует ему в лицо ледяной ветер. Почему другие люди живут в больших, светлых городах, а он вот уже двадцать лет мыкается по холоду и тьме? Почему его товарищи, с которыми он когда-то вместе гонял гурты, стали видными хозяйственниками, а он, хоть не уступал им ни в знаниях, ни в опыте, так и не продвинулся дальше конторы «Заготскот»? Менялась в его жизни лишь география. Но будь то далекий Казахстан, башкирские степи или нынешняя Рязанщина — всегда он жил словно на отшибе...

Чувство обиды на жизнь, на людскую несправедливость никогда не оставляло Прохорова. Обидным казался ему и сегодняшний вызов в райком: вернувшийся из армии муж скотницы Надежды Стариковой обижает, видите ли, жену.

— Ты разобрался в этом деле? — спросил его секретарь райкома Клюев.

— А чего тут разбираться? Все знают: приревновал бабу к одному из наших гуртовщиков. Я в чужую грязь нос совать не охотник.

— Да ведь он бьет ее!

— На то есть прокурор.

— А без прокурора никак нельзя?

— Знаешь что, товарищ Клюев, спрашивай с меня за производственные показатели,— твое право, а от этих дрязг, прошу, уволь.

— Ну, ну,— сказал Клюев и действительно стал говорить о делах конторы.

Впрочем, он вскоре поднялся из-за стола и, прощаясь, задержал руку Прохорова:

— Странно, товарищ Прохоров, такой ты правильный человек, а у меня, как тебя завижу, будто кровь скисает... Шучу, шучу! — добавил он, хотя ни в тоне, ни в выражении его лица не было никакой шутливости.

Правда, потом секретарь проводил его до самого крыльца и, глянув в черноту ночи, сказал:

— Постой, я машину вызову.

Но Прохоров решительно отказался и пошел пешком...

Сейчас, в темноте, в глухом одиночестве, вся эта сцена предстала перед ним с особой, почти зримой отчетливостью, и, словно желая уйти от незаслуженной обиды, он зашагал быстрее. Потом ему захотелось курить, но папиросы лежали в кармане брюк; чтобы достать их, пришлось бы распахнуть тулуп. Прохоров вздохнул и двинулся дальше.

Нивесть откуда пролившийся свет — верно, луна глянула в пролом туч — косо резанул равнину, и в отдалении, на голизне земли, возникло обглоданное ветром дерево с длинным стволом без сучьев и с редкой кроной, похожей на растопыренную пятерню. Дерево исчезло раньше, нежели Прохоров успел поверить в его существование. Тьма стала еще гуще, чернее.

— Помогите! — словно из-под земли послышался чей-то голос.

Прохоров остановился. Он не испытал ни страха, ни удивления, словно все время ждал, что в этой недоброй ночи родится какое-то лихо.

— Помогите, дяденька! — раздалось вдруг совсем рядом, и Прохоров уловил веселую нотку в этом жалостливом выкрике.

Вытянув вперед руку с фонариком, он сделал несколько шагов в сторону от дороги; в лицо ему пахнуло гнилым теплом торфяного болота. Луч фонарика коснулся края широкой ямы и соскользнул в темную глубину. На дне ямы копошилась небольшая фигурка.

— У меня нога завязла! — послышалось из ямы.— А то бы я сама выбралась.

— Держите руку,— сказал Прохоров.

Через минуту пострадавшая стояла на твердой земле, счищая с ноги черный торфяной чулок. По росту и сложению ее можно было принять за девочку, но голос, хотя и тонкий, нежный, обличал взрослую девушку.

— Придется разуваться,— говорила она между тем, усевшись на бугорок и начиная расшнуровывать ботинок.— Вот так сократила путь!

— Вы из железнодорожного поселка шли? Вам бы правее держаться.

— Ну, конечно! Ветром меня закружило.

Голос ее звучал прерывисто, затрудненно, и Прохоров понял, что она силится стащить разбухший в торфяной жиже ботинок. Он посветил девушке фонариком.

— Вот спасибо! — она стащила с ноги ботинок, вылила воду, затем стянула шерстяной, домашней вязки носок и, видимо, тоже мокрый, чулок.

Прохоров отвернулся. Ему было досадно, что его задерживают, но бросить сейчас девушку было неловко. Он слышал, как она отжимала воду, и подумал, что ей трудно будет продолжать путь с мокрой ногой.

— Лучше вам домой вернуться: простудитесь...

— А ничего! Я ногу платком обмотала, а уж потом носок надела. Как-нибудь дойду.— Она вскочила на ноги и пристукнула каблуками о землю.— Я бы нипочем не сбилась с дороги, но когда темно, у меня красные точечки в глазах бегают.

— Куриная слепота,— определил Прохоров.— Вот что: берите меня под руку, а то опять собьетесь... Вы не бойтесь,— добавил он, помолчав.— Я местный человек, заведующий конторой «Заготскот».

— Товарищ Прохоров! — сказала она уважительно.— А вы меня, может, тоже знаете? Я Конюшкова, на телеграфе работаю.

— Всех разве упомнишь?..

Он почувствовал легкое прикосновение ее пальцев к рукаву и, тесно прижав к себе локоть девушки, зашагал вперед.

Некоторое время они шли молча, отворотясь от ветра и оступаясь на буграх и выбоинах дороги.

— В Камышино идете? — заговорил Прохоров.

— Нет, на стрелку.

Прохоров невольно поежился. Он понял, что она имеет в виду стрелку на разъезде, а до разъезда было вдвое дальше, чем до Камышина, где находилась его контора. Надо пересечь еще одно такое же голое, незащищенное поле, затем долго идти глубокой Черной балкой и через лес.

— Далеко,— сказал он.

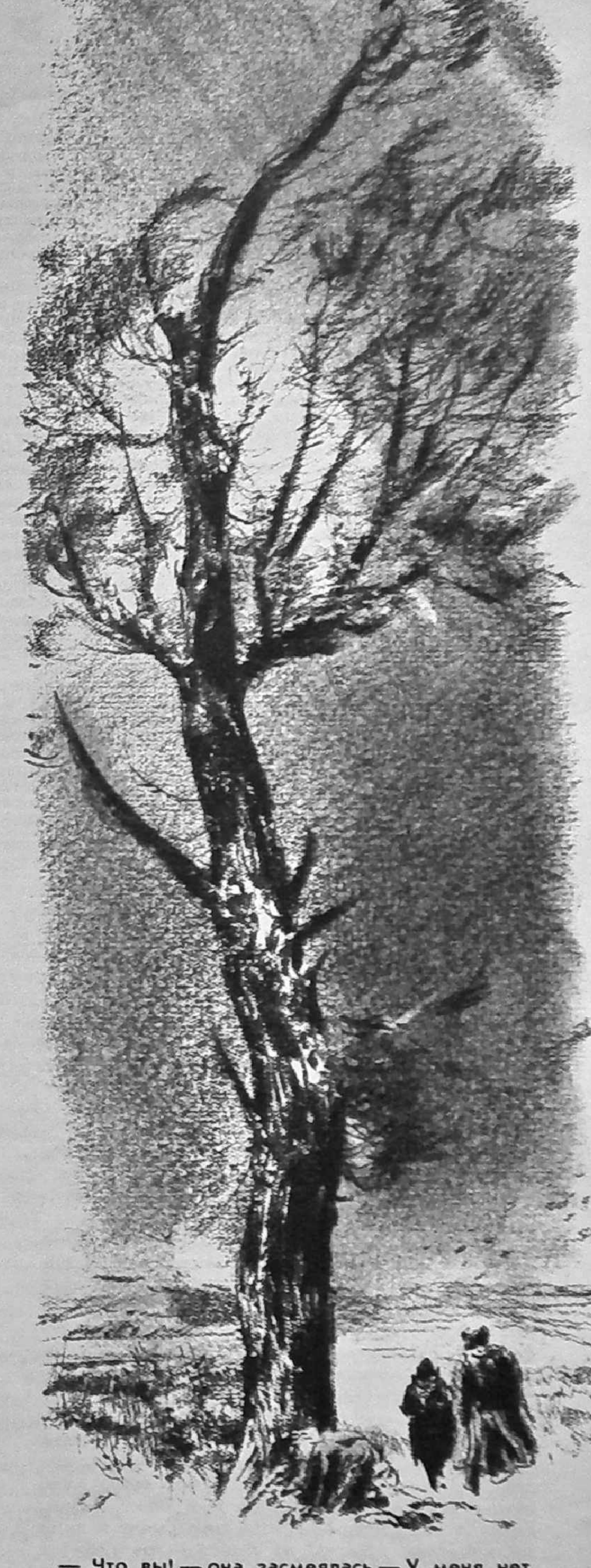
— Далеко,— подтвердила девушка и крепче ухватилась за его руку, очевидно, представив себе свой долгий путь сквозь ночь.

Ветер шарахнулся в сторону, с сухим шелестом рассыпав крупу, и вновь в черноте ночи проскользнул слабый, зыбкий свет, словно луч далекого прожектора обшарил мрак, и в этом призрачном свете по краю тьмы проплыло все то же голое, обобранное непогодью дерево.

— Дело, что ли, какое на стрелке есть? — спросил Прохоров.

— Дело,— ответила она коротко.

— Небось, милого проведать? — пошутил он.

— Что вы! — она засмеялась.— У меня нет милого. Я некрасивая.

В темноте Прохоров не мог удостовериться, говорит ли она правду. Когда он помогал ей выбираться из ямы, то заметил лишь, что она маленькая и щуплая и что на ней бобриковое пальто. Такие пальто недавно продавались в райторге на мальчиков. Это куцее пальтишко с хлястиком и торчащим жестким воротником как-то сразу помогло Прохорову нарисовать облик спутницы. Почему-то он решил, что у нее должны быть зеленые глаза, нос пуговкой и веснушки.

— А если бы у меня был милый,— после минутного молчания сказала девушка,— я бы к нему не побежала. Пусть уж он сам. Раз он меня выбрал,— значит, я для него все равно что красивая, правда?

Она снова засмеялась и вдруг запела:

Помнишь ночь метельную, шальную,
Помнишь домик на краю села...

— Гм... поете? — сказал Прохоров, не любивший, чтоб люди пели, да еще ночью.

Писатели и книги

Поэзия В. Монтвила

На окраине Каунаса в братской могиле, среди замученных немецкими фашистами и литовскими буржуазными националистами борцов за свободу, покоится прах замечательного литовского поэта, пламенного советского патриота Витаутаса Монтвила. А песня поэта жива! Она жива в трудовых подвигах литовского народа, идущего к коммунизму.

Витаутас Монтвила родился в 1902 году в США в семье рабочего-эмигранта, отправившегося из Литвы за океан в поисках свободы и хлеба. Но ни свободы, ни хлеба не нашел литовский рабочий в царстве доллара и вернулся обратно на родину.

Будущий поэт рос и формировался в ту пору, когда литовская буржуазия при помощи американо-английских и немецких штыков задушила советскую власть в Литве и установила кровавый режим — режим кнута и пули, направленный против трудового народа. В течение ряда лет В. Монтвила батрачит у кулаков, испытывает на себе все «прелести» буржуазных «свобод». С большим трудом он, неимущий и голодный, поступает в учительскую семинарию, но изгоняется из нее за революционные идеи, которые все более и более овладевают им. Будущий поэт становится чернорабочим, шофером. Он попадает в фашистскую тюрьму. Крепнет его воля к борьбе, закаляется характер. Поэтическое творчество становится для Монтвила оружием в борьбе. Он изучает русский язык и с большим волнением читает произведения М. Горького и В. Маяковского, которые затем переводит на литовский язык.

Боевые, острые стихи В. Монтвила очень трудно было напечатать. Фашистская цензура, особенно после переворота 1926 года, душила малейшее проявление свободной мысли. В. Монтвила всей душой ненавидел палачей народа — фабрикантов, банкиров, кулаков, жандармов. В сильных сатирических стихах («Средневековые оркестры», «Богом покинутая овечка») он разоблачает католическое духовенство, помогавшее реакционным классам пить кровь народную, духовенство, у которого «крест — в руках, дьявол в груди». С глубоким проникновением в жизнь простого рабочего человека, литовца-труженика, рисует поэт образы людей из народа («У биржи труда», «Подайте на пропитание!», «Винцас Дарулис» и т. д.). Он нигде специально не декларирует свою любовь к народу, но каждая строка его дышит этой искренней любовью. Поэт в ту пору еще неясно представляет себе, каков путь к победе, и не стоит еще на марксистских позициях.

Тысяча девятьсот сороковой год, когда литовский народ при помощи Советского Союза сверг иго буржуазии и установил народную власть,— поворотный год во всей литовской литературе, а таким образом и в творчестве В. Монтвила. Вместе с П. Цвирка, С. Нерис и Л. Гира он находится в первых рядах певцов новой жизни. «...Одна советская секунда дороже нам, чем тот режим презренный»,—восклицал он. Поэтический талант В. Монтвила растет и крепнет. Учение у Владимира Маяковского дает свои плоды — голос поэта слышен во всех уголках Литвы — в Вильнюсе и Мариямполе, Каунасе и Шяуляе. Справедливы слова Монтвила, сказанные им о своей работе в 1940—1941 годах: «За эти девять месяцев я написал больше, чем за всю свою жизнь».

В этих стихах В. Монтвила воспевает страну свободы и счастья — СССР, товарища Сталина, коммунистическую партию, Советскую Армию — освободительницу Литвы. Поэт прославляет первые подвиги литовского народа в строительстве социализма. Огнем сатиры выкуривает он из нашей действительности «бывших людей», еще недавно сосавших кровь народа, притаившихся двурушников, вредителей, казнокрадов, подхалимов.

Меньше чем за год В. Монтвила написал такие стихи, как «Ленину», «Свободная песня», «Венок Литве», «Мы свободу все равно удержим», «Выстрел стихом», и вырос в одного из ведущих поэтов Литвы. Его голос зазвучал свободно и широко. От поэта можно было ждать произведений огромного эмоционального накала. И так бы оно, наверное, и случилось, если бы фашистская пуля не оборвала жизнь большого художника.

В ту пору, когда гитлеровцы готовили нападение на Советский Союз, поэт писал:

...если
в нашу сторону орудья
направит враг издалека,—
мы встанем все,—
земли советской люди, —
сожмет
оружие
рука!

Призыв поэта сохраняет силу и в наши дни, когда фашизм опять грозит народам мира.

Избранные произведения В. Монтвила впервые изданы на русском языке в переводах Льва Озерова.

Антанас ВЕНЦЛОВА

В. Монтвила. Избранное. Перевел с литовского Лев Озеров. Гослитиздат Литовской ССР. 1952. 163 стр.

— А чего мне? Пою.

Как в семью знакомую, родную,
Ты в блиндаж к разведчикам пришла!..

Пахнул ветер и снял песню с губ.

— Не страшно одной-то ходить? — спросил Прохоров.

Его раздражала эта беззаботность; он считал, что люди фальшивят, если в плохих обстоятельствах делают вид, что им хорошо.

— А чего страшного?

— Ну-ка обидит кто? В такую темноту хоть криком кричи, не услышат.

— Так вы же услышали?

— Я не о том...

— Вы мне бабку мою напоминаете. Она меня все лешаками да оборотнями, а то лихим человеком стращает. Как мне идти, она и заводит: «Погубишь ты свою головушку!» «Бабушка,— говорю,— лешаки и оборотни давно повывелись, а лихому человеку в наших краях неоткуда взяться...»

— Вон какая бесстрашная!

— А чего мне!.. Как-то раз вечером шла я на стрелку и около Черной балки нагнала парнишку с мешком за плечами. Мешок, видать, тяжелый, бедняга согнулся весь, чуть землю носом не царапает. Я к нему. «Дай, детка, я тебе подсоблю». А он молчит и знай себе шагает. «Да ты не бойся,— говорю,— я же помочь тебе хочу». Молчит, только ходу прибавляет. Ну, уж если мне кого жалко, ни-почем не отстану. Догнала его и прямо за мешок потянула. Он остановился, поднял голову. Тут луна показалась... Батюшки-светы, передо мной не мальчик, а старый-престарый дед! Лицо от луны зеленое, и борода будто в прозелень, глаза злые-презлые — прямо лесовик!..

— Страшно, поди? — усмехнулся Прохоров.

— Неприятно. Старого человека обидела. Да ведь я ненарочно.

— Ну, и чем же кончилось?

— Да ничем. Отругал он меня, а подсобить себе так и не дал.

— Занятно! — проворчал Прохоров.

— А то еще осенью случай был,— продолжала она, польщенная вялой похвалой Прохорова.— Повстречался мне парень, пьяненький, и стал с глупостями приставать.

— Как же вы отделались?

— Я и не отделывалась. Просто поговорила с ним, объяснила, что он человека в себе теряет. Он слушал, слушал, потом заморгал глазами...— Она засмеялась.— «Ты не думай,— говорит,— что я такой... Я хороший человек». Я его после видела, он в депо работает.

— Вот бы и заявили куда следует.

Она повернула голову и внимательно посмотрела на него.

— А зачем? Ну, выпил человек, стало ему казаться, что любое желание сразу сбудется...

— А вы, видать, частенько этой дорогой ходите?

— Да почти каждый день.

Прохоров представил себе, как будет она идти этой дорогой через неделю, другую, когда январские метели наметут сугробы выше ее роста, или в мартовскую ростепель, когда земля, разом взмокнув, станет непролазной, как болото, а в Черной балке вспухнет вода над скользкими плитами льда.

— Что же у вас за дела такие на стрелке, позвольте спросить?

— Ученик там у меня,— ответила она с легкой гордостью,— Стрелочников Егорка. Да вы, наверное, его знаете. Он вашей уборщице Пелагее внуком приходится. Белобрысый такой...

Прохоров пожал плечами. Но, почувствовав по ее молчанию, что она не уловила его движения в темноте, буркнул:

— Всех не упомнишь!

— Как же! Пелагея его очень любит... Егорка у нас в поселковой школе учится. Да вот уж с полгода, как болеет; костное у него что-то. Врачи говорят, поправится, только покой нужен. Ну, я и хожу, занимаюсь с ним, чтоб он от товарищей не отстал.

— Он что, родня тебе?

— Нет. Мне про него учительница Марья Владимировна рассказала. Мы с ней в одном доме живем.

— Что же, кроме тебя, помощников не нашлось? Это ведь их школьное дело.

— Учительница старенькая, ей тяжело. А товарищи ходят, помогают. Да ведь дети, они так объяснить не могут.

— А ты можешь?

— Марья Владимировна говорит, что у меня учительская жилка есть. Нет, просто терпение к детям большое...

— Так это вроде твое комсомольское задание?

— Задание? — повторила она, не поняв.— Нет, я сама...

Прохорову вспомнилось бобриковое пальтишко, тупоносые ботинки, которые продавцы почему-то называют «бульдожками», вязаный берет с мелькнувшей под лучом фонарика дешевенькой заколкой.

— Аа-а! — сказал он понимающим голосом.— Стало быть, они тебя отблагодарят?

— Ну, конечно,— ответила она застенчиво,— они очень благодарят, даже неловко. А Егорка так всякий раз отпускать меня не хочет. «Живи,— говорит,— с нами, Тонечка. Вместе будем трудные задачки решать». Он к арифметике очень...

— Да я не о том! — перебил Прохоров.— Я... о вещественном говорю.

— О чем?.. — она помолчала, затем сказала тихо: — Вы меня не поняли: я за так хожу.

— Как это «за так»?

— За никак,— ответила она еще тише.

— Так что же ты за это получаешь?

Девушка молчала.

Она выпустила его руку и теперь шла, чуть отстранившись, стараясь не наступать на желтый кружок света от его фонаря.

— Ты-то, ты сама, что получаешь? — пробормотал Прохоров.

Ему хотелось спросить совсем о другом. Ему мучительно важно было понять то чувство, которое гонит ее, маленькую и беззащитную, в тьму и непогодь к чужим людям. Прохорову казалось, что, пойми он это, он понял бы наконец причину неудачи всей своей жизни.

— Поздно,— сказала она чужим, напряженным голосом.— А мне еще вон сколько идти...

— Прибавим шагу...

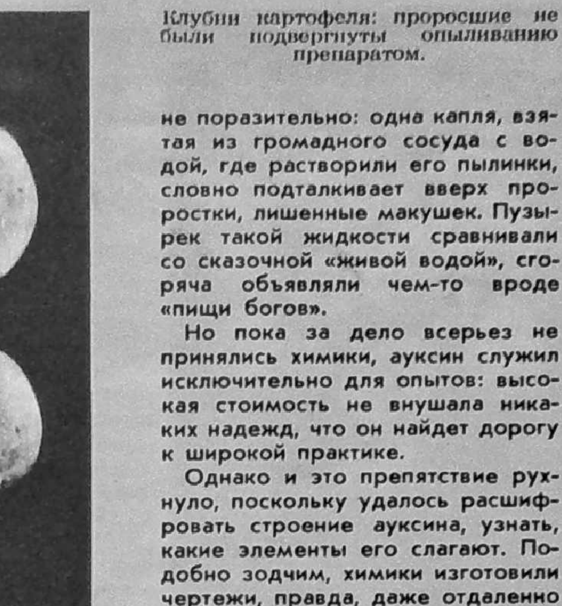
— Нет, нет! — сказала она поспешно, и сейчас в ее голосе явственно прозвучал испуг.— Я одна быстрей!..

Она совсем отступила в темноту, словно боясь, что он будет ее удерживать. Ботинки с железными подковками звонко процокали по земле, затем маленькая фигурка, задетая отблеском луча фонарика, возникла впереди на дороге и быстро скрылась в ночи. И Прохоров с глухой грустью подумал, что он оказался для нее тем самым лихим человеком, тем лешаком, которым стращала ее бабка.

И вдруг откуда-то издалека, словно из-за края тьмы, послышалось:

Помнишь ночь метельную, шальную,
Помнишь домик на краю села...

Она снова пела и весело шла сквозь ночь туда, куда ее вело сердце.

Клубни картофеля: проросшие не были подвергнуты опыливанию препаратом.

РАЗРУБЛЕННЫЙ УЗЕЛ

Георгий БЛОК

Может ли одно и то же вещество действовать по-разному, самым противоположным образом: возбуждать рост растений, останавливать его и, наконец, убивать, подобно яду?

Быть стимулятором: заставлять нежные черенки растения пускать корешки вдвое—втрое гуще и скорее обычного, а обрубленные корни пересаженного взрослого дерева возобновляться, расти с удивительной быстротой; предотвращать опадение неопыленных цветков помидора, сохранять на них завязь и приносить сочные, мясистые плоды?

То же вещество может ли служить и тормозом: сдерживать предвесеннее прорастание клубней картофеля в хранилище; не допускать предуборочную падалицу яблок и груш с веток, иначе говоря, увеличивать урожай фруктов иногда чуть ли не вдвое?

И одновременно быть отравой: избирательно истреблять широколистые сорняки на поле, занятом пшеницей или рожью, щадя зерновые культуры?

Да, отвечали ученые, может, есть такое вещество; больше того, их множество. Окрещены они по-разному: ростовыми, растительными гормонами (от греческого слова «гормон», что значит «движущий»), регуляторами.

В бесчисленных опытах они проявляли себя так, словно им на самом деле присущи полярные свойства. Когда употреблялись мельчайшие дозы этих веществ, они ускоряли, подстегивали рост растений, когда брались повышенные,— сковывали их, словно накладывали невидимые путы, а сравнительно большие дозы разрушали, приводили растение к гибели.

В 1880 году великий естествоиспытатель Чарльз Дарвин проделал такой опыт. На подоконник поставили два горшка с одинаковыми проростками; второй проросток отличался от первого тем, что у него была аккуратно отрезана самая макушка. Первый продолжал расти: изгибался, тянулся к свету, лившемуся с одной стороны,— а второй замер, никак не отзывался на солнечные лучи.

Дарвин высказал предположение, что, видимо, верхушка содержит какой-то раздражитель и он под влиянием света принуждает растение поворачиваться.

Догадка не прошла незамеченной. Ученые выяснили, что если отрезанную макушку спустя некоторое время приложить к прежнему месту, то притихший было проросток оживет, снова обретет утраченные силы и начнет догонять своего соседа. Сходный результат достигался и иным способом: достаточно было срез обезглавленного проростка залепить тонким слоем агар-агара — лабораторного «желе»,— смоченного соком верхушки, чтобы рост возобновился.

Последние сомнения отпали, настала пора извлечь загадочный возбудитель и изучить его. Задача оказалась чрезвычайно сложной, кропотливой, потребовала долгих экспериментов. Ведь в верхушке прятались ничтожные следы этого вещества; недаром исследователи именовали его порцию исчезающе-малой.

Судите сами: гора растительной «руды» — семь миллионов кукурузных проростков — хранит в себе всего-навсего один миллиграмм чудесного «минерала». Железнодорожный вагон, до отказа набитый початками кукурузы, дает несколько крупиц вещества, названного ауксином, которым не тесно на ногте мизинца.

Зато действие ауксина поистине поразительно: одна капля, взятая из громадного сосуда с водой, где растворили его пылинки, словно подталкивает вверх проростки, лишенные макушек. Пузырек такой жидкости сравнивали со сказочной «живой водой», сгоряча объявляли чем-то вроде «пищи богов».

Но пока за дело всерьез не принялись химики, ауксин служил исключительно для опытов: высокая стоимость не внушала никаких надежд, что он найдет дорогу к широкой практике.

Однако и это препятствие рухнуло, поскольку удалось расшифровать строение ауксина, узнать, какие элементы его слагают. Подобно зодчим, химики изготовили чертежи, правда, даже отдаленно не похожие на обыкновенные.

Синтетический препарат, созданный учеными по образу и подобию природного, во всех деталях и частностях походил на него, да и по своей активности ничем от него не отличался.

Может быть, задали себе вопрос химики, и другие вещества, сходные с натуральным, будут действовать так же, как и препарат? К тому же производство его обходилось чрезвычайно дорого. Мысль оказалась плодотворной, и за первым незамедлительно последовало множество других, близких к нему, полученных искусственно, еще более дешевых и эффективных.

Наступила пора новых исследований, которые неожиданно породили в науке изрядную сумятицу. Камнем преткновения оказалось то, что любой такой химический препарат во многом отличался от естественного.

Препараты столь странно сочетали в себе разнообразные, а порой противоположные свойства — подгонять рост растений, заглушать его и убивать,— что большинство западных ученых заблудилось в этих «трех соснах». Вместо точных опытов они затеяли бесплодные яростные споры, что мешало нащупать правильный путь к разгадке.

В лагере оголтелого идеализма первыми откликнулись приверженцы монаха Менделя; всполошились, подняли шум и вейсманисты. Их нимало не смущало то, что формулы химических веществ были выведены с исчерпывающей полнотой и четкостью. Несмотря на это, идеологи буржуазии поторопились приписать препаратам якобы присущую им таинственную, непостижимую силу. В них, по словам реакционеров, присутствует не материальный элемент, а некий «носитель свойств роста», родной брат вымышленного морганистами неизменного «вещества наследственности».

«Аппетит приходит с едой». Вошедшие во вкус, вернее, в раж, морганисты уже не в силах были остановиться и, чтобы окончательно запутать вопрос, «извлекли» из главного духа — элемента — множество подсобных, ему подобных. Какие только субстанции не были придуманы и размещены в растении: и корнеобразующие и стебле-, листо-, цветообразующие! Не забыты плоды, семена...

«Образующие» как бы распоряжаются строительным материалом, слагающим тело растения: белками, жирами, углеводами и пигментами. Все эти составные части отнесены к низшей категории. А ростовые вещества только потому, что растениям они нужны в неизмеримо малой порции, причислены к высшей.

Старая погудка на новый лад! Знакомое разделение на высшие и низшие. Осталось сделать последний шаг — объявить ростовыми веществами всякий химический элемент, без которого растение не способно развиваться, например, марганец, железо, поскольку они также потребляются в ничтожных дозах.

Советские физиологи растений разоблачили и эту басню мракобесов. Решающую роль сыграли многолетние экспериментальные исследования, проведенные профессором-коммунистом Ю. В. Ракитиным и сотрудниками его лаборатории в Институте физиологии растений Академии наук СССР. Тщательно изучались естественные и искусственные препараты. Был всесторонне и критически обобщен и переработан обширный материал, накопленный учеными нашей страны.

Вывод советского биолога, основанный на глубоком знании сложных, тонких физиологических процессов, протекающих в растении, поставил проблему с головы на ноги, шел наперекор тому, что твердили буржуазные ученые за океаном.

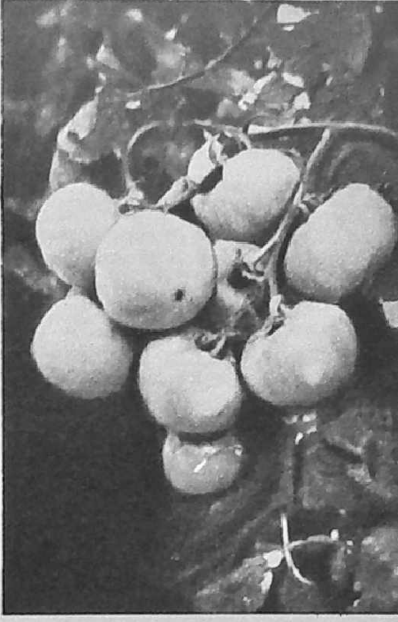
Прежде всего он установил, что в живой природе никакие особые вещества роста не образуются. А то, что было выделено из верхушек, — это, говоря попросту, одно из веществ, которые подобно фосфорным и азотистым солям, углекислоте, воде необходимы для нормальной жизнедеятельности растений.

Ракитин также доказал, что синтетических ростовых веществ не существует, и называть их так значит либо заблуждаться либо сознательно извращать факты. Химические препараты представляют собой соединения, чужеродные растению. Это заурядные химические соединения, получаемые из фенола и монохлоруксусной кислоты, нафталина и такой же кислоты, того самого нафталина, с помощью которого мы предохраняем шерстяные вещи от моли. Соединения эти отнюдь не несут в себе ничего таинственного, нематериального, и стоят они очень дешево.

Эффект их действия — не что иное, как ответная реакция организма, чаще всего защитная. Чем это объяснить? В ткани растения попадает чуждое ему вещество, и организм как бы мобилизует свои внутренние силы, чтобы парализовать его действие. А следовательно, изменяется нормальный обмен веществ в растении.

Анализируя с позиций диалектического материализма внешне как будто противоположные явления — возбуждение, торможение и отравление,— ученый объясняет их как звенья единого физиологического процесса. С микроскопически малым количеством чужеродного вещества организм успешно борется, усиливая обмен веществ. Повышенные дозы препарата ослабляют обмен веществ, и процесс роста задерживается, а с большими дозами растение не в силах справиться и, отравленное, погибает.

Искусственные препараты, изготовленные в институте доктором химических наук Н. Н. Мельнико-

Две кисти помидоров. Справа — обработанная препаратом, обильно плодоносит. Другая — принесла только один плод.

вым, испытывались на черенках различных цитрусовых культур, разводимых во влажных субтропиках Закавказья. Обычно черенки лимона пускают корни медленно, как бы неохотно, мандарина — еще хуже, апельсина — совсем плохо. Да и укореняются далеко не все; часть растений, размножаемых вегетативным путем, гибнет. Садоводам, несмотря на давние упорные усилия, не удавалось предотвратить нежелательные отходы. Первые опыты, проведенные под руководством академика Н. А. Максимова, показали, что с помощью синтетических веществ можно значительно сократить эти потери.

Связки черенков, выдержанных в течение 12—16 часов в слабом растворе препарата, по сравнению с необработанными контрольными экземплярами хорошо укоренялись. Они обладали более густой и разветвленной корневой системой, несравненно лучше развивалась и наземная часть: юный стволик был длиннее и толще, листва обильнее.

Так проявил себя препарат при черенковании, обогатив вегетативное размножение новым, верным, простым приемом, и, понятно, был охотно принят не только цитрусоводами, но лесоводами и цветоводами: сеянцы и саженцы древесных пород, побывав в растворе, обгоняют своих собратьев, дают корешки вдвое — вчетверо гуще контрольных.

Многие помнят широкий по размаху опыт пересадки сорокалетних лип на центральные магистрали и площади Москвы. В этом смелом эксперименте по предложению кандидата биологических наук В. Ф. Верзилова нашли приложение и химические стимуляторы. Перед отправкой в столицу коротко обстриженные корни деревьев смазывались пастой, содержащей ничтожные примеси препарата. На другой день каждое дерево вместе с минеральной подкормкой получало дополнительную порцию раствора.

Результаты не составляют секрета: москвичи знают, что все пересаженные липы, за редчайшим исключением, принялись. Пучки молодых корешков, как показала проверка, в несколько раз превосходили те, которые не подвергались обработке.

Воздействие искусственных препаратов не ограничивается «подвальным этажом» — корнями растений.

Существует множество сортов помидоров, и число их ежегодно возрастает, особенно таких, которые дают хороший урожай. А нельзя ли увеличить плодоношение с помощью химии?

Здесь на сцену снова выступают синтетические препараты. В теплицах, где выращивают помидоры, значительная часть цветков опадает. А раз цветок облетел,— значит, плода не будет.

Препарат положил конец этому явлению. Цветки после опрыскивания перестали осыпаться, в то время как на контрольном участке они продолжали опадать. На кистях сохранились почти все завязи, которые энергично развивались, налились соками и созрели на две недели раньше срока.

Эти плоды, поспевшие гораздо скорее, оказались крупнее, сочнее, вкуснее обычных; в них, как показали исследования, больше питательных веществ и почти всегда отсутствуют семена. Проверка препарата на томатах в открытом грунте также оказалась успешной, эффективность его неоспорима.

Почему происходит это «чудо»? Увеличился приток питательных веществ к цветкам, опрыснутым препаратом — защитная реакция,— вследствие чего завязи не облетели, остались на месте и плоды сформировались быстрее.

Сколько надо израсходовать чудесного порошка на гектар, чтобы ни один из 25 тысяч кустов помидоров в среднем с 8 кистями на каждом не остался обойденным? Сущие пустяки: каких-нибудь два — десять граммов, растворенных в двухстах литрах воды.

Следует отметить очень характерное обстоятельство. В тех случаях, когда строго, в полном объеме, не соблюдаются все правила агротехники, препарат не дает положительного результата. Если бы на самом деле он был пресловутой «пищей богов», то растения, конечно, кроме него, ни в чем бы больше не нуждались.

Синтетические стимуляторы, повышающие урожайность томатов, всесторонне изученные профессором Ю. В. Ракитиным и научным сотрудником его лаборатории А. В. Крыловым, внедряются в практику, их применяют совхозы и колхозы многих областей страны, к ним прибегают мичуринцы.

Помидоры не единственная культура, на которую благотворно влияет препарат. Делаются попытки выращивать и другие бессеменные овощи. Удалось получить даже арбузы, лишенные семечек: под темнозеленой оболочкой находится только сочная мякоть.

На этом черты сходства искусственных препаратов с естественными кончаются. Вещества, названные было ростовыми, внезапно превращаются в свою противоположность. Те же самые вещества, только что действовавшие словно живительная роса, теряют свои бодрящие качества. Все зависит от дозы: достаточно несколько изменить ее, чтобы препарат обернулся сонным зельем.

Тот, кто посещал яблоневый или грушевый сад ранней осенью, когда ветви сгибаются под тяжестью еще незрелых плодов, наверно, замечал, как с дерева падают неспелые плоды, нередко сбивающие на своем пути и другие.

На свалившихся плодах остаются вмятины, следы ушиба, царапины. Они быстро портятся, их приходится выбраковывать. Некоторые сорта особенно подвержены падалице; дерево роняет иногда до трети своих плодов.

Предотвратить этот недуг фруктовых деревьев до недавнего времени считалось невозможным. Как удержать плод? Ведь его не привяжешь!

«Привязать», оказывается, можно. Раствор того же препарата, только иной насыщенности, способен сохранить плоды на деревьях. Им опрыскивают деревья за 10—15 дней до начала уборки, и яблоки и груши покорно дозревают на ветках, словно ждут прихода сборщика с корзиной.

Из плодового сада в осеннем наряде мысленно перенесемся в склады, где в темных, прохладных отсеках хранится продовольственный картофель. Вот за стенами повеяло весной, потеплело, и клубни пробуждаются от зимнего покоя: начинают вытягиваться бледные ростки. Клубни теряют отложенные про запас вещества и влагу, убывают в весе.

Остановить прорастание дорого, трудно и не всегда удается. Не поможет ли здесь препарат? Оказывается, помогает. Если его разбавить порошком-наполнителем и тончайшим слоем покрыть клубни, то они не выходят из оцепенения до нового урожая. Где бы ни находился картофель: в буртах или подвалах, в траншеях или ямах,— порошок действует безотказно, клубни сохраняются в хорошем состоянии.

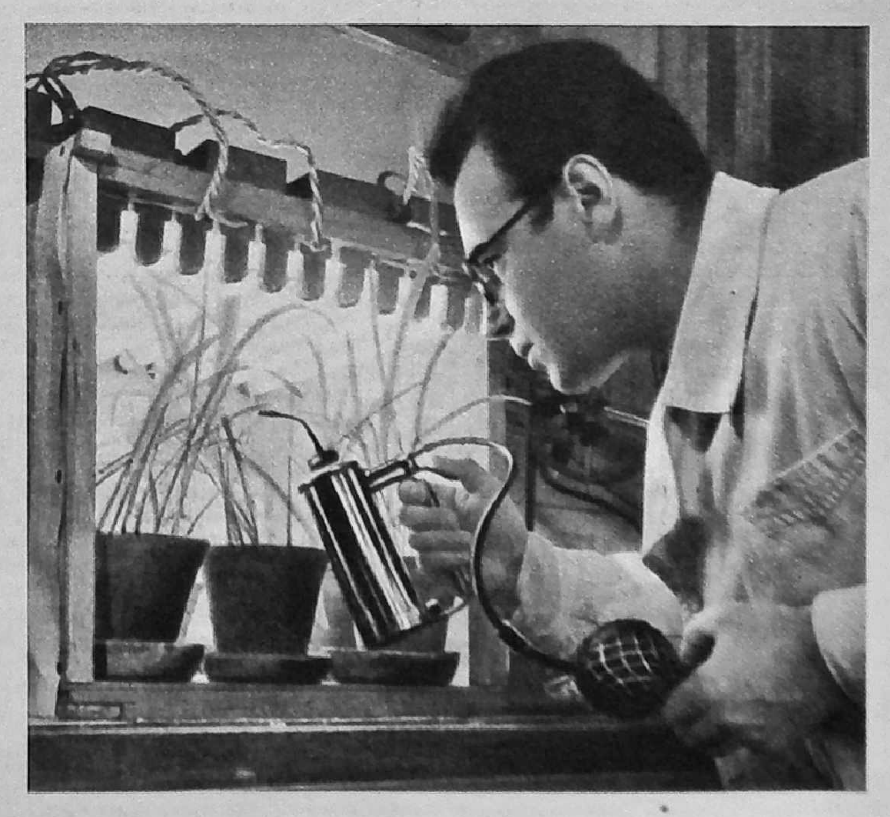
В тех районах, где бывают поздние весенние заморозки, препарат позволяет «отложить» раскрытие почек на фруктовых деревьях. Цветение по воле человека отодвигается и наступает в ту пору, когда опасность миновала.

Здесь препарат оказался замедлителем. Он затормозил опадение плодов, прорастание клубней, набухание почек. И как только организм растения справится с его влиянием, рост возобновляется.

Наконец, еще один важный признак присущ искусственному препарату. Речь идет о гербицидных, отравляющих растения свойствах тех же самых синтетических веществ, почитаемых на Западе ростовыми.

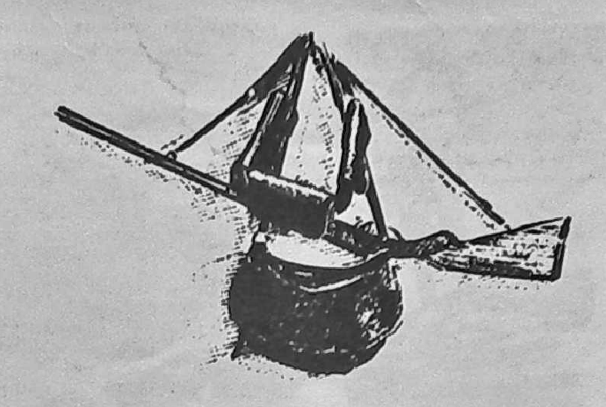
Если взять не два грамма препарата на гектар, как для помидоров, а в десятки раз больше и с самолета опылить им засеянное зерновыми злаками поле, ставшее добычей широколистых сорняков, вроде сурепки, то сорняки погибнут, а пшеница останется неповрежденной, словно кто-то аккуратно вырвал сорную траву. Отсюда и название — химическая прополка. С каждым годом она все шире применяется в борьбе с сорняками.

Раскрытие механизма действия синтетических препаратов позволило коллективу лаборатории Института физиологии растений разработать методы их применения в различных отраслях сельского хозяйства. Ныне эти методы выходят из лаборатории в жизнь.

Профессор Ю. В. Ракитин опрыскивает препаратом юные растения.
Фото Е. Умнова.

ОХОТНИЧЬИ СТРАНИЧКИ

Владимир **ФОМЕНКО**

Рисунки П. Караченцова.

ПРИЗЫВНЫЙ ЗУД

Замечательно даже самое слово «охота»!.. Так и пахнет от него крепкой, промерзшей землей, физически ощутишь в сжатой ладони шейку ружья, спусковую скобу под пальцем, будто увидишь вдруг шагах в сорока блеснувшую рыжиной спину лисицы... Куда девалась усталость от пройденных километров в тот миг, в сотую секунды, когда, перехватив дыхание, ведешь ленту стволов чуть впереди замелькавшей в бурьянах лисицы!..

Эх, не объяснишь это человеку, не знающему, что такое грохнувший из вскинутого ружья выстрел, что значит не только стрелять по зверю, но и готовиться, собираться на охоту, когда после работы, ночью, торопливо набиваешь патроны, подписываешь на пыжах номера дроби и уже сейчас переживаешь то, что случится завтра в поле!

Тех, кто знает это, отличишь из сотни других.

Вот в обед над тракторным станом виднеется в небе вереница перелетных птиц. Никто из трактористов не обращает внимания, а у одного ложка с горячим борщом остановилась у рта, внимательные глаза устремлены кверху.

— На воду, в Зеленково займище идет утка,— вздыхает тракторист.

Идет эта утка едва приметными в голубизне точками, а тракторист с остановленной у рта ложкой безошибочно решает:

— Материковая, крыжень.

Нарочно проследи потом, как быстро прошагает этот человек к трактору, как, ухватясь обеими руками, напружинившись, лихо провернет мотор, сядет,— и в любом ухватистом движении сразу определишь охотника.

По точным, ловким движениям, по манере определишь охотника и в полеводческих, садовых бригадах, и на элеваторе, и в правлениях колхозов.

Узнаешь охотника даже в огромной базарной толпе, шумно снующей между рядами грузовиков и распряженных бричек, выстроившихся на станичной площади. Энергично торгуются, громко говорят люди.

В людском потоке — супружеская пара. Муж по-семейному несет корзину и мешок, продирается в толпе за молодой женой, следует за ней шаг в шаг. Но вдруг видит он в стороне мужчин, разглядывающих ружье.

— Аня! — толкает он жену, и на лице его нет уже семейной солидности, а лишь азарт и беспокойное нетерпение.— Анечка, постой тут, я ружье гляну!

— Куда ты? Стой!

— Я, понимаешь, так... Сейчас...— И, оставляя жену, бежит к мужчинам, разглядывающим двустволку.

Это охотник.

ЧЕЛОВЕК С ХАРАКТЕРОМ

Многие думают, что охотиться — это все равно, что стрелять в тире: в новом костюме, желтых полуботинках и галстуке стоять среди девушек и друзей и, победно оглянувшись на них, облокотиться на стойку и не спеша целить в нарисованное яблочко.

На охоте не так. Там, прежде чем вскинуть ружье в угон зверю, многое должен уметь охотник.

И на велосипеде он должен ездить по кочкам и рытвинам, везя за спиной ружье, мешок с болотными сапогами, продуктами, плащом да еще усадив на раму безвелосипедного товарища, примостив на багажнике фанерный ящик с подсадными утками, непрерывно крякающими всю дорогу.

И грести он должен уметь и отталкиваться от дна шестом, стоя на корме верткой каечки, продирающейся сквозь камыши. И плавать нужно отлично и ходить...

Не каждый ведь умеет ходить, а это — великое дело, наука! Это не по улице пройти, а дня три подряд, скажем, прошагать. Дорога неровная: терновые балки, яры,— за плечами тяжелый рюкзак, ружье наперевес — каждую секунду наизготовке. И идти ведь, чтобы дичь не распугать, надо по всем правилам: легко, не цепляя коленом кустов, не ломая хрусткие веток, не волочить ноги, а все дни от темна до темна держаться бодренько, орлом! А потом, после всего этого, возвращаться домой ночью, в гололед, километров за тридцать...

Конечно, не просто это дается. Надо выработать характер. Без характера пропадешь. Приходится ведь и плавать в одежде в ледяной воде рядом с просмоленным скользким днищем перевернутой кайки; а летом, бывает, так накусают комары, что живого места не останется — и через гимнастерку жгут и под фуражкой, глаза, уши забивают, да все злые, смелые! Сидишь в засаде в камыше, комаров миллионы, а утки ни одной. Хоть бы посмотреть на утку, может, легче бы терпеть!.. Осенью, случается, так намокнешь под меленьким дождем, что уже не пытаешься и укрыться. Зимой, бывает, едва оттрешь снегом и шерстяной рукавицей побелевшие скулы.

Может быть, кого и отпугнешь этими подробностями... Но тех, кто боится трудного, жалеть нечего. Пусть сидят дома! А в поле нужно быть своим человеком: ничего не страшись, огонь разожги на ветру из сырого бурьяна и среди ночи в незнакомом месте ориентируйся.

Недаром в армии особенно уважают этот охотничий народ. Помню строй новобранцев, я в строю, перед нами высокий человек с двумя кубиками на петлицах — командир взвода.

— Есть,— спрашивает,— комсомольцы? Хорошо! А охотники среди вас есть? Оч-чень хорошо! — И, довольный, поворачивается к комбату: — Вот они, наши «глаза и уши»,— готовые разведчики.

Самый раз охотнику в разведчики. Хорошо — в снайперы. Хорошо по своей выправке, по ловкости — в кавалеристы. Везде ко двору эти ухватистые хлопцы.

Безусловно, трудное дело — выработаться в ухватистого.

...Зима, равнина, на горизонте столбы высоковольтной линии — и группа охотников за много километров от дома. С ними паренек. Ему повезло: два крупных зайца-русака — каждый с приличную собаку — висят спинами вниз, привязанные за передние и задние ноги к бечевке, перекинутой через плечо. Смотришь — и знаешь, как занемело у паренька плечо, знаешь, что от долгой ходьбы перед глазами у него круги оранжевые и зеленые. Представляешь и мысли юного охотника:

«Сил нет — так режет бечевка. Ух, проклятые, и тяжелые же зайцы!.. Еще б раз поубивал их к чорту! Сел бы тут в снег, вытянул бы задубевшие ноги!»

Но и думать нельзя, чтоб сплоховать перед старшим. И паренек, изображая на вспотевшем лице терпеливое мужество, шагает впереди и даже пытается изредка посвистывать — вытягивать в дудочку непослушные на морозе губы... Этот будет охотником!

В поле нужен человек неунывающий, с твердым, обязательно веселым характером. Чтобы, даже возвращаясь пустым (и такое бывает — ведь не на рынок ходил!), не охал, раздражая товарищей, не причитал бы нудно, что, мол, последний раз ввязался...

Так не годится. Надо и в пути быть крепким и быть готовым к тому, что дома будет посмеиваться вся семья. Для того, чтобы обезоружить насмешников, нужно самому по приходе держаться весело. На вопрос: «Сколько убил?» — надо ответить: «Убил двое суток и шестьдесят километров». И, отвечая, обязательно улыбнуться, хоть, может, улыбаться совсем не хочется. А когда спросят: «Опять пойдешь?» — ответить: «Нет, теперь уж до выходного, должно быть, не пойду».

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

Встреча первая

Знал я председателей райисполкомов, которые, принимая в аппарат нового человека и узнав, что он охотник, дают распоряжение притормозить прием.

Недавно я дословно записал разговор заведующего райздравом с молодым врачом:

— Несолидно это, товарищ Сидорчук. У вас и секретарь райкома бывает на приеме и все бюро, а вы в воскресенье с ружьем, с котомкой через весь хутор... Все ж видят! Подрыв авторитета. Хоть бы в семью что приносили, а то ведь одну какую-нибудь перепелку. А день ухлопали. Лучше б новую книгу почитали, повысили уровень!

Нужно повышать уровень, читать книги. Мы убежденные книголюбы. Но стоит ли прорабатывать Сидорчука за то, что любит он великую книгу природы? Хорошо, что он не послушает своего зава. Зав пойдет домой, обстоятельно, по-воскресному позавтракает и приляжет на диванчик с газетой. Сидорчуку придется прочитать завтра сразу две газеты, но зато сегодня пойдет он по весенней степи и сколько там увидит!

Дорогой набредет на государственную ветрозаградительную полосу, занесенную тающим снегом. Полоса широка, как поднятое с осени зяблевое поле. Начинается она где-то за горизонтом и, пересекая собой всю равнину, уходит за другую, противоположную сторону горизонта... Наверняка остановится Сидорчук, нагнется к деревцам, каждое из которых в полторы четверти высотой, и, сняв перчатку, потрогает их пальцами.

Валентин Сидорчук, двадцатипятилетний врач, человек местный, колхозник, окончил в этом году мединститут, получил направление в свой хутор Поповку. Всегда вокруг Поповки тянулись безводные, местами солонцовые, голые равнины. На них самым высоким растением была кукуруза, а на непаханых местах — верблюжьи колючки и татарник.

Сейчас, щупая еще не пахнущие, еще зимние, остренькие почки, Сидорчук, должно быть, подмигнет своему псу, присевшему рядом, ткнет его в нос перчаткой:

— Видал, брат, деревья? То-то! А ты говоришь...

Встреча вторая

Летом, на редкость раскаленным, знойным днем, проходил я через пыльную, нагретую солнцем греблю. Три года назад колхоз имени Чкалова своими силами насыпал эту греблю поперек степной балки. За две весны заполнилась балка талой водой, за два лета поросла у берегов неизвестно откуда появившимся камышиком, остролистом, чаканом — и вот готово озеро. Уже рябит на ветру поверхность, уже «турчат» лягушки возле исхоженного коровами берега.

К воде подъехала запряженная быками арба. Мальчишки-возчики завели быков в воду

по колено, быки начали пить, а мальчишки, сбросив штаны, здесь же, около их морд, нырнули в воду.

— Ребята! Рыба тут есть?

— Есть! Сюда сазанов запускали. Дядя, знаете, какого мы тут видали зверя? Ножки коротенькие, крепкие, сам пушистый!

— Где ж он был?

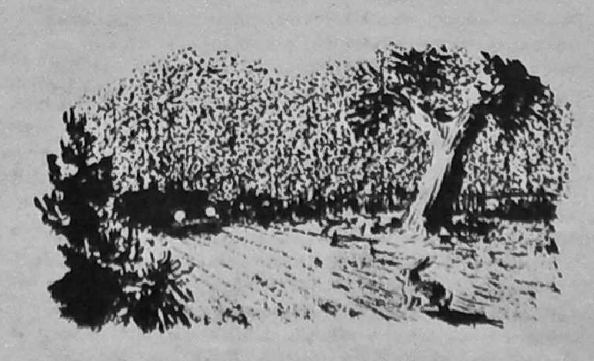
— А вон, вверх по балке, километра за три. Туда маленькая вода подходит, камыш там, терновник — не пролезть. И второй был, только за кустами... А первый близко — ни собака, ни лисица... Цвета темного, в крапочку!

Глаза у мальчишек округленные, из их рассказа понятно: это завезенные сюда из Уссурийского края еноты — новое богатство в животном мире области.

Встреча третья

Километрах в пятнадцати от Ростова ночью кончился у нас бензин. Сзади виднелись фары машины, и мы с товарищем стали поперек шоссе. Автомобиль «ГАЗ-67» приостановился. Показалось полное лицо сидящего рядом с шофером хозяина, мелькнула в кузове груда окровавленных серых шкурок, и «газик», взяв в сторону, почти задев товарища, рванулся вперед и ушел.

Хозяин был «автомобильным стрелком», какие развелись у нас последнее время. Много выпускает теперь государство автомобилей, и среди владельцев «персональных машин» появились далекие от физкультуры и природы, близкие к преступникам стрелки. Стреляют они ночью и, как правило, до открытия охоты, когда зверь непуганый, ручной. Шоферу выписывается путевка в такой-то район, и начальник едет браконьерствовать за город.

Удобно усевшись, покуривая, этот «охотник» оглядывает освещенную фарами полосу ночного озимого поля. Когда в полосе появляется ослепленный заяц, начальник вынимает изо рта папироску и, не поднимаясь с подушки, целится. Выстрелив, он даже не вылезает из кабинки. За него выскакивает шофер, поднимает зайца, убитого в десяти шагах от радиатора.

Супруга такого мясника, вместе с мужем угощая на другой день зайчатиной восхищенных гостей, щебечет:

— Мой Ваня, скажу прямо, чудесно стреляет. Ему ведь при его работе необходимо хоть изредка отдыхать.

Встреча четвертая

Зимой перед вечером человек тридцать школьников в валенках, кожушках и капелюхах возвращались из степи домой, в станицу. С ними шагал по снегу мой знакомый охотник — учитель Андроник Григорьевич Живов.

— Откуда, Андрюша? Здравствуй!

Он отправил вперед детвору, остановился:

— Ходил, понимаешь, прошлое воскресенье по зайцу. Набрел там на стройку, на оросительный канал. Ну, и решил сегодня показать ребятам. Методика!.. Вот, мол, как государство преобразует природу. А вы что? Государство — воду садам, а вы садам — короеда? Опять птичьи гнезда будете разорять в апреле?

— До апреля далеко — у них пропадет впечатление.

— Пропадет — еще поведу. А сейчас подкрутил их, чтоб делали скворешни, дуплянки. Видишь, во-он пошел крайний справа — Леня Петренко? Ох, и хорошо делает скворешни!

— Андроник, а при чем все же скворешни! Ты ж математик.

— Ну и что ж! Понимаешь, толковые из ребят выйдут краеведы. Я их по одному, по два таскаю на охоту. Пусть по земле пошагают своими ногами!.. А?

* * *

Думается, что начальник Валентина Сидорчука не ошибся бы, если бы хоть в месяц раз не оставался дома на диванчике после воскресного завтрака, а еще лучше после субботнего ужина. Прямо с вечера, при луне пошел бы он с ружьем или поехал бы в кузове попутной трехтонки. Не помешали бы повышению уровня встречи, знакомства с людьми и природой пока еще скуповатого, но уже быстро меняющегося района.

С АВГУСТА ДО ЯНВАРЯ

В любом сезоне много замечательного. Не поймешь, какой лучше.

Вот в конце августа приехал ты к берегу лимана. Над тобой небо, впереди — водная гладь, пахнущая теплой сыростью, разрезанным арбузом...

Солнце еще высоко. Неторопливо кладешь в кусты велосипед, становишься в заросли, шалашом пригибаешь над головой сочные, в два человеческих роста камышины. Все готово. Пальцы сами зачем-то ощупывают патронташ, и стоишь, не шелохнешься.

Водяная живность, вспугнутая вначале, через несколько минут уже появляется отовсюду. На той стороне лимана выходит цапля. Вытягивает шею, замирает и опасливо начинает вышагивать по воде, всякий раз поджимая ногу. В зарослях, возле самого лица, закопошились остроносенькие, с охристыми грудками, вертлявые птички-камышовки. Совсем близко от твоих резиновых сапог всплыла стайка прозрачных мальков, сазан что-то склюнул возле чакана, пустил по воде круг.

Ждешь. Скоро начнется... Чуть бы снизилось солнце... Уже начала «мотаться» утка, но вся стороной. Одна, другая в голубом небе цепочка, и вдруг прямо из-за спины садится на воду, высоко взбрасывает брызги селезень-сви-

язь. Крутобокий, бурый, с белыми отчетливыми зеркалами на крыльях, он плывет за камышом, а над ним с лёту разворачивается в высоте плотная стая, близится, идет на тебя!..

* * *

Или осень! Непроезжие, непролазные в распутицу южные наши проселочные дороги. В осколках луж насквозь промокший, маслянистый, до невозможности цепкий чернозем. Ноябрь: ложка воды — воз грязи.

Ты еще не на охоте, еще только идешь туда, с трудом вытаскиваешь один за другим чавкающие сапоги. Навстречу дед — со стороны тех озерков, куда ты направляешься. Он в очках, в брезентовой куртке.

— Дедушка, — спрашиваешь его, — казарок не видал на озерках?

Дед останавливается:

— Казарок? О-го!.. Там, товарищ, сколько живу, никогда столько не было. Сила! Летят и летят, с самой ночи орут, чисто, як на базу. И летят, черти, низко. Ну, прямо шапку с головы сбивают.

— Низко? — переспрашиваешь деда, чувствуя захлестывающий тебя призывный зуд.

— Низко, — кивает он. — Патронов-то много начинил?

— Тридцать четыре...

— Да ты что?! Там две сотни враз выпалишь.

И уже не можешь стоять. Скорей бы на озерки, до места! Даешь закурить старику, отдал бы всю пачку. И все кажется тебе в этом забрызганном по пояс старике милым, удивительно приятным, даже его куртка и ничем не примечательные очки.

* * *

А январь!.. Жалуются колхозные сторожа, что «повадился заяц» в сады, обгладывает, проклятый, кору фруктовых деревьев.

И вот ты за хутором. Мороз лютый. В стороне от тракторной бригады, от птицефермы виднеется на снегу неглубокий лисий нарыск и пропадает на укатанной дороге. В валенках, в стеганых штанах и фуфайке идешь степью. Жалит сухой мороз, пробирает под стеганкой, и, чтоб согреться, широко шагаешь, закинув за спину ружьишко; распрямясь, дышишь в полную грудь морозом, и, кажется, входит в твои легкие вся открытая до горизонта, чистая степь.

Хорошо так идти! С каждым вздохом наполняешь силой свои ноги и плечи, и не страшен, по-особому хорош уже этот крепкий мороз!

На гладком снегу пестрят следы зайца. Два широких и длинных от заросших понизу плотным мехом задних ног и перед ними, точно крапки на снегу, — от передних. Дурак-дурак, а хитрый! Такая масса следов, будто топталось ночью целое стадо, а ведь один накрутил, чтоб сбить с толку. Залег сейчас где-нибудь на зяби, в борозде, слился с неровно заснеженной пахотой, повернулся чутким носом на ветер... И вот представляешь уже, как поднимешь его, и еще шире ступаешь, отмахивая на ходу рукой, скрипя валенками по жесткому насту.

Надо перечувствовать эти ожидания, эти разговоры на дорогах и, главное, собственный меткий выстрел — такой, что только крякнет от зависти сосед, только шлепнется под ноги тяжелая, «срезанная в воздухе» дрофа, только мелькнет над воронеными стволами отброшенный ветром дымок!..

У КОСТЕРКА

Хороша охота в одиночку, еще лучше с товарищем, «напарником», но особенно интересно ехать коллективом. Все здесь суетно и азартно с самого начала. И споры о том, куда ехать, и подбор опытных стрелков, и беготня за дробью, порохом, и волнения: достанешь ли в МТС полуторку? Но вот все утряслось. Субботнее, послерабочее время. Охотники грузятся в кузов машины; осторожно, как стеклянные, передают друг другу через борт ружья; не глядя, кидают сумки. Набивается в кузов человек пятнадцать. На каждом патронташ, старый плащ, старая, латаная-перелатанная тужурка. На лицах озабоченность. Слышатся слова остающихся:

— Ни пера, ни пуха!

По примете, нельзя благодарить — иначе поездка впустую. Надо ответить: «Иди к черту!» Приметам, конечно, не верят, поэтому к черту не посылают, но и не благодарят...

— Все сели? — высовывается из кабинки шофер и хлопает дверцей. Он включает мотор, дав сигнал, трогает. Все на ходу начинают закуривать, просыпая табак. Оставшиеся машут, наперерез машине выскакивают хуторские собаки. Поехали!..

Сегодня еще не стрелять. Сегодня добраться бы до заветных уголков, а стрелять завтра, с рассвета. За дребезжащими бортами мелькают и мелькают километры осенней предвечерней степи.

На место прибываем уже в глубокой темноте. При свете фар отыскивается полянка. Возле машины, вокруг вспыхнувшего огонька шумно располагается народ, в одну кучу вываливают харчи: вареную картошку, сало, яблоки, селедку — все вместе. Из общей чарки — обычно алюминиевой пробки, отвинченной с фляги, — бережно каждому наливается граммов по сто; и тут-то начинаются те самые «побрехушки», которыми прославились охотники...

— Знаете из Кутоярской МТС комбайнера Васюкова, что получил прошлый год триста пудов пшеницы? — выпив и закусывая раздавленным в дороге помидором, начинает кто-нибудь из пожилых. — Знаете! Охотник заядлый, человек хороший. Так у него теща... До того ехидная, принципиальная, что ужас! Про охоту не может и слышать. Принесет этот Васюков зайца. Час, как убил, а она доказывает: «Заяц тухлый». Или что он на кота похож. Говорит: «Не позволю им пачкать посуду». Человек начинает под выходной набивать патроны, а она уже дочку накручивает: и что у всех людей, как у людей, мужья завтра дома, а твой черт-те куда правится, и что он не доведет тебя до добра, и что хату дробью взорвет...

Ох, и приятно на холодном ночном воздухе, когда веет в лицо и на руки тепло костерка, поговорить в охотничьей компании!.. Рассказчики в таких случаях обязательно придумывают...

Рассказывает очередной «случай», скажем, Петро Борисович Гридякин — председатель степного колхоза-миллионера «Красная заря». Еще сегодня утром давал он приказы членам правления, звонил по телефону в районный центр и в область, посылал телеграммы, подписывал бумаги, и на выбритом сухом его лице было деловитое спокойствие.

А сейчас лицо расплывается в улыбочке, глаза мечтательные, как у мальчишки; в них, в освещенных костром зрачках, довольство и одновременно некоторое опасение: поверят ли? Не перебьют ли вдруг криком: «Э-э-э, Петро Борисович, брешешь! С одного выстрела девять перепелок ты не брал!»

Хоть и говорят: «Не любо — не слушай», — но уж очень критический народ — молодые полеводы, огородники, шоферы. Их не убедит Петр Борисыч тем, что просо у него лучшее в районе, что с этого проса перепелки взлетели в одну линию, как раз, понимаешь, все под выстрел... Не поможет!

А какими терминами запасается здесь неопытный, когда заговорят опытные стрелки! Хороши их рассказы об охотничьих делах, согласно которым молодая птица не просто «начинает летать», а обязательно «поднимается на крыло»; где сосед не «убил двух уток», а обязательно «взял пару утченок»; где осенняя жирная дичь, оказывается, «требует» крупной дроби; где охотничья сука называется «сук», а хорошо натасканная, то есть обученная, дисциплинированная, сука называется «вежливой», опытный заяц — «образованным» или «грамотным». Так и говорится:

— Иду, а он выскакивает и па-ашел зигзагом! Вижу, с высшим образованием... Я его с правого! Он — вбок! А тут второй!

Сгрудившись, слушает народ; кто лежит на боку, кто на животе, подстелив под себя соломы. Костер то стреляет и светло вспыхивает, освещая лица, то опять чадит, и тогда лезет дым в глаза, в нос, заставляет людей отодвигаться дальше. А в темноте низко, стремительно проносятся стороной утки. Невольно с напряжением всматриваешься в темень, хотя ничего, конечно, не видишь. Никогда тут, в сухой степи, не было утки, а года два назад — вместе с каналами, рисоводством и водоемами — появилась.

Черно звездное небо. От налетающих стай явственно посвистывает рассекаемый крыльями воздух; и от этого сжимается в нетерпеливом ожидании, екает сердце. Завтра!.. Скорей бы уж оно!

ОБРАЗ НАШЕЙ РОДИНЫ

(К шестидесятилетию со дня рождения В. В. Мешкова)

Среди советских живописцев, посвятивших свое искусство отображению картин природы любимой Родины, Василий Васильевич Мешков занимает особое место. Шестидесятилетие его жизни и сорокалетие художественной деятельности тепло отмечаются советской общественностью.

Сын известного живописца-передвижника, замечательного педагога В. Н. Мешкова, в доме которого нередко бывали такие художники, как Поленов, Коровин, Левитан и другие, Василий Васильевич рос и развивался в атмосфере искусства. Он рано стал посетителем выставок Товарищества передвижников.

Однажды летом в сообществе своего отца и Левитана, писавших этюды в лесу, мальчик стал пробовать свои силы в живописи масляными красками. Взглянув на его красочный набросок, Левитан заметил: «...Сынишка твой вернее нас тон почувствовал. Пейзажистом будет».

Мешков-отец, мечтавший, что сын его станет историческим живописцем, шутливо ответил Левитану: «Убью, если по пейзажу пойдет». Однако Мешкову-сыну суждено было стать пейзажистом.

Рано поступив в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, В. В. Мешков семнадцатилетним юношей дебютировал на Передвижной выставке видами старых русских городов и с тех пор стал постоянным участником этих выставок.

Его раннее увлечение историей родной страны, народными былинами и сказками, несомненно, оказало свое влияние, определив его путь как русского пейзажиста эпического склада.

В дооктябрьский период искусство В. В. Мешкова по большей части не выходило из пределов этюдной живописи пейзажного и жанрового характера. Особенно любил он писать море в различных его состояниях.

Советские годы принесли расцвет его творчеству. Мешков находит свой индивидуальный стиль, свой круг излюбленной тематики и становится одним из ведущих мастеров советской пейзажной живописи. Начало было положено циклом его картин Сибири, где Мешкова покорили необъятные пространства и величаво-торжественные массивы лесов, где он увидал живое образное воплощение задуманной им многочастной живописной поэмы о родной земле. Замысел требовал соответствующего по масштабу выполнения.

Художник понял, что красоту сибирской земли не удастся передать в небольших полотнах. Глубоко продуманная картина должна родиться в итоге длительных наблюдений над жизнью природы, изучения ее характерных состояний, создания множества предварительных этюдов.

Его внимание привлекает отливающий тысячью оттенков жемчужно-серебристый колорит серых дней русской северной природы — тот колорит, что сейчас называем мы «мешковским». Именно в суровых серых днях, в задумчивых красках осени художник сумел найти выражение того величественного волнения, подъема чувств, которые русский человек испытывает в бескрайних пространствах многообразной природы нашей великой страны.

Характерной особенностью первых же произведений В. В. Мешкова является их динамичность, с большой силой проявляющая себя в трактовке облачного неба, в контрастных красках лесных пейзажей, в исключительной материальной плотности его живописи. Эти качества его живописного стиля придают его картинам убеждающую, как бы осязательную силу реалистической правды.

И все-таки произведениям Мешкова, созданным до Отечественной войны, не хватало той всепокоряющей типичности, до которой поднялся художник в последнее время. Годами накопленный творческий и жизненный опыт, редкое трудолюбие, неустанные путешествия по родной стране, не поверхностное, а глубокое изучение ее природы позволяют Мешкову создавать одну за другой пейзажные картины, которые входят в золотой фонд русского искусства. И если попытаться суммарно охарактеризовать их основные достоинства, то следует сказать, что в таких картинах Мешкова, как «На Оке» и «Осенний прибой» (1947), «Сталинским стройкам» или «Просторы Камы» (1950), художник воплощает многогранный образ нашей Родины, образ, насыщенный новым отношением советского человека к своей земле. Мешкова влечет избранная им неисчерпаемая тема, он прославляет мощь русской земли, его картины глубоко эпичны. Если искать литературные сравнения, то слово «сказ» как нельзя лучше отражает самую манеру Мешкова. «Сказ об Урале» — называется одно из лучших творений художника. В нем рассказал автор о величавом, суровом, седом Урале, таящем в себе несметные богатства. Эта картина в равной степени вызывает гордость за красоту русского края и за талант русского живописца, сумевшего так страстно и правдиво раскрыть эту красоту.

«Сказ об Урале» написан в 1949 году. Следующий цикл полотен, удостоенный Сталинской премии, посвящен Каме. Подлинно захватывающую сюиту о сильной, могучей реке создал художник.

Вслед за камскими пейзажами последовал новый цикл картин, воспевающих строгую и поэтически чарующую природу нашей озерной и холмистой Карелии.

Но наряду с эпическими полотнами художник умеет быть и нежно-лиричным: писать раннюю и робкую весну, писать нежную зелень мая, дачки и дворики, одетые этой зеленью, или изображать щедрую, пышнобагряную осень, писать море, то бурное, все состоящее из клокочущих волн, то спокойно ластящееся к песчаному берегу.

Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии В. В. Мешков.

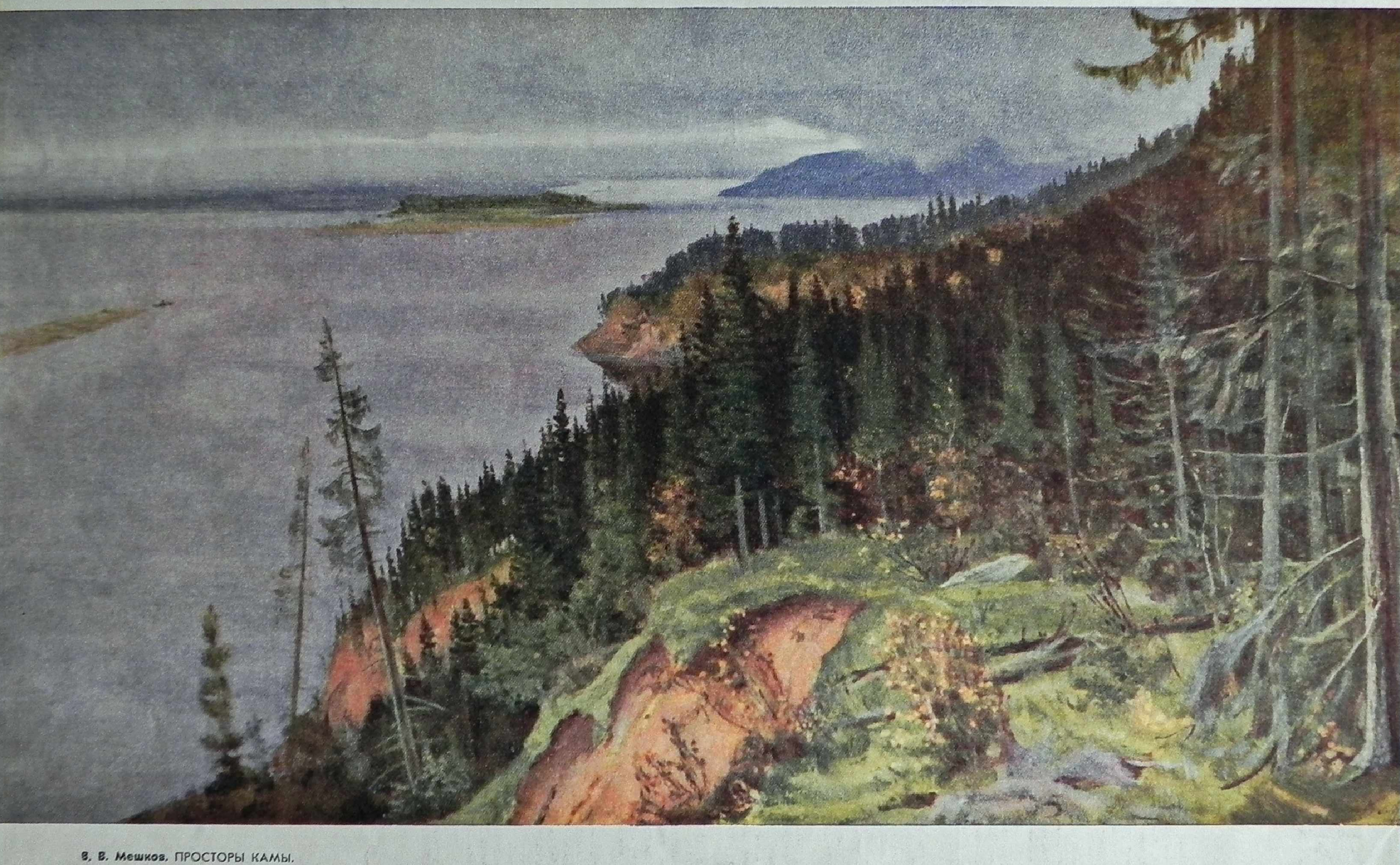
На выставках рядом с картинами художника зритель видит и его многочисленные этюды. Из каждой поездки Мешков привозит десятки, а иногда и сотни натурных набросков на холсте и картоне. Это творческая лаборатория художника — живописные записи его наблюдений. Они лежат в основе его глубоко правдивого искусства.

Замечательный русский живописец Василий Васильевич Мешков более сорока лет провел с кистью в руках. Он пришел к своему юбилею в полном расцвете сил и таланта. Он знает, что его искусство нужно и дорого народу, и это вдохновляет его на труд.

К. Ф. ЮОН,
народный художник СССР.

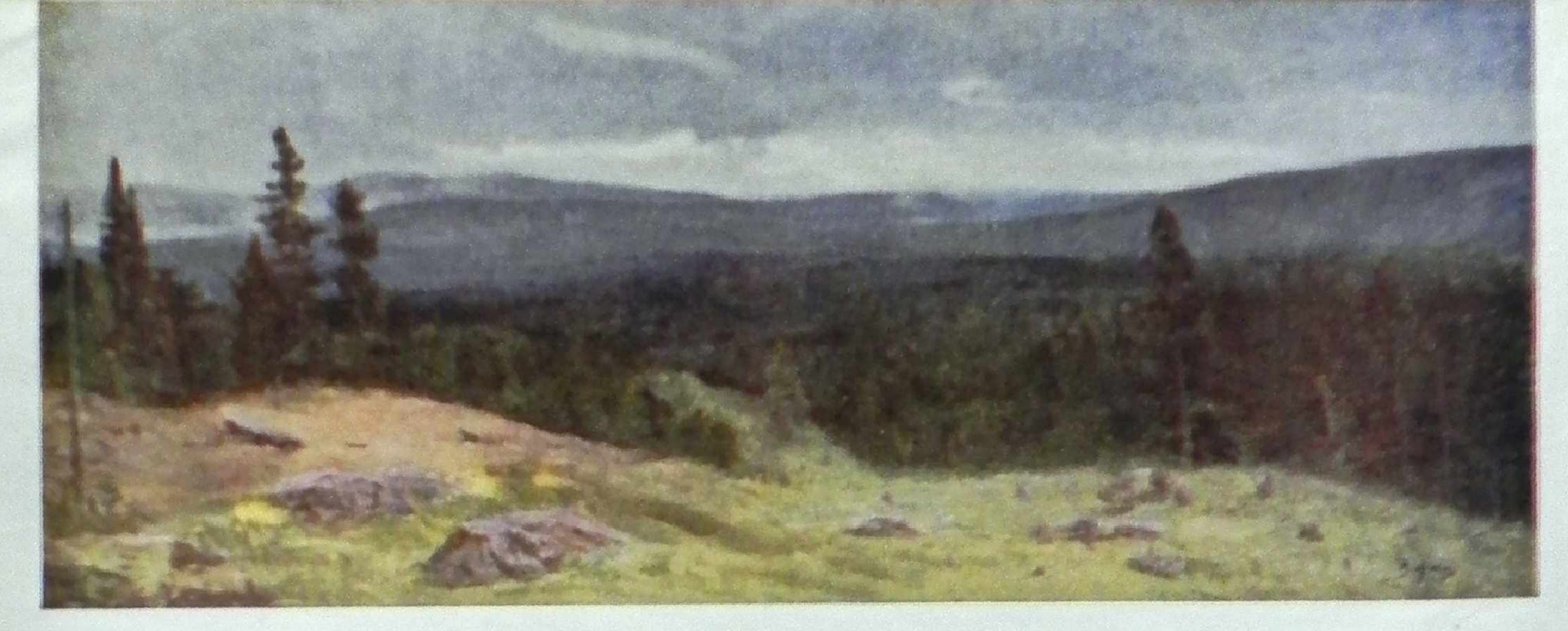

«Сентябрьские холода». Из серии картин «Карелия». 1951 год.

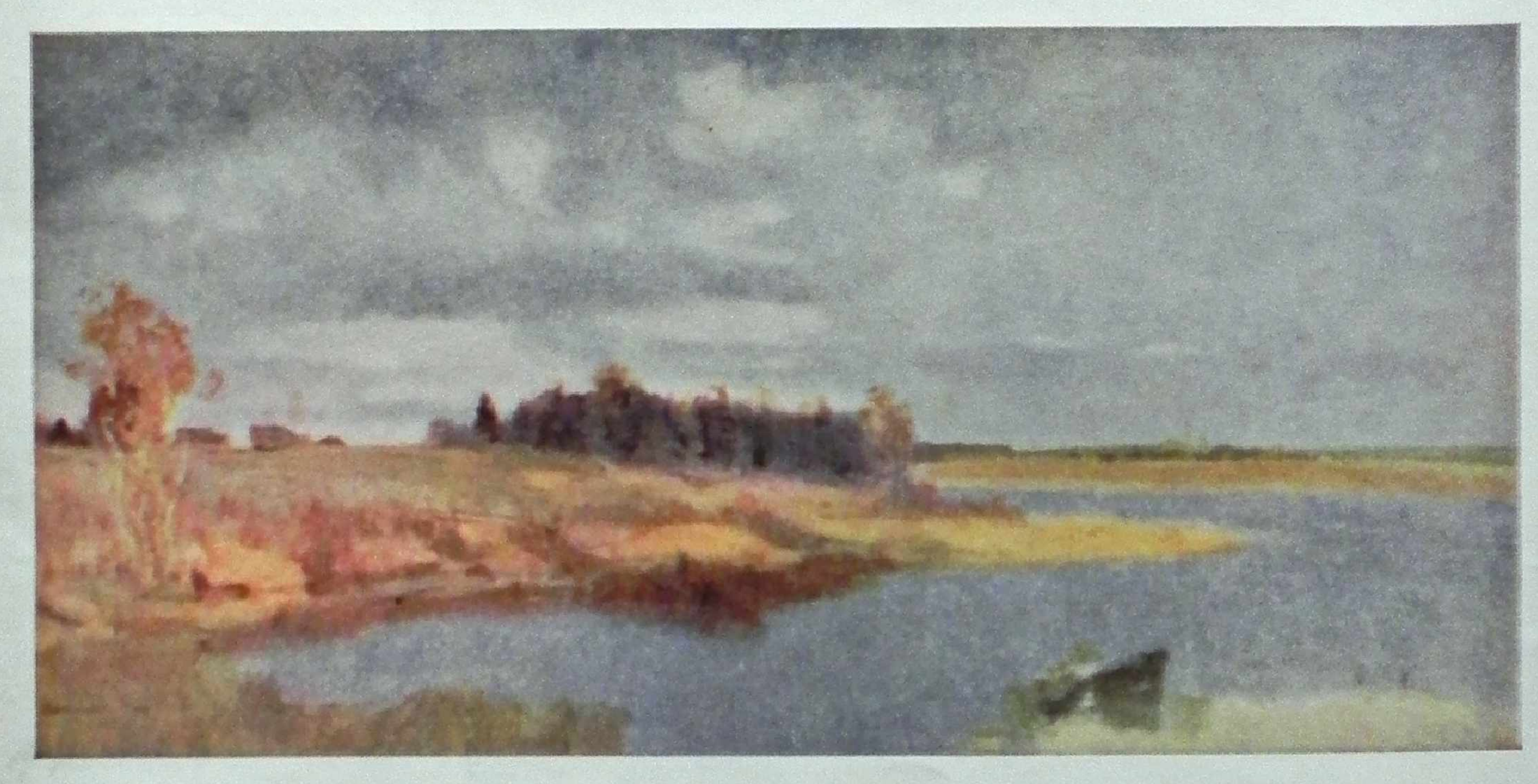

В. В. Мешков. ПРОСТОРЫ КАМЫ.

Государственный Русский музей. Ленинград.

В. В. Мешков. СКАЗ ОБ УРАЛЕ. Государственная Третьяковская галерея.

В. В. Мешков. СЕРЫЙ ДЕНЬ. Государственный Русский музей. **Ленинград.**

В. В. Мешков. ЗОЛОТОЕ ПОДМОСКОВЬЕ. Государственный Русский музей. **Ленинград.**

Король и пекарь

Л. БЕЛОКУРОВ

Грохот опрокидываемой мебели, гулкое эхо подхватывает стук шагов... Три человека бегут по бесконечным лестницам и залам королевского дворца: камергер и маршал преследуют придворного астролога. Страхом и ненавистью искажены их лица.

Собственно, сам астролог не представляет большого интереса ни для действующих лиц, ни для зрителей цветного фильма-сказки «Королевский пекарь»[1]. Но талисман, зажатый в его руке, безусловно, заслуживает внимания. В этом нетрудно убедиться, проникнув вслед за астрологом в покои короля. Здесь в величественном безмолвии застыла фигура глиняного великана, голова его почти упирается в своды дворца. Прикосновение талисмана, миг напряженного ожидания, зловеще вспыхивает пламя в пустых глазницах, клубы дыма окутывают голову гиганта — он оживает.

Так мы знакомимся с главным персонажем нового фильма, созданного по мотивам известной легенды о Големе — фантастическом глиняном существе, обладающем неистощимой энергией. Это могучая, но слепая сила. В зависимости от того, кто будет управлять ею, она может либо осчастливить человечество либо стать орудием его уничтожения.

Сменяются, убивая друг друга, незадачливые повелители Голема, пытаясь использовать его в своих корыстных интересах. «Ты поможешь выиграть величайшую войну, какой не видывал свет! — внушают они великану.— Мы будем бить и жечь, истреблять, уничтожать... Диктовать свою волю всему миру!» И, подчиняясь их приказам, Голем делает первые грозные шаги, сметая все на своем пути.

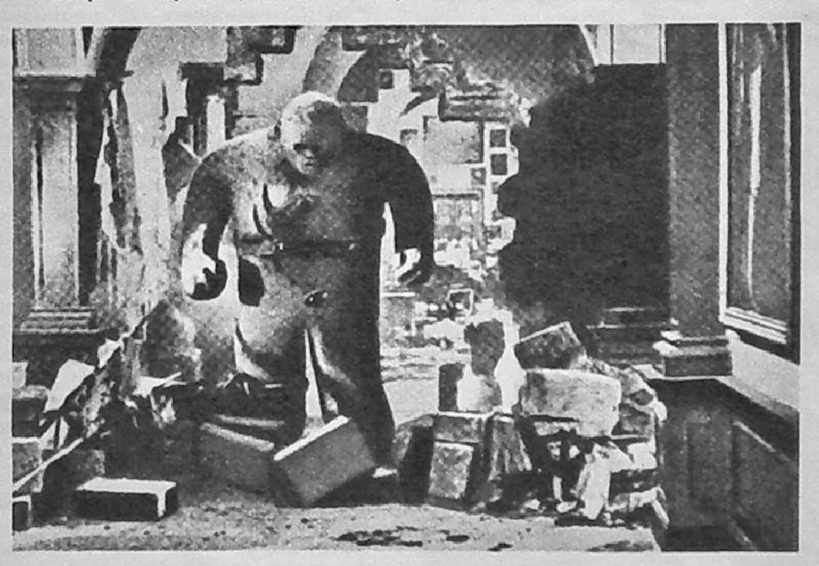
Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы королевский пекарь не призвал на помощь народ для обуздания Голема и если бы грандиозную мощь гиганта не подчинили бы благородной, справедливой цели — служить мирным людям.

Фильм возвращает нас на несколько столетий назад, ко временам правления чешского короля Рудольфа II. Но не уход в прошлое, не интерес к той эпохе с ее своеобразным бытом, пышными костюмами и забавными условностями, не эффектные сюжетные ситуации, возникающие в результате сходства между королем и пекарем, занимают создателей фильма.

Стремление ярко, занимательно откликнуться на события современности — вот что вдохновляет авторов киносказки. Зритель без труда догадывается, что фигура Голема олицетворяет в этом произведении энергию атома. С удовлетворением встречает зритель сцены фильма, разоблачающие тех, кто в наши дни стремится использовать атомную энергию для агрессивных, человеконенавистнических целей.

Встреча короля (слева) и пекаря. Обе роли исполняет Ян Верих.

Глиняный великан Голем делает первые грозные шаги.

— Наука должна помогать народу! — провозглашает пекарь.

Такая идейная направленность обеспечивает успех фильму. Сатирически остро звучат сегодня эпизоды в лаборатории алхимиков, показывающие, в какой тупик заходит наука, оторванная от интересов народа.

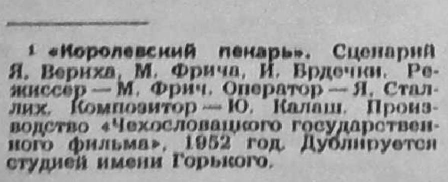
Один из авторов сценария — режиссер фильма лауреат Государственной премии Мартин Фрич — хорошо известен советскому зрителю. Он поставил кинокартины: «Закаленные», посвященную социальной борьбе рабочих во времена капиталистической Чехословакии, и «Западня» — о героизме подпольщиков-коммунистов в дни фашистской оккупации. На этот раз Фрич проявил свой талант в новом и трудном жанре — комедии-сказке, создав реалистическое произведение, пронизанное большой мыслью, тонким юмором, оптимизмом.

Две главные роли — короля и пекаря — исполняет одновременно артист Ян Верих, старейший прогрессивный деятель чехословацкого театра и кино. Пекарь Матей в изображении Вериха — это подлинный представитель народа: в нем сочетаются природная смекалка и жажда знаний, смелость и находчивость, трезвый взгляд на вещи. Но особенно удался артисту образ слабовольного, невежественного короля, живущего в мире лжи и бесплодных фантазий,— марионетки в руках придворных авантюристов. За создание этих двух ролей Я. Вериху была присуждена Государственная премия.

Немало творческих усилий, труда и настойчивости понадобилось нашим киноработникам для того, чтобы герой чехословацкой киносказки заговорили по-русски так же свободно и естественно, как на их родном языке. С этой задачей прекрасно справились Н. Никитина, Р. Плятт, В. Доронин, В. Владиславский и другие актеры под руководством режиссера Х. Локшиной. Особенно сложной была работа артиста О. Абдулова, дублировавшего двойную роль Яна Вериха, который, появляясь то в образе короля, то в образе пекаря, почти не сходит с экрана на протяжении всего фильма. Глубокое изучение внутреннего мира обоих персонажей, «вживание» в эти образы позволили О. Абдулову свободно переключаться с одной роли на другую, а иногда — в тех кадрах, где пекарь и король встречаются,— проделывать это мгновенно.

...Мужчины и женщины, дети и старики окружают усмиренного Голема. «Выбрось раз навсегда из головы смерть и разрушение! — от имени народа обращается к нему пекарь.— Мы хотим работать в мире и покое, и ты нам можешь помочь!» И великан послушно выпекает хлебы.

Так символично заканчивается эта кинокомедия.

[1] «Королевский пекарь». Сценарий Я. Вериха, М. Фрича, И. Брдечки. Режиссер — М. Фрич. Оператор — Я. Сталлих. Композитор — Ю. Калаш. Производство «Чехословацкого государственного фильма», 1952 год. Дублируется студией имени Горького.

ДВА СПЕКТАКЛЯ

Ал. АБРАМОВ

Советский театр — самый правдивый в мире и самый человечный — рассказывает нам о многом, что происходит за рубежами нашей страны, и прежде всего о великой битве народов за мир, за демократию, за право идти своим путем, а не в упряжке американского империализма. И мы восхищаемся мужеством и стойкостью защитников мира и прогресса.

Именно это чувство владеет зрительным залом, когда на сцене идет постановка пьесы прогрессивного французского драматурга Роже Вайяна «Полковник Фостер признает себя виновным».

В Советском Союзе пьеса Вайяна идет во многих театрах страны, в различных национальных республиках, на разных языках. В Москве ее поставил Театр имени Ленинского комсомола (режиссеры — С. В. Гиацинтова и С. Л. Штейн).

Сюжет пьесы не сложен. Это рассказ о том, как американская походная колонна «Соловей», посланная на подкрепление потрепанным частям интервентов на фронте, была остановлена в горах и уничтожена партизанами, а командный пункт «Жасмин» окружен и захвачен.

Городок в Южной Корее в районе военных действий. Командный пункт «Жасмин», расположенный в доме богатого корейского зерноторговца Чен Вон Тэка. На заднем плане, за стеклянной дверью, на фоне гор виден купол буддийского храма. Незнакомое раскидистое дерево. Корея — страна утренней свежести! Таков был ее пейзаж и на Севере, пока американские цивилизованные бандиты не обратили в развалины эти дома и храмы.

Мы знакомимся с ними — с рассудительным полковником Фостером, с белозубым лейтенантом Мак-Алленом, с низколобым солдатом Джо. Последние двое не представляют особого интереса: это стандартный тип американского армейского гангстера, выросшего на виски, мордобое и «комиксах». Вот их духовный, нравственный облик:

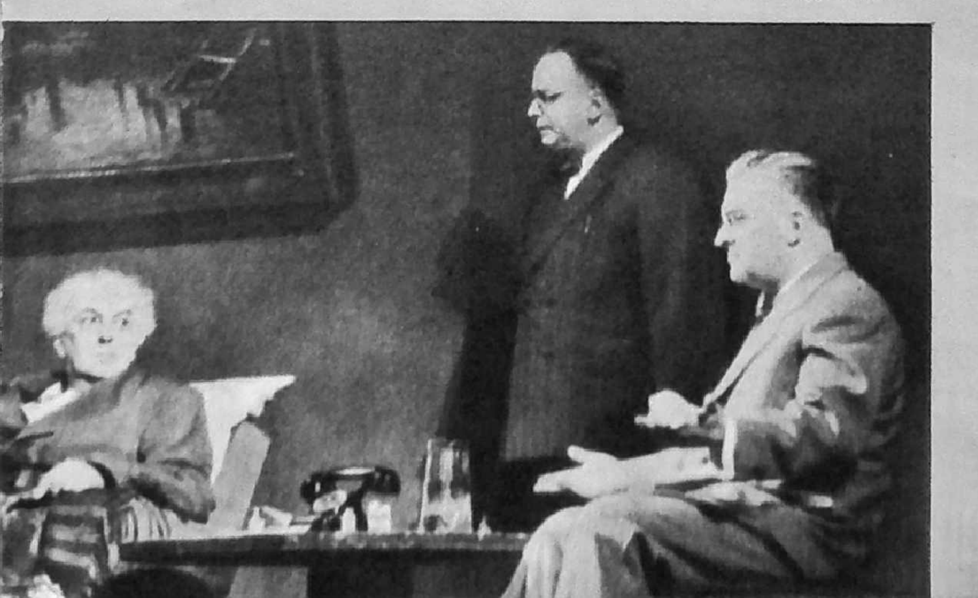
«— Я отдам всю Корею и тридцать восьмую параллель в придачу за бутылку виски!

— Мы молодость Америки!»

«Полковник Фостер признает себя виновным» Роже Вайяна. Постановка Московского государственного театра имени Ленинского комсомола. Финальная сцена.

«Иначе жить нельзя» А. Софронова. Постановка Государственного академического Малого театра. Справа налево: профессор Рейберг (народный артист РСФСР Н. В. Комиссаров), врач Гофман (заслуженный артист РСФСР А. П. Коротков) и инженер Груббе (народный артист РСФСР М. М. Штраух).

Фото А. Гладштейна

Всюду, где проходит эта «молодость Америки», на ее стороне только отбросы общества, эксплуататоры, кровососы. Таков и хозяин дома, связавший свою судьбу с американской интервенцией, банкир и торговец Чен Вон Тэк, предлагающий полковнику Фостеру поголовное истребление жителей города: «Это уменьшит число коммунистов!»

Но дочь его, Чен Пак Сер, удивит вас: воспитанная в американском пансионе девушка, цитирующая стихи древних поэтов, окажется отважной разведчицей, связанной с партизанами. Во всех слоях корейского общества есть патриоты, верные родному народу!

Не все американцы едут в Корею столь же бездумно, как лейтенант Мак-Аллен. Его задача проста: истребить всех коммунистов, выжечь их поля и жилища, а на пепелище установить «добротный» американский порядок, при котором «людям высшей расы» особенно весело и хорошо жить. Но сами инициаторы кровавой войны в Корее, как известно, прикрывают свои преступления флагом Организации Объединенных Наций и разговорами о «защите свободы и демократии». Таков и полковник Фостер. Он глубоко убежден в том, что американская армия и он лично выполняют в Корее «божественную миссию» носителей культуры и цивилизации.

Но когда кругом начинают свистеть партизанские пули, «гуманизм» полковника Фостера мгновенно испаряется. Из-под маски любителя древнегреческих стихов выглядывает такой же циничный хищник, как и Мак-Аллен. Фостер хладнокровно приказывает расстрелять пленного коммуниста и поджечь рабочие кварталы города.

Что такое «гуманизм» Фостера? Это поза лжедемократа, заимствующего свои мысли не из гнусного листка Херста, а из более солидной, но не менее грязной «Нью-Йорк таймс». Он осудит расистское бешенство своих коллег с Юга, но сам лично никогда не поселится в доме, хозяин которого сдал комнату негру. Он всегда готов джентльменски поболтать с коммунистом, но охотно даст показания против него в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Артист А. Пелевин не столько разоблачает этот мерзопакостный ханжеский «гуманизм», сколько попросту отмахивается от него, максимально приближая своего Фостера к Джимми Мак-Аллену. Но и такой Фостер вполне закономерен и убедителен. В содружестве гангстеров, экспортируемых в Корею вместе с пушками, напалмом и ракетными самолетами, Фостер такого образца займет вполне достойное место.

В спектакле много актерских удач. Запомнятся зрителю В. Брагин (Чен Вон Тэк), Л. Марков (лейтенант Мак-Аллен) и особенно А. Козлова (Чен Пак Сер).

Между спектаклем Театра имени Ленинского комсомола и пьесой А. Софронова «Иначе жить нельзя», поставленной на сцене филиала Малого театра, как будто нет ничего общего. Там Корея — здесь демократическая Германия. Там разоблачение американского лжегуманизма — здесь рассказ о строительстве новой жизни, требующей от каждого отдать все силы борьбе за новое, ибо иначе жить нельзя. Различны темы, сюжеты, обстановка, быт.

И все же это спектакли одной мысли. Они говорят лишь о разных участках единой битвы — битвы за мир. Война в Корее — это проба сил американского империализма в подготовке большой войны за мировое господство. К этой войне готовятся и организаторы подрывной, шпионско-террористической работы в странах лагеря социализма и демократии.

«Иначе жить нельзя». Сцена из 4-го действия. Карл Мильце — народный артист РСФСР С. Б. Межинский, Марта Мильце — народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова.

Рассказ об одной из таких диверсий мы и услышим в спектакле филиала Малого театра. Счастливо и дружно живет семья сталевара Карла Мильце. Мильце — коммунист, все годы гитлеровского режима просидевший в концлагере и вышедший оттуда лишь после разгрома германского фашизма победоносными войсками Советской Армии. С этого момента Мильце становится одним из самых активных, самых неутомимых строителей новой, демократической Германии. У себя на заводе это новатор, стремящийся перевести производство на скоростные плавки стали по примеру Советского Союза.

Победа Мильце — еще одна победа народа, победа республики, ростом благосостояния которой крайне обеспокоены ее враги. И вот на завод, где работает Мильце, направляются по директиве американской разведки шпионы и диверсанты с заданием взорвать мартеновскую печь и скомпрометировать новаторское начинание передового сталевара. Один из этих растленных негодяев — сын Мильце, бежавший в свое время в Западную Германию.

О происках и разоблачении подлой агентуры американского империализма и рассказывает спек-

такль. Для старого Мильце эта история по-настоящему трагична: ведь один из диверсантов — его сын. «Он?» — спрашивает Мильце директора завода. «Да», — отвечает тот. Мильце молчит; перед ним словно проходит вся его жизнь за последние годы: концлагерь, освобождение, борьба с новым — теперь американским — фашизмом, покушающимся на новую жизнь Карла Мильце. Нет, не отдаст, не уступит он завоеванного, кто бы ни стал на его пути!

С огромным внутренним напряжением, с глубоким проникновением в образ проводит артист С. Межинский эту сцену, создавая сценический портрет большой эмоциональной силы.

Бдительность патриотов, дружные усилия сплоченного рабочего коллектива помогают разоблачить и обезвредить диверсантов. Но тема возросшей бдительности народа не исчерпывает содержания пьесы А. Софронова. У нее есть и другая очень важная тема — единства сил, единства лагеря мира. Нельзя стоять в стороне от схватки, от интересов народа, от его борьбы за новую жизнь. Нельзя жить так, как живет старый рабочий Шольц, в котором еще не выветрились мещанские, бюргерские пережитки: будет у него собственный домик, хозяйство, хорошая, сытая жизнь,— значит, станет хорошо работать Пауль Шольц, а не будет всего этого — не ждите энтузиазма от Шольца. Нельзя жить так, как живет и Груббе, инженер, на которого ориентируется Шольц в своей житейской «философии». Груббе рассуждает так: «Демократия сама по себе, фашизм сам по себе, а инженер Груббе сам по себе». Но и эти отсталые люди, которых цепко держат в плену пережитки прошлого, не могут в конце концов остаться в стороне от борьбы.

Превосходно доносят эту мысль оба актера — и В. Владиславский (Шольц) и М. Штраух (Груббе). В. Владиславский удивительно колоритен и выразителен: старый хитрец, стреляный воробей, видавший виды и знающий себе цену, — таков его герой. Он уже давно многое осознал и понял, и дело Карла Мильце отнюдь не чужое ему, но он все еще упрямится по-стариковски, украдкой оглядываясь на Груббе. А Груббе тоже упрямится, хотя и ему нужен только толчок извне, чтобы по-настоящему осознать несостоятельность своих жизненных позиций.

Хорошо играют и некоторые другие участники этого спектакля, в особенности Е. Д. Турчанинова в роли Марты Мильце, Н. Комиссаров — профессор Рейберг и А. Коротков — Гофман. Слабее в спектакле молодежь,— драматург и театр не показали по-настоящему молодую Германию. Здесь сказались неровности пьесы, в которой наряду с яркими, полнокровными, превосходно выписанными образами встречаешь и характеры, недостаточно разработанные. Таков, например, директор завода, молодые Мильце, дети Пауля Шольца, юноша Бауэр, служащий в народной полиции. Правда, их немного в пьесе, и они не играют существенной роли в развитии основного замысла драматурга.

А замысел этот раскрыт глубоко, сильно и в пьесе и в спектакле.

Встречи с Рахманиновым

Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения замечательного русского композитора С. В. Рахманинова. О своих встречах с ним рассказывает Елена Фабиановна Гнесина, видный советский музыкальный деятель.

С. В. Рахманинов. 1922 год.

Когда произносится имя Сергея Васильевича Рахманинова, первое, что я вспоминаю, это годы, когда мы с ним сидели за одной партой общеобразовательных классов Московской консерватории. Это было уже очень давно — в 1889—1891 годах. Но поныне отчетливо памятен мне мой скромный, сосредоточенный сосед, тогда еще почти мальчик, сразу обнаруживший яркое дарование пианиста-исполнителя.

Пятнадцатилетним подростком Сергей Рахманинов написал свою первую прелюдию до-диез-минор. Я помню, как он, смущаясь, сел за рояль и впервые сыграл свое собственное сочинение перед небольшой группой товарищей. Ранее мы знали за ним только редкий талант пианиста, проявившийся, впрочем, как известно, еще в четырехлетнем возрасте. Первые опыты самостоятельной композиции юного Рахманинова были нам незнакомы, хотя мы слышали о них. Прелюдия нас поразила: в отличие от обычных юношеских опытов она была совершенно самобытна, обещая в будущем раскрытие огромного композиторского таланта ее автора.

Профессор А. И. Зилоти, у которого занимался Рахманинов, счел возможным отдать в печать это произведение своего ученика. И вот Рахманинов получил в тогдашнем музыкальном издательстве Юргенсона свой первый гонорар — пятнадцать рублей; он был и смущен и горд. А эта первая прелюдия облетела весь мир и стала одним из популярнейших фортепианных произведений.

В 1891 году С. В. Рахманинов окончил консерваторию как пианист. Год спустя, пройдя теорию композиции под руководством С. И. Танеева и А. С. Аренского, юноша представил в качестве экзаменационной работы по композиции одноактную оперу «Алеко», написанную им на сюжет пушкинских «Цыган». Еще до завершения этой оперы он у нас дома вдохновенно играл несколько отрывков из нее. Но вот настал знаменательный день экзаменов в консерватории. За столом сидели Сафонов, Танеев, Аренский. Высокий худощавый юноша подошел к роялю, сел и, даже не оглянувшись, начал играть. Лица маститых профессоров осветились радостным волнением. За оперу, столь широко известную ныне, Рахманинову была присуждена Большая золотая медаль. Всем стало ясно, что дарование Сергея Васильевича созрело, что в славную плеяду замечательных русских композиторов вошел еще один достойный собрат.

Драгоценным свойством этого талантливейшего человека было его исключительное трудолюбие. Он создавал новые и новые творения в самых различных музыкальных жанрах. Сразу завоевали себе широкое признание такие его замечательные произведения, как Первый фортепианный концерт, глубокие и ясные лирические романсы «Не пой, красавица, при мне», «Утро», «Дитя! как цветок, ты прекрасна», тончайшие по мысли и настроению прелюдии, элегии, ноктюрны и вальсы, Элегическое трио.

Вдумчивое и сердечное творчество Рахманинова было проникнуто глубоким оптимизмом. Таковы в особенности его кантата «Весна», Виолончельная соната и Второй фортепианный концерт, полный глубокого, сильного, побеждающего все сомнения чувства.

Вслед за славой композитора и пианиста к Рахманинову пришла и слава выдающегося дирижера. Всякое его появление за дирижерским пультом было настоящим праздником музыкального искусства.

В 1904 году композитор принял на себя должность капельмейстера русских опер в московском Большом театре. Когда Рахманинов дирижировал отечественными операми, он полностью раскрывал их музыкальные богатства, отказавшись от укоренившихся рутинерских приемов их исполнения.

В 1910 году приехавший в Россию на гастроли первоклассный лейпцигский дирижер Артур Никиш во время одного из своих концертов небрежно и неудачно продирижировал Второй симфонией Рахманинова. Концерт поэтому имел весьма посредственный успех. Скромный и обычно замкнутый Рахманинов на этот раз решил постоять за себя. Через две недели в концерте Московского филармонического общества, где он должен был выступать, Рахманинов вместо уже объявленных в программе своих произведений — кантаты «Весна» и симфонической фантазии «Утес» — поставил Вторую симфонию и продирижировал ею так, что и сама симфония и ее исполнение вызвали восторг аудитории.

Еще более значительное место в его творчестве заняли поздние его произведения — «Колокола», Третий фортепианный концерт, две фортепианные сонаты, Рапсодия на тему Паганини, замечательная Третья симфония и, наконец, Симфонические танцы.

Замкнутость Рахманинова нередко давала повод к разговорам о его мнимой заносчивости, высокомерии. Но это неверно.

Он совершенно не выносил лести и всегда оставался на редкость скромным.

Талантливых людей он готов был всячески поощрять. Надо сказать, что интуиция в этом смысле у него была удивительная. Помню, что во время одного из своих посещений школы имени Гнесиных Рахманинов прослушал моего восьмилетнего ученика и сразу предсказал ему будущее незаурядного пианиста. Мальчик этот ныне хорошо всем известен. Это пианист Лев Оборин, профессор Московской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Последние годы своей жизни композитор провел вдали от Родины. Однажды во время заграничных гастролей Московского Художественного театра Сергея Васильевича Рахманинова посетила группа артистов этого театра. В этот же вечер к композитору приехал и Федор Иванович Шаляпин, узнавший о посещении дорогих гостей — москвичей.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова рассказывала мне, как взволнован был Сергей Васильевич Рахманинов, когда садился за рояль. С грустью сказал он Шаляпину:

— Федя, пой мне сегодня только русские песни,— и вдруг заплакал.

Мысль о Родине не покидала Рахманинова до последних дней его жизни. Все его произведения, созданные вдали от России, проникнуты тем же живым ощущением души русского человека, тем же тончайшим восприятием русской природы, которая всегда его отличала и которая делает музыку Рахманинова дорогой и нужной советским людям.

Е. Ф. ГНЕСИНА,

профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Замечательные ПОБЕДЫ

К итогам конькобежного сезона

Яков **МЕЛЬНИКОВ**,
заслуженный мастер спорта

Фото А. Бурдукова.

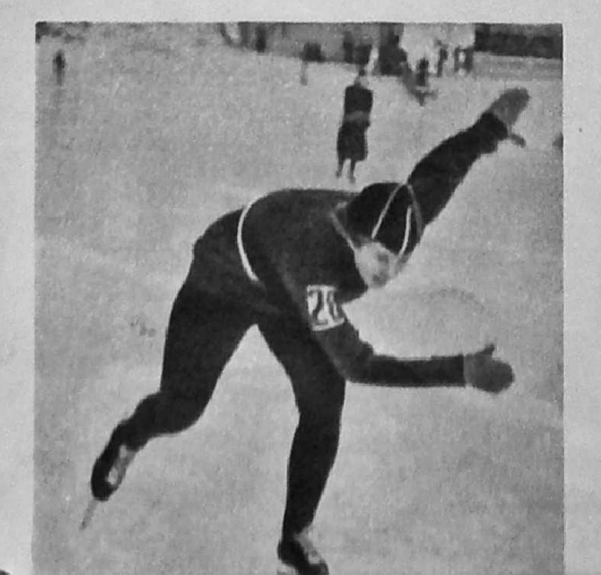

Молодой конькобежец Анатолий Титов (Ленинград).

Конькобежец Валерий Ларионов (московский стадион Юных пионеров).

А. Блажевич, успешно выступавшая на высокогорном катке.

Позади остались морозные дни, опустели катки, кончился зимний спортивный сезон. Хочется оглянуться назад, вспомнить все события сезона, поразмыслить над ними, подытожить наши достижения.

Прошедший сезон был исключительно удачным и по обилию рекордов — от городских до мировых, — и по числу больших, содержательных соревнований, и, наконец, по успехам, в том числе успехам на международной арене.

Уже первые состязания в Свердловске, в которых приняли участие мастера скоростного бега на коньках, показали, что советские конькобежцы находятся в хорошей спортивной форме. Это в равной мере относилось и к мужчинам и к женщинам. Если у мужчин отлично себя зарекомендовали молодые скороходы Борис Шилков и Олег Гончаренко, то у женщин заставили о себе говорить доселе малоизвестные спортсменки Халида Щеголеева и Тамара Рылова.

Соревнования в Свердловске были как бы заявкой на предстоящую в сезоне борьбу.

Мы, специалисты, понимали, что молодежь, которая так серьезно готовилась к сезону и так энергично начала его, доставит немало хлопот опытным и заслуженным мастерам скоростного бега, а также проявит себя с самой лучшей стороны на ответственных встречах.

Так оно и получилось. Уже в середине января, когда Москву посетила команда конькобежцев Швеции, именно молодежь задала тон всему ходу борьбы.

На первой же, самой короткой, дистанции первенствовал Валентин Чайкин, а на остальных Борис Шилков и Олег Гончаренко. Общая победа была присуждена Шилкову.

Эта победа над хорошей шведской командой говорила о многом. Во-первых, бросалось в глаза наше полное превосходство на спринтерских (коротких) дистанциях; во-вторых, результаты, показанные в этих соревнованиях, убедили многих в том, что и на московском льду спортсмены могут проявлять свои способности в полной мере. Наконец, встреча со шведами вселила уверенность, которой не хватало молодым скороходам, никогда не выступавшим на больших международных чемпионатах.

В конце января на высокогорном катке близ Алма-Аты состоялись очередные состязания на первенство Советского Союза и одновременно на приз Совета Министров Казахской ССР. И вновь борьба разгорелась в основном среди молодых скороходов.

Условия высокогорного катка — отличные условия. Этот замечательный уголок в горах Ала-Тау принято называть «фабрикой рекордов». Это правильно лишь отчасти. Мне кажется, что высокогорный каток важен и приметен не столько рекордами, сколько тем, что на его изумительном льду легче, чем где бы то ни было, можно совершенствовать и отрабатывать технику бега. Таким образом, высокогорный каток не только «фабрика рекордов», но и школа мастерства.

Сейчас уже можно с уверенностью сказать, что скороходы, соревновавшиеся на ледяных дорожках высокогорного катка, быстрее и легче бегают в условиях Свердловска, Кирова, Горького, Москвы. Об этом говорят результаты.

В момент розыгрыша первенства Советского Союза острая борьба вновь развернулась между молодыми претендентами на звание абсолютного чемпиона СССР — Борисом Шилковым и Олегом Гончаренко. Ни В. Прошин, ни Ю. Головченко, ни другие не могли оказать серьезного сопротивления большой группе молодых конькобежцев, среди которых, кроме Шилкова и Гончаренко, хорошо себя зарекомендовали В. Чайкин, Д. Сакуненко, Е. Красильников, Б. Цыбин, А. Павлов.

Примерно такая же картина наблюдалась и в соревнованиях женщин. Здесь решительно заявила о себе, как о большом мастере, молодая москвичка Халида Щеголеева. Римме Жуковой пришлось приложить немало стараний, чтобы сохранить за собой почетное звание абсолютной чемпионки.

На высокогорном катке мы увидели даровитых Р. Меньшову, В. Постникову, Т. Рылову, А. Чуркину, В. Бочтареву, А. Блажевич и других.

Розыгрыш первенства страны окончательно убедил нас, что в первые ряды мастеров вышли новые скороходы и что их немало.

После победы Шилкова в соревновании со шведами один из иностранных журналистов заявил:

— Опять победил неизвестный Шилков. Меня это не удивляет. Меня пугает, что этих неизвестных у них очень много...

А «неизвестные» — это наши резервы. Их в последние годы, действительно, стало много. Я убежден, что решающую роль в воспитании молодежи сыграли новые, повышенные нормы для получения звания мастера, введенные несколько лет назад Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта. Но в прошлом году были введены еще более повышенные нормы. И они теперь постепенно становятся «освоенными», «побежденными». Молодежь перевыполняет их. В этом едва ли не самое характерное в развитии нашего конькобежного спорта.

Такое массовое преодоление строгих норм, такое неудержимое движение вперед дали нам основание смело выступать на международной арене.

В этом году, как известно, скороходы Советского Союза приняли участие в розыгрыше первенства мира, который состоялся в феврале в Финляндии. Несмотря на участие в этом интересном состязании сильных спортсменов — голландцев Брокмана и Ван-дер-Воорта, норвежцев Хаугли и Ходта, шведа Эрикссона и финна Парккинена, — борьба за первое место шла между советскими конькобежцами Б. Шилковым и О. Гончаренко. Большую золотую медаль чемпиона мира и лавровый венок, как известно, получил Гончаренко.

Наши скороходы показали на катке олимпийского стадиона в Хельсинки отличную технику бега, советскую школу скоростного бега на коньках, умение быстро проходить виражи, делать рывки и правильно распределять свои силы на длинных дистанциях.

Не меньший успех выпал и на долю наших спортсменок. Они участвовали в соревнованиях на первенство мира для женщин, которое проводилось в Лиллехаммере (Норвегия). Здесь упорная борьба разгорелась между Риммой Жуковой и Халидой Щеголеевой. Но и О. Акифьева и Л. Селихова показали отличные секунды и заняли призовые места в забегах. Звание чемпионки мира завоевала Халида Щеголеева.

Так советские конькобежцы завоевали первенствующее положение в мире. Они стали господствовать на ледяных дорожках.

Но в это же время в Кирове, Горьком, Алма-Ате происходили различные соревнования, в которых принимали участие молодые, а иногда юные скороходы.

Так, например, в дни зимних каникул состоялись всесоюзные юношеские соревнования. Замечательных успехов добился ленинградец В. Радышевцев. Интересно, что некоторые его результаты были лучше результатов шведа Эрикссона, который в эти дни выступал в Москве. В конце января В. Радышевцев принял участие в состязаниях сильнейших молодых скороходов страны. Они состоялись на высокогорном катке близ Алма-Аты. Радышевцеву удалось обновить четыре всесоюзных рекорда для юношей старшего возраста.

В Вене на Всемирных студенческих зимних играх также отличились молодые скороходы. У женщин первенствовали Тамара Рылова и Нина Авдонина, а у мужчин — братья А. и П. Павловы и Б. Цыбин.

Но если мы заглянем на катки многих северных городов нашей страны, мы увидим и там новые резервы. В Кирове хорошо бегает Л. Шацкая, в Горьком — Л. Пузанкова, Н. Аврова, В. Максимов, в Москве — Е. Емельянова, В. Шибакова, В. Копытин, В. Ларионов, в Ленинграде — А. Титов и другие. Все они осваивают технику скоростного бега на коньках и показывают хорошие результаты.

В. Ларионов, например, проходит три тысячи метров за 5 минут 10 секунд, а Копытин в беге на 1 500 метров показывает результат 2 минуты 27,8 секунды. Отличные показатели!

Закончившийся зимний спортивный сезон дал замечательные итоги. Но и они, я уверен, не являются предельными. Наши молодые скороходы имеют все возможности добиться еще более высоких результатов и закрепить свое первенствующее положение на катках мира.

Гонки в Яхроме

О. ШМЕЛЕВ

Фото А. БОЧИНИНА.

— Приезжайте к нам в Бакуриани, у нас горки повыше,— говорит Борис Арболешвили латышу Юрису Ужансу (крайний слева). Григорию Дуркину (Коми АССР) и Егору Решетину (Карело-Финская ССР).

Покатые белые склоны спокойных холмов Подмосковья в Яхроме прочерчены, словно аккуратными морщинками, сдвоенными линиями лыжни. С ясного, чуть окрашенного весенней голубизной неба светит большое солнце. В те минуты, когда ветер утихает, чувствуется, что оно уже и греть начинает все больше и больше.

На финише людно. Плотной массой стоят вдоль канатов, окружающих столы судейской коллегии, многочисленные зрители. Волнуясь, они без нужды хлопают рука об руку, как делают, когда хотят согреться.

На гребне холма показывается точка. Приближаясь, она растет, окрашивается в красный цвет. Через минуту кто-то кричит:

— Это Женя Афанасьева!

Вот щелкают секундомеры судей, и напряженная тишина ожидания взрывается громким разноязычным говором.

На питательном пункте.

Победитель соревнований по прыжкам с трамплина К. Цакадзе.

Евгению Афанасьеву, агронома колхоза имени Калинина, Новгородской области, поздравляют и по-грузински, и по-эстонски, и поукраински — в общем представители от всех одиннадцати республик, приславших свои команды на Всесоюзные соревнования сельских физкультурников. Десять километров пройдено за 41 минуту 45 секунд. Прошлогодний результат на этой дистанции улучшен.

Но не успела Афанасьева отдышаться, как на финиш приходит Вера Решетова, колхозница сельхозартели имени Мичурина (Горьковской области).

— Кажется, у нее время получше будет,— говорят зрители.

И действительно, судьи объявляют: время Решетовой — 41 минута ровно.

Афанасьева подъезжает к подруге, жмет ей руку.

— Поздравляю, Вера! Хороший реванш у тебя получился.

На пятикилометровой дистанции Афанасьева была первой, а Решетова второй.

Одновременно идет гонка мужчин на тридцать километров. К питательному пункту один за другим подходят заиндевевшие с ног до головы лыжники. Секунда остановки. Два — три глотка. Стакан летит в снег — и опять вперед.

Между стартом и финишем тридцатикилометровой гонки зрителям как раз хватило времени, чтобы посмотреть состязания по прыжкам с трамплина.

Прыжки следуют один за другим. Вот из толпы, стоящей на ближнем к трамплину склоне, несутся возгласы:

— Коба! Коба Цакадзе!

Яхромчане понимают толк в лыжах и особенно в прыжках: у них давно есть трамплин, многие из них и сами прыгают неплохо.

Лучший из трех прыжков у Кобы Цакадзе, семнадцатилетнего колхозника из Бакуриани: 42 метра. Это высший результат дня.

Едва зрители вернулись к финишу тридцатикилометровой гонки, как вдали на лыжне показался Алексей Кузнецов. Он из Горьковской области, из сельхозартели имени Тимирязева.

Когда судьи объявили его результат, толпа зрителей зашумела. 1 час 43 минуты 10 секунд потребовалось Кузнецову, чтобы пробежать всю дистанцию. Прошлогодний результат улучшен больше чем на 10 минут. За день до этого Кузнецов выиграл и гонку на восемнадцать километров с отличным результатом — 1 час 49 секунд. Это лучший результат сезона.

Вторым на тридцатикилометровке был Григорий Дуркин, учитель цилемской семилетки Усть-Цилемского района, Коми АССР.

Четыре дня длилась упорная борьба на дистанциях, на трассе слалома, на трамплине.

В этом году сельским чемпионам трудно было уже и на предварительных соревнованиях: новички очень ощутительно «поджимали» так называемых стариков.

Не так просто было завоевать право выступать на Всесоюзных соревнованиях. Тем, кто попал в команду и приехал в Яхрому, нельзя было показывать низкие результаты, потому что в положении о соревнованиях, между прочим, записано: «Результаты ниже нормы третьего спортивного разряда всесоюзной классификации в зачет командного первенства не входят».

Как и в прошлом году, переходящий приз увезли спортсмены Российской Федерации. Они, как всегда, были в хорошей спортивной форме и уверенно лидировали.

Судьба второго и третьего мест решилась только в последний день. По итогам трех дней команда Эстонской республики имела преимущество перед командой Карело-Финской ССР всего в одно очко. В последний день соревнований эстонцы закрепили успех и заняли второе место.

Одно бросалось в глаза всякому, кто наблюдал за состязаниями: все — и победители и те, кто занял, как в шутку говорят, «первое место с конца»,— улучшили свои прошлогодние результаты. Это самая характерная особенность прошедших соревнований.

Был такой случай. Представитель одной из команд сказал молоденькому лыжнику, пришедшему почти в самом хвосте:

— Чего ж ты радуешься такому результату? Ведь чуть не последнее место занял.

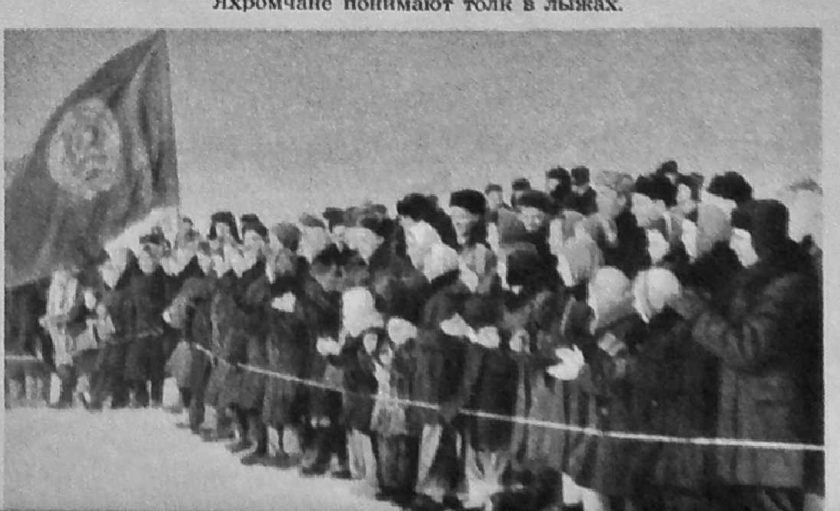
Лыжник улыбнулся и ответил:

— А это ничего! Зато я против прошлого года на десять минут быстрей пробежал. Личный-то свой рекорд я побил!

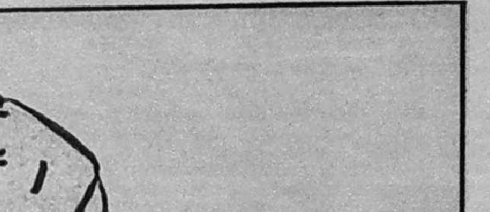
— Поздравляю, Вера! — Евгения Афанасьева (справа) крепко жмет руку Решетовой.

Яхромчане понимают толк в лыжах.

УКРАИНСКИЙ ЮМОР

Из журнала «Перець»

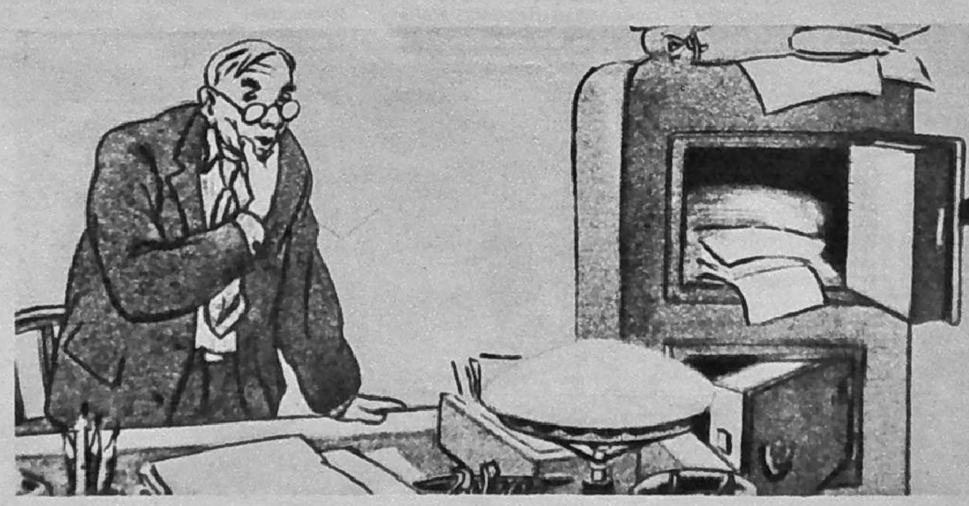
Действие и противодействие.

СКРОМНИК

— Могу устроить тебя в свое управление, но работы маловато. Самому нечего делать.
— А я на большее и не претендую.

Рисунок В. Гливенко.

— У меня секретные документы всегда в надежном месте. Вот только не помню, где именно...

Рисунок А. Арутюнянца.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Кто критик?

Рисунок В. Гливенко.

СЮРПРИЗ НА НОВОСЕЛЬЕ

(Там, где хромает качество)

— А что это на стене?
— Наверное, кривая качества строительных работ...

Рисунок В. Зелинского.

— Вот так и живем: и мы сыты, и овцы целы.
— Как же это у вас выходит?
— Очень просто: овец не трогаем, режем только баранов.

Рисунок А. Арутюнянца.

— Говорят, что вы зажимаете критику?
— Сохрани боже! Наоборот, я сам перед каждым собранием даю указание, кого нужно критиковать и за что.

Рисунок А. Арутюнянца.

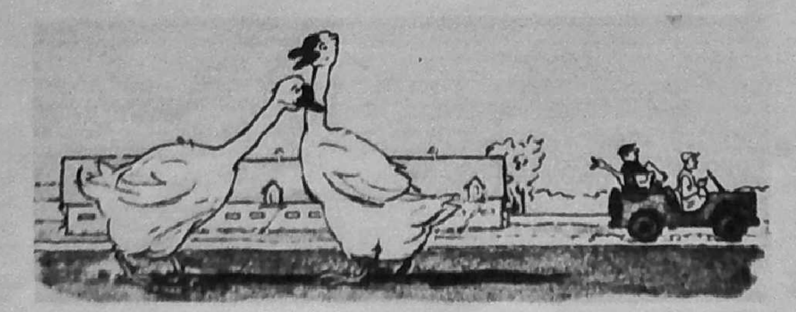
— А тебе не стыдно, что ты остаешься на второй год?
— Это отцу и матери стыдно. Ведь они же за меня уроки готовили.

Рисунок В. Гливенко.

— Зажимать критику нельзя, глушить ее нельзя... Так как же с ней бороться?!

Рисунок В. Литвиненко.

— Где же наша гусыня?
— Вон ее какой-то важный гусь повез...

Рисунок В. Литвиненко.

РИМСКАЯ СИСТЕМА СЧИСЛЕНИЯ

До сих пор в литературе для обозначения столетий, нумерации глав книги и страниц предисловия используются римские цифры. Ими на старых зданиях обозначен год постройки, встречаются они на циферблатах часов.

Происхождение знаков для записи цифр римской системы счисления еще не установлено. Древние римляне пользовались пятью иероглифами: I (один), V (пять), X (десять), ↆ (пятьдесят) и ↀ (сто). Предполагают, что знак для единицы — это иероглиф, изображающий один палец, для пятерки — изображение пяти пальцев (кисть руки с отогнутым большим пальцем), для десяти — изображение двух пятерок, соединенных вершинами.

Позднее, ко времени расцвета римской культуры, эти иероглифы были заменены сходными с ними буквами латинского алфавита, и появились два новых знака. С помощью этих семи знаков римляне записывали все нужные им числа.

Вот эти знаки:

1—I (латинская буква «и»), 5—V (буква «вэ»), 10—X («икс»), 50—L («эль»), 100—C («цэ», возможно, начальная буква латинского слова «цэнтум» — сто), 500 — D («дэ») и 1000—M («эм», возможно, начальная буква слова «милле» — тысяча).

Значение отдельных знаков при чтении записи складывалось, например: III = 3, XXX = 30, CCC = 300. Но когда высший знак стоял правее низшего, тогда это означало, что для прочтения обозначенного числа нужно отнять меньшую цифру от большей, например: IV (один вычесть из пяти) = 4, IX (один вычесть из десяти) = 9, CM (сто вычесть из тысячи) = 900. При этом вычитать можно не больше одного знака, а прибавлять не больше трех однородных. Исключения допускались лишь в особых случаях; так, на памятниках, на каменных плитах иногда 9 изображалось VIIII, а не IX, потому что если подойти к плите с противоположной стороны, то это число будет видно перевернутым — XI, что означает уже не 9, а 11.

Как же при такой системе счисления писали большие числа? Когда в этом у древних римлян появилась надобность, они стали вводить в запись дополнительные значки. Черточка над знаком обозначала тысячи: $\bar{I}$ = тысяча, $\bar{C}$ = сто тысяч. Иногда тысячи обозначала точка, поставленная после знака, например: L· = пятьдесят тысяч. Значок ⊓, в котором находилась цифра, обозначал сотни тысяч: $\overline{|IX|}$ = девятьсот тысяч. Существовали и другие способы записи больших чисел, но все они были также неудобны, зачастую приводили к серьезным недоразумениям. Точки, черточки могли иметь разные толкования, могли стереться или быть продолжены, пополнены. Поэтому в денежных документах (векселя, расписки) римляне стали писать числа не только цифрами, но одновременно и словами. Из истории известен такой случай. По завещанию некоего богача, один из его наследников должен был получить 50 миллионов сестерций, но получил в 100 раз меньше. так как его конкурент по наследству сумел доказать, что спорная запись в завещании означает не 50 миллионов, а 500 тысяч. Записи же числа словами в завещании не было.

Между прочим, в те времена в языке римлян не существовало слов для названий чисел больше тысячи. Число «миллиард» называлось так: «тысячью тысяча раз по тысяче» (термин «миллион» появился в Италии в XIV веке, а «миллиард» — в XIX веке во Франции).

В настоящее время для обозначения в римской нумерации тысяч принят знак m (маленькая буква m — начальная в латинском слове «милле» — тысяча), а для миллиона — знак ∞ (лежачая цифра 8).

Для производства письменных вычислений римская нумерация не приспособлена, считать приходится в уме. Древние римляне при вычислениях применяли особую систему счета на пальцах и пользовались счетной доской — абаком, прообразом современных конторских счетов. Это доска, на которую был насыпан мелкий песок. На нем чертился ряд параллельных вертикальных линий. Образовавшиеся таким образом полосы-колонны предназначались для единиц, десятков, сотен, тысяч. Число их обозначалось черточками, крестиками, кружками, или же на полосы клали нужное количество камешков. В дальнейшем их заменили костяшками, на которых были выгравированы цифры. Счет велся пятками. Дополнительно имелись колонки для долей: половин, третей, четвертей и унций, то есть двенадцатых долей.

Позднее, развивая свое счисление, римляне близко подошли к современной системе счета, пользуясь в абаке костяшками с нанесенными на них знаками первых девяти чисел и ведя счет десятками по разрядам. Однако открытие современного порядка записи чисел — введение нуля для обозначения пропущенных разрядов — принадлежит не римлянам, а индийцам.

Н. НИКОЛАЕВ

Предание о лебедях

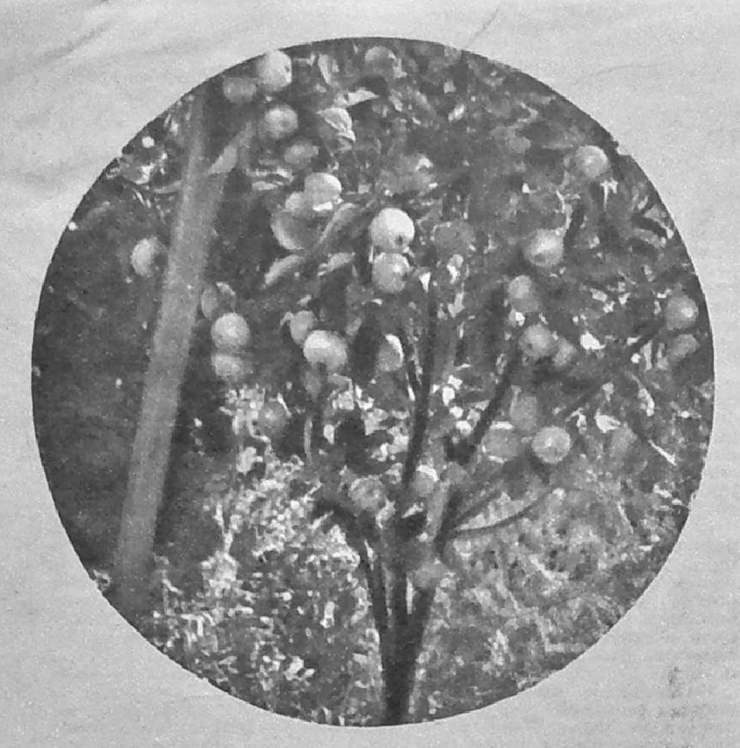
Читатели «Огонька» Л. Коваленко (Москва) и Н. Исаев (Баку) интересуются: справедливы ли рассказы о том, что если один из пары лебедей погибает, оставшийся в живых взмывает в небо, складывает крылья и камнем падает вниз, разбиваясь насмерть? Такова будто бы сила их привязанности.

Своей красотой, гордой осанкой и трубными кликами эти большие белоснежные птицы всегда привлекали внимание человека. Еще в древности их поэтизировали, им приписывали человеческие чувства и мысли. Такой очеловеченный лебедь, а в других случаях человек в образе лебедя вошли в античные мифы, сказки и песни народов, в изобразительное искусство и художественную литературу. Вспомним хотя бы прекрасную царевну-Лебедь из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина.

К числу сказочных относится и то предание, которое приводят читатели. В основу его, повидимому, положено верное наблюдение, что лебеди образуют пары на всю жизнь, но все остальное — вымысел.

Не подтверждается фактами и версия, что оставшийся в живых лебедь начинает в тревоге летать над местом гибели своей подруги и летает до тех пор, пока мертвым не падает на землю.

В. АЛЕКСЕЕВ

Воспитание яблони

Весна входит в свои права. Чаще наведываются садоводы в свои сады. Как будут плодоносить яблони в нынешнем году?

Одни садоводы, взглянув на яблони, не дававшие плодов 8—10—12 лет, с грустью задумываются о затраченных ими усилиях. Другие, собрав в прошлом году урожай яблок, не надеются на повторное получение его в этом году, примирившись с мыслью, что яблони не плодоносят ежегодно.

Ошибки тех и других садоводов, к сожалению, весьма распространенны. В результате этого наша страна не получает сполна урожая яблок, теряя многие тысячи тонн превосходных плодов.

А между тем имеются способы действенного воспитания яблонь, разработанные на основе учения И. В. Мичурина и надежно обеспечивающие ежегодное плодоношение этих деревьев.

Член Всесоюзного сельскохозяйственного общества садовод-новатор И. А. Сапожков в течение ряда лет получает в условиях Подмосковья ежегодно обильные урожаи яблок. Этого исключительного успеха он достиг применением биологической обрезки яблонь.

Сущность ее состоит в том, что путем вырезки лишних суков в конце марта он прореживает крону дерева так, чтобы после обрезки оставались только ведущие и соподчиненные им, несколько меньших размеров, ветви, а также мелкие плодовые веточки. Но эти оставленные ветви он не укорачивает, как это делают многие садоводы, а предоставляет им свободное развитие. Таким образом, создается стройная, без острых углов и загущения излишними побегами — «волчками», более жизнедеятельная форма кроны. А чем светлее крона, тем больше доступа солнцу и воздуху, тем больше и урожаи яблок. Необходимые для дерева вещества уже не расходуются на «конкурирующие», почти не плодоносящие ветви, а идут полностью, не задерживаясь, к его побегам. Молодые яблоньки вступают в раннюю пору нормального плодоношения на третий — четвертый год. Не дававшие урожаев или же плодоносившие через год взрослые деревья дают ежегодно большие урожаи плодов.

Полученные из питомника яблоньки-двухлетки, имеющие основной побег и шесть—семь боковых ветвей, садоводы обычно подвергают механической обрезке. Они укорачивают все ветви и основной побег на две трети, чтобы привести в соответствие надземную часть саженцев с их корневой системой, нарушенной при выкопке. А товарищ Сапожков сразу формирует двухлетку: не укорачивая, он оставляет на ней основной побег и три таких боковых ветви, которые идут под тупыми углами в разные стороны и на различных расстояниях одна от другой по стволу. Тем самым сохраняются в целости ветви с накопленными в них питательными веществами. После биологической обрезки саженцы яблони получают дополнительное питание от корневой системы за счет удаленных ветвей, усиленно развиваются, закладывают плодовые почки и уже со следующего года начинают плодоносить.

В опытном саду И. А. Сапожкова, на станции Загорянской, Ярославской железной дороги, бывают многие садоводы-любители, работники опытных станций и плодовых питомников, ученые-растениеводы.

Яблони в возрасте 6—7 лет приносят ежегодно урожаи до 70 килограммов отличных плодов с каждого дерева.

П. ЧУМАК

Схема биологической обрезки яблони по методу новатора-садовода И. А. Сапожкова. Светлые ветви — те, которые надо обрезать. Темные — оставленные.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Русский революционный поэт. 8. Скульптурное изображение. 10. Фамилия пулеметчика в повести Д. Фурманова «Чапаев». 11. Монета. 12. Очертание предмета. 13. Тригонометрическая функция. 17. Светящееся в темноте вещество. 19. Спортивная игра. 20. Приток Тобола. 21. Календарное время события. 22. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 23. Английский писатель. 24. Город в РСФСР. 26. Плавкое вещество, похожее на воск. 27. Сочинение небольшого размера. 29. Звероловный прибор. 33. Музыкальная пьеса для восьми голосов. 34. Город в Коми АССР. 35. Самый крупный из Малых Зондских островов. 36. Занавеска. 37. Войсковая группа.

По вертикали:

1. Краткое изложение. 2. Садовое растение. 3. Лесной зверек. 4. Птица. 5. Учебное наглядное пособие. 6. Рекордсменка по скоростному бегу на коньках. 9. Отдел физики. 14. Город в Италии. 15. Рабочий-подводник. 16. Русский композитор. 18. Грызун с ценным мехом. 23. Прибор в радиоприемнике. 25. Река в Южной Америке. 28. Льняная или конопляная солома. 30. Действие, служащее образцом для подражания. 31. Минерал. 32. Разновидность бурого каменного угля.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

9. Художник. 10. Указание. 11. Изобретательность. 12. Алдан. 13. Хорек. 14. Шторм. 17. Галилей. 18. Сенегал. 19. Стрепет. 21. «Стожары». 25. Вальс. 26. Марля. 27. Оникс. 30. Самостоятельность. 31. Лестница. 32. Тростник.

По вертикали:

1. «Мурзилка». 2. Сообразительность. 3. Инбер. 4. Экватор. 5. Пулемет. 6. Ладья. 7. Самоотверженность. 8. Цистерна. 15. Терек. 16. Нефть. 20. Трафарет. 22. Ракитник. 23. Запятая. 24. Плоешти. 28. Штрих. 29. Львов.

Из почты «Огонька»

ЧЕРЕПАХА В ОКЕ

Читатель «Огонька» А. С. Воронин из Горбатова на Оке, Горьковской области, пишет нам о любопытных результатах одной охоты.

В середине ноября прошлого года местный охотник И. А. Никифоров отправился в луга за зайцами. Проходя поймой Оки, сквозь прозрачный лед затона он заметил на мелководье черепаху. Удивленный охотник сошел на лед. Животное, заслышав его приближение, быстро втянуло голову и конечности под щит. Тогда он вырубил топориком окошко во льду и вытащил из воды средней величины темнокоричневую черепаху с мелким желтым крапом по верхнему щиту и по черным перепончатым лапам. Охотник принес «добычу» домой. Черепаха облюбовала себе в комнате место под комодом и впала в спячку.

Черепахи в этих районах не водятся, и поимка необычного для Горьковской области пресмыкающегося заинтересовала местных охотников-натуралистов.

Редакция обратилась за разъяснением к доценту кафедры зоологии позвоночных Московского государственного университета, кандидату биологических наук Н. В. Шибанову, который сообщил следующее:

— Северная граница распространения болотных черепах лежит значительно южнее города Горбатова, она проходит по Тамбовской и Куйбышевской областям. Однако об отдельных случаях поимки этих земноводных на Оке приходилось слышать и раньше. Легче всего предположить, что черепаха сбежала из террариума какого-нибудь любителя, но если это так, то почему же черепахи чаще сбегают от любителей живой природы, живущих на Оке, чем от москвичей. Между тем в Москве, безусловно, больше и любителей и научных учреждений, имеющих террариумы.

Вполне возможно, что черепаха проникла в затон Оки естественным путем из более южных районов. Есть указания, что таких черепах изредка встречали под Казанью, а в древности они были широко распространены в болотах рязанской Мещёры.

Представляет интерес обследование затона весной и летом. Если при этом будут обнаружены новые экземпляры, тогда можно определенно говорить о продвижении болотной черепахи к северу естественным путем.

Полезные советы

СТИРКА БЕЗ... СТИРКИ

«...обращаюсь с просьбой разъяснить и посоветовать мне, как можно и нужно хорошо стирать белье, чтобы на это не затрачивалось много времени. Этот вопрос интересует многих домохозяек»,— пишет читательница «Огонька» Л. И. Султанбекова из города Зарасая, Литовской ССР.

Выполняем ее просьбу.

Практики рекомендуют стирку хлопчатобумажного и льняного белья с силикатным клеем, который иногда называют конторским клеем.

Этот способ состоит в следующем. Белье нужно намочить в теплой воде, каждую вещь намылить мылом и положить в бак для кипячения. Затем, в зависимости от жесткости воды, растворить в ведре воды 2 или 3 столовые ложки клея и 2 или 3 столовые ложки стиральной соды, залить этим раствором белье в баке и кипятить часа два, не смущаясь тем, что раствор становится почти коричневым. После кипячения белье очень тщательно, несколько раз, прополаскивается в холодной воде, потом, как обыкновенно, его подсинивают, крахмалят и гладят.

При таком способе «стирки» хорошо удаляются жировые и масляные пятна, трудно устранимые пятна от постного масла и красных вин, не образуется ржавых пятен; белье становится не только чистым, но и белым. Способ этот рекомендуется также для стирки спецодежды, загрязненной смазочным маслом. Основан он на смягчении воды и усилении действия мыла щелочными солями, к которым относятся силикатный клей и стиральная сода.

Н. ИВАНОВ

В этом номере помещены две страницы репродукций картин В. В. Мешкова и шесть страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

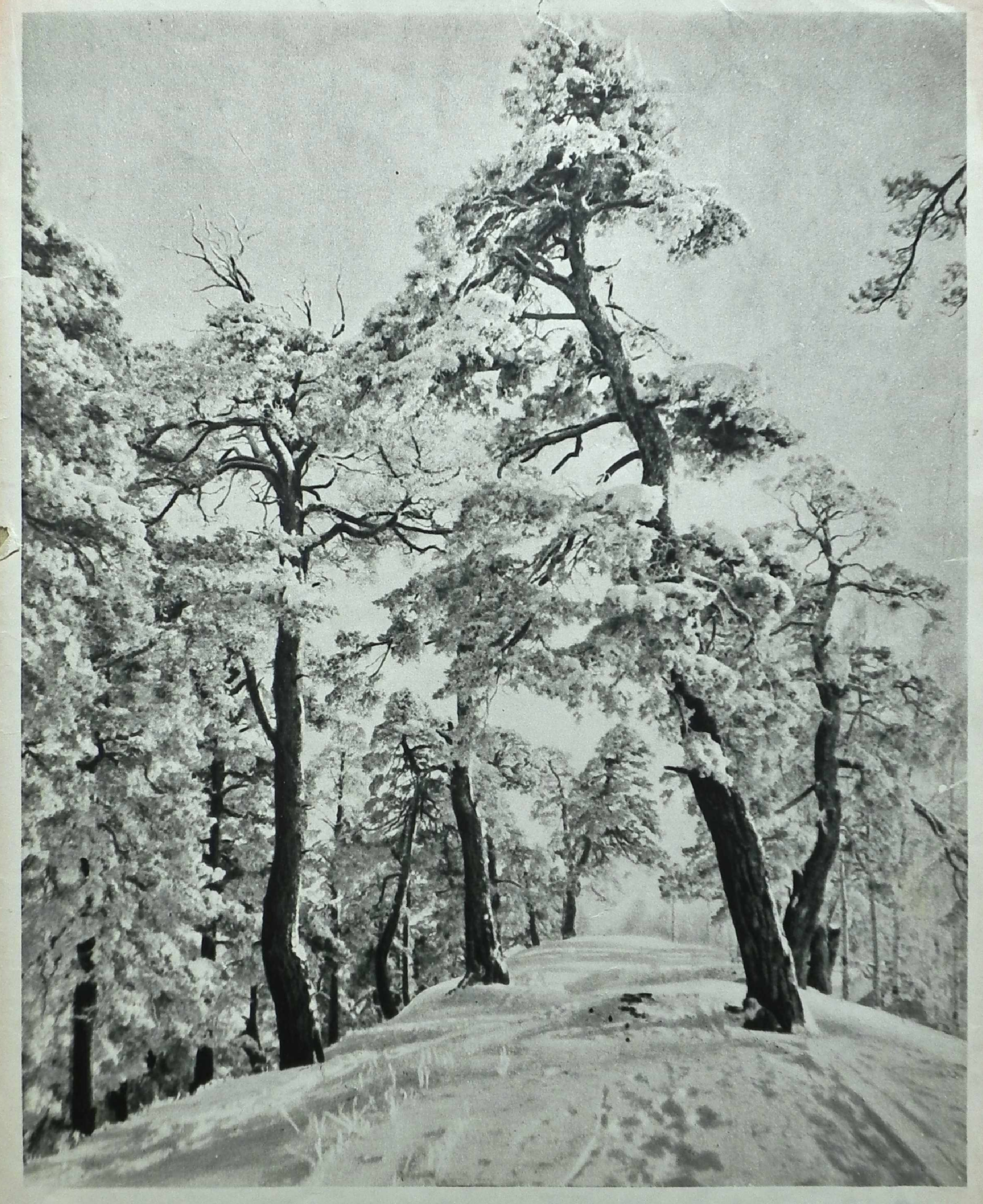
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

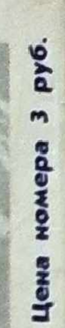
Оформление И. Уразова.

А01774. Подп. к печ. 24/III 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 238. Заказ № 232. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ. Фото А. Горячева.

Цена номера 3 руб.